

НИККОЛО АММАНИТИ
NICCOLO' AMMANITI

Я НЕ БОЮСЬ

Популярность Амманити в мире отнюдь не случайна — он не «однодневка». Прочтите «Я не боюсь» и все поймете сами... Или посмотрите фильм, он ничуть не хуже!

АААBookSearch

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

CONTEMPORARY CLASSICS

Machaon

Annotation

Никколо Амманити — один из наиболее популярных современных писателей Италии. Родился в Риме в 1966 г. Дебютировал в 1994 г. и сразу с романом. Автор книжки эссе, двух сборников коротких рассказов и трех романов, один из которых, «Я не боюсь», опубликованный в конце 2001 г., лег в основу художественного фильма с тем же названием, вышедшего на экраны летом 2002 г.

«Я не боюсь» — книга о смелости и дружбе, о жестокости и любви, о том, как иногда в самые опасные передрыги оказываются втянуты самые близкие люди...

- [Содержание](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

Содержание

Никколо Амманити
Я НЕ БОЮСЬ

Роман

Я уже почти обогнал Сальваторе, как вдруг услышал крик моей сестры. Я обернулся и успел увидеть, как ее поглотила пшеница, покрывавшая холм.

Не стоило тащить ее с собой, мама еще выдаст мне за это по полной программе.

Я остановился. Пот лил с меня ручьем. Я перевел дыхание и позвал:

— Мария! Мария!!

Мне ответил плачущий голос:

— Микеле!

— У тебя что-то заболело?

— Да. Иди ко мне.

— Где тебе больно?

— В ноге.

Она притворялась, просто устала. Иди вперед, сказал я себе. А если правда с ней что-то случилось?

Где остальные?

Я видел их следы в пшенице. Они медленно, параллельно друг другу, словно пальцы руки, поднимались к вершине холма, оставляя за собой просеки сломанных колосьев.

Пшеница в этом году уродилась высоченной. В конце весны лило как из ведра, и к середине июня злаки были крупными как никогда прежде. Готовые к уборке, они стояли густо, налитые зерном.

Пшеница была повсюду. По холмам и низинам переливалась она золочеными океанскими волнами. До самого горизонта — только пшеница, небо, цикады, солнце и жара.

Я не знал, сколько было на градуснике, — в девять лет не очень-то разбираются в шкале термометра, но я понимал, что жара ненормальная.

Проклятое лето 1978 года стало знаменитым как самое жаркое в этом веке. Жар раскалял камни, иссушал землю, губил растения, убивал животных и поджигал дома. Если ты поднимал помидор с

грядки, он был без сока, а кабачки — маленькие и твердые как камень. Солнце затрудняло дыхание, лишало сил, желая двигаться, жить. И ночь мало чем отличалась от дня.

Взрослые жители нашего местечка Акуа Траверсе никогда не покидали домов раньше шести вечера. Укрывались внутри за опущенными жалюзи. Только дети отваживались выходить на раскаленную безлюдную улицу.

Моя сестра Мария, пятью годами младше меня, следовала за мной повсюду с преданностью дворняжки, выгнанной из конуры.

«Я хочу делать все, что делаешь ты», — постоянно повторяла она. И мама была на ее стороне: «Ты ей старший брат или кто?» И мне приходилось везде таскать ее с собой.

Никто не остановился помочь ей сейчас.

Это было понятно, ведь мы же соревновались.

— Вперед, на вершину. Идти только прямо. След в след запрещается. Останавливаться нельзя. Кто приходит последним, тому наказание, — объявил свое решение Череп и сделал мне уступку: — Ладно, твоя сестра не считается. Слишком маленькая.

— Я не слишком маленькая! — запротестовала Мария. — Я тоже хочу участвовать в соревновании!

А потом упала.

Жаль. Я ведь шел третьим.

Впереди всех был Антонио по прозвищу Череп. Почему его так прозвали, я уже и не помню. Может, потому, что он однажды наклеил на руку изображение черепа, одну из тех картинок, что продавались в табачных лавках и наклеивались, если их смочить водой. Череп был самый старший в нашей компании. Ему было двенадцать. И он верховодил. Ему нравилось командовать, и, если ты ему не подчинялся, он злился. Он стал первым только потому, что был крупный, сильный и отможенный. Вот и сейчас он пер по склону, словно бульдозер.

Вторым шел Сальваторе.

Сальваторе Скардаччоне стукнуло девять, как и мне. Мы ходили в один класс, и он был моим самым лучшим другом. Сальваторе был выше меня ростом. И был замкнутым мальчишкой. Иногда участвовал в наших играх, но чаще занимался своими делами. Он был бойчее

Череп, но его не интересовало главенство в нашей компании. Его отец, адвокат Эмилио Скардаччоне, считался важной шишкой в Риме. И имел кучу денег в Швейцарии. По слухам.

Потом шел я, Микеле. Микеле Амитрано. Третьим. Я поднимался довольно быстро, но из-за сестры остановился.

Пока я рассуждал, идти ли мне дальше или возвращаться, я стал уже четвертым. Недалеко от меня прошмыгнул этот обмылок, Ремо Марцано. И, если я не продолжу подниматься, меня обгонит даже Барбара Мура.

Это был бы позор. Дать обогнать себя девчонке. Этой толстухе.

Барбара Мура перла в гору на четвереньках, словно свирепая свинья. Вся в поту и в земле.

— Ты чего, почему не идешь к сестренке? Не слышишь, зовет? С ней что-то случилось, бедняжка! — прохрипела она, счастливо улыбаясь. Впервые ей выпал шанс не быть наказанной.

— Иду, иду... А потом все равно тебя обгоню. — Я не мог дать ей победить меня таким образом.

Я повернулся и начал спускаться, размахивая руками. Кожаные сандалии скользили по колосьям, и пару раз я падал на задницу.

Я не видел сестру.

— Мария! Мария! Ты где?

— Микеле...

Вот она. Маленькая и несчастная. Сидела среди поломанных колосьев, одной рукой терла лодыжку, а другой придерживала очки. Волосики прилипли к влажному лбу, глаза блестели. Увидев меня, она сжала губы и надулась, как индюк.

— Микеле...

— Мария, из-за тебя я проиграю! Я же просил тебя не ходить, черт тебя побери! — Я сел рядом. — Что с тобой?

— Я оступилась, и у меня заболела нога... —

Она глубоко вздохнула, зажмурилась и заканючила: — Еще очки! Очки сломались!

Я едва удержался, чтобы не дать ей затрещину. С тех пор как начались каникулы, она ломала очки уже третий раз. И всякий раз на кого вешала всех кошек мама?

«Ты должен смотреть за своей сестрой, ты ведь старший брат».

«Мама, но я...»

«Никаких *мама*. Ты что, до сих пор не понял, что деньги не растут на грядках? В следующий раз, когда вы сломаете очки, я тебя так взгрею, что...»

Очки сломались ровно посередине, в том месте, где их уже однажды склеивали. Теперь их можно было выбросить.

А сестра продолжала канючить:

— Мама... Она будет ругаться... Что нам делать?

— Что тут сделаешь? Замотаем скотчем. Давай вставай.

— Они будут некрасивыми со скотчем. Страшными. Мне не нравится.

Я сунул очки в карман. Без них Мария не видела ничего, у нее была косина, и врач сказал, что нужно обязательно сделать операцию, пока она не повзрослела.

— Ладно, все будет в порядке. Вставай. Она прекратила ныть и зашмыгала носом:

— У меня нога болит.

— В каком месте? — Я продолжал думать о других. Должно быть, они уже давно взобрались на холм. Я оказался последним. Оставалось надеяться, что Череп не придумает для меня слишком суровое наказание. Однажды, когда я проиграл соревнование, он заставил меня бегать по крапиве.

— Так где у тебя болит?

— Здесь. — Она ткнула пальцем в лодыжку.

— Вывихнула, наверное. Ну ничего. Сейчас пройдет.

Я расшнуровал ей башмак, осторожно извлек ногу. Как это сделал бы врач.

— Так лучше?

— Немножко. Пойдем домой. Я очень пить хочу. И мама...

Она была права. Мы ушли слишком далеко от дома. И очень давно. Уже прошло время обеда, и мама, должно быть, поджидает нас, сидя у окна.

Ничего хорошего от возвращения домой я не ждал.

Но кто бы мог представить себе это несколькими часами раньше!

Этим утром мы взяли велосипеды.

Обычно мы совершали недалекие прогулки вокруг домов, до границ полей или до высохшего русла реки и возвращались назад, соревнуясь в скорости.

Мой велосипед представлял собой старую железяку со штопаным-перештопаным седлом и был очень высоким.

Все звали его Бульдозером. Сальваторе утверждал, что такие велосипеды у альпийских стрелков. Мне он очень нравился, это был велик моего отца.

Если мы не гоняли на велосипедах, то играли на улице в футбол, в «укради флаг», в „раз-два-три, замри!“ или бездельничали под навесом сеновала.

Мы могли делать все, что нам нравилось. Машины здесь не ездили, поэтому опасаться было нечего. А взрослые прятались по домам, будто жабы, ожидавшие спада жары.

Время тянулось медленно. К концу лета мы с нетерпением ждали дня, когда начнутся занятия в школе.

Этим утром мы принялись обсуждать свиней Меликетти.

Мы частенько разговаривали об этих свиньях. Ходили слухи, что старый Меликетти выдрессировал их жрать кур, а иногда даже кроликов и кошек, которых он подбирал на дороге.

Череп длинно сплюнул.

— Я вам до сих пор не рассказывал про это, потому что не имел права. Но сейчас скажу: эти свиньи сожрали таксу младшей Меликетти.

Все хором закричали:

— Не может быть! Это неправда!

— Правда. Клянусь вам сердцем Мадонны. Живьем. Абсолютно живую.

— Это невозможно!

— Что же это за свиньи такие, что жрут породистых собак?

— Запросто. — Череп закивал. — Меликетти бросил таксу в загон. Она попыталась сбежать, это хитрая собака, но свиньи у Меликетти еще хитрее. И не дали ей спастись. Разорвали в две секунды. — Потом добавил: — Они хуже диких кабанов.

— А зачем он ее туда бросил? — спросила Барбара.

Череп подумал немного:

— Она ссала в доме. И если тебя бросить к ним, такую толстуху, они и тебя обглодают до косточек.

Мария встала.

— Он что, сумасшедший, этот Меликетти? Череп опять сплюнул.

— Еще больше, чем его свиньи.

Мы замолчали, размышляя о том, как с таким дурным отцом живет его дочка. Никто из нас не знал ее имени, но известна она была тем, что носила какую-то железную штуку на одной ноге.

— Можно поехать туда и посмотреть! — вырвалось у меня.

— Экспедиция! — завизжала Барбара.

— Ферма Меликетти очень далеко отсюда. Долго ехать, — буркнул Сальваторе.

— Брось ты. Ближе, поехали... — Череп вскарабкался на велосипед. Он не упускал случая взять верх над Сальваторе.

— А давайте возьмем курицу из курятника Ремо? — пришла мне в голову идея. — Когда мы туда приедем, можем бросить ее свиньям в загон и посмотреть, как они ее сожрут.

— Здорово! — одобрил Череп.

— Папа убьет меня, если мы возьмем его курицу... — заныл Ремо.

Но уже ничего нельзя было поделать: больно хороша показалась идея.

Мы вошли в курятник, выбрали самую худую и общипанную курицу и сунули ее в мешок. И поехали всей шестеркой плюс курица, чтобы посмотреть на знаменитых свиней Меликетти. Мы крутили педали среди пшеничных полей, и крутили, и крутили, и взошло солнце и раскалило все вокруг.

Сальваторе оказался прав: до фермы Меликетти было очень далеко. Когда мы добрались до нее, мозги закипали от жары и мы умирали от жажды.

Меликетти в солнечных очках восседал в ветхом кресле-коляске под дырявым зонтом.

Ферма дышала на ладан, крыша дома была латана жостью и гудроном, двор завален рухлядью: тракторные колеса, проржавевшая малолитражка, ободранные стулья, стол без одной ножки. К деревянному столбу, увитому плющом, прибиты коровьи черепа,

выбеленные солнцем. И еще один череп, маленький и без рогов. Кто знает, какому животному он принадлежал.

Залаяла огромная собака, кожа да кости на цепи.

В дальнем углу двора стояла лачуга из листового железа и загон для свиней у самого входа в небольшую расщелину.

Расщелина напоминала длинный каньон, промытый в камне водой. Острые белые обломки скал, словно зубья, торчали из рыжей земли. На его склонах росли искривленные оливы, земляничные деревья и мышиный терн. Обычно в таких расщелинах много пещер, которые пастухи используют как загоны для овец.

Меликетти походил на мумию. Морщинистая кожа висела на нем, как на вешалке, абсолютно безволосая, кроме небольшого белого пучка, росшего посреди груди. Шею поддерживал ортопедический воротник, застегнутый зелеными эластичными липучками. Из одежды на нем были только издававшие виды черные штаны и коричневые стоптанные пластиковые сандалии.

Он видел, как мы подъезжаем на наших велосипедах, но даже не повернул головы. Должно быть, мы показались ему миражом. На этой дороге уже давно никто не появлялся, разве что иногда проезжал грузовик с сеном.

Страшно воняло мочой. И было полно слепней. Миллионы. Меликетти они не беспокоили. Они сидели у него на голове, ползали по нему вокруг глаз, как по корове. Только когда они заползали ему в рот, он их выдувал.

Череп выступил вперед:

— Здравствуйте. Мы очень хотим пить. Здесь есть где-нибудь вода?

Я держался настороженно: от такого, как Меликетти, можно ждать всего чего угодно. Застрелит, скормит тебя свиньям или угостит отравленной водой. Папа мне рассказывал об одном типе из Америки, у которого было озеро, где он разводил крокодилов, и, если ты останавливался спросить его о чем-нибудь, он приглашал тебя в дом, бил по голове и бросал на съедение крокодилам. А когда приехала полиция, чтобы отправить его в тюрьму, он сам оказался разорванным на куски. Меликетти вполне мог быть из таких.

Старик поднял очки:

— Что вы делаете здесь, ребяташки? Не слишком ли далеко от дома забрались?

— Синьор Меликетти, а правда, что вы скормили свиньям свою таксу? — вдруг спросила Барбара.

У меня душа ушла в пятки. Череп обернулся и испепелил ее взглядом, а Сальваторе пнул по ноге.

Меликетти засмеялся так, что закашлялся, и казалось, вот-вот задохнется. Когда он пришел в себя, спросил:

— Кто тебе рассказал эту глупость, девочка?

Барбара ткнула пальцем в Черепа:

— Он!

Череп налился краской, опустил голову и начал разглядывать свои башмаки.

Я знал, почему Барбара сказала так.

Когда днем раньше мы соревновались, кто дальше бросит камень, Барбара проиграла. В наказание Череп заставил ее расстегнуть рубашку и показать всем грудь. Барбаре было одиннадцать лет. И грудь у нее была никакая, так — прыщики, ничего общего с той, что будет у нее через пару лет. Она отказалась.

— Если не сделаешь это, забудь о том, чтобы быть с нами, — пригрозил ей Череп.

По-моему, он хватил через край — такое наказание было несправедливым. Барбара мне не нравилась, она всякий раз пыталась сделать какую-нибудь пакость, но демонстрировать грудь... Нет, это уж слишком.

Но Череп уперся:

— Или ты делаешь это, или вали отсюда.

И Барбара молча расстегнула рубашку.

Я не смог удержаться, чтобы не посмотреть на нее. Это была первая грудь, которую я видел в жизни, не считая маминой и, может быть, еще моей кузины Эвелины, которая была старше меня на десять лет, когда однажды она пришла ночевать в нашу комнату. В общем, я уже имел представление о груди, которая бы мне нравилась, и уж грудь Барбары ничего общего с ней не имела. Ее сисечки казались двумя пухлыми бугорками, не очень-то отличавшимися от жирных складок на ее животе.

Эту историю Барбара запомнила и сейчас не упустила случая отомстить Черепу.

— Так, значит, это ты рассказываешь всем, что я скормил своего пса свиньям? — Меликетти почесал грудь. — Аугусто, так его звали. Как римского императора. Ему было тринадцать лет, когда он помер. Он подавился куриной косточкой. Я похоронил его как христианина, с почестями. — Меликетти ткнул пальцем в Черепа: — А ты, паренек, держу пари, самый старший из всех, не так ли?

Череп не ответил.

— Так вот, ты никогда не должен говорить неправду. И не должен поливать грязью других. Нужно всегда говорить только правду, особенно тем, кто младше тебя. Правду всегда. Перед лицом людей, Бога и самого себя, понял? — Он напоминал священника, наставляющего грешника.

— И он не гадил в доме? — настаивала Барбара.

Меликетти попытался отрицательно покачать головой, но ему мешал воротник.

— Нет. Это была воспитанная собака. Прекрасный охотник на мышей. Мир его душе. — И он показал на фонтанчик: — Если хотите пить, вода там. Лучшая в округе. И это не вранье.

Мы напились воды так, что готовы были лопнуть. Она была холодной и вкусной. Затем принялись обливать друг друга и совать головы под трубу.

Череп принялся за свое, сказав, что Меликетти — кусок дерьма. И он точно знает, что этот придурак скормил пса свиньям.

Потом посмотрел на Барбару и проворчал:

— Ты мне за это заплатишь.

Отошел и уселся на противоположной обочине дороги.

Я, Сальваторе и Ремо принялись ловить головастика. Моя сестра и Барбара уселись на бортик фонтана, опустив ноги в воду.

Спустя несколько минут вернулся Череп, трясаясь от возбуждения.

— Смотрите! Смотрите! Смотрите, какой огромный!

Мы обернулись:

— Ты о чем?

— Вон он!

И показал на холм.

Холм походил на чудовищных размеров кулич, положенный каким-то гигантом посреди равнины. Он возвышался в паре километров от нас. Гигантский кулич, переливавшийся золотом. Пшеница одевала его, словно шуба. Не было видно ни одного дерева или растения, нарушавшего совершенство его профиля. Небо вокруг было грязным и текучим. Другие холмы, стоящие за ним, казались карликами по сравнению с этим громадным куполом.

Непонятно, почему до этого момента я не обращал на него внимания. Мы его, конечно, видели, но не заметили. Может, потому, что он сливался с пейзажем. Или потому, что мы ехали, внимательно следя за дорогой, а головы были забиты фермой Меликетти.

— Поднимемся на нее, — предложил Череп. — Заберемся на эту гору.

— Может, есть что-нибудь интересное там, наверху, — поддержал я.

Нечто притягательное было в этом холме, казавшемся невероятным, может быть, там обитало какое-нибудь странное животное. Так высоко никто из нас еще не забирался.

Сальваторе прикрыл глаза от солнца и посмотрел на вершину.

— Готов поспорить, что сверху видно море. Да, мы должны туда подняться.

Мы замерли, разглядывая холм. Это было приключением почище свиной Меликетти.

— А на самой макушке мы поставим наш флаг. Чтобы каждый, кто туда заберется, знал, что раньше его там были мы, — сказал я.

— Какой флаг? У нас нет никакого флага, — заметил Сальваторе.

— А курица?

Череп схватил мешок, где сидела птица, и начал размахивать им в воздухе.

— Точно! Свернем ей шею, воткнем в задницу палку, а второй конец в землю. Я понесу ее наверх.

Курицу на колу могли принять за знак ведьмы. Но Череп уже командовал:

— Вперед, на вершину. Идти только прямо. След в след идти запрещается. Останавливаться нельзя. Кто приходит последним, тому наказание.

Мы разинули рты.

Соревноваться! Зачем?

Мне было понятно. Он хотел отомстить Барбаре. Он знал, что она точно придет последней и получит сполна.

Я подумал о своей сестре. Я сказал, что она еще слишком мала, чтобы участвовать в таких соревнованиях, и это несправедливо, потому что она обязательно проиграт.

Барбара сделала отрицательный жест пальцем. Она хорошо поняла, какой сюрприз приготовил ей Череп.

— Это не важно. Соревнование есть соревнование. Она пришла с нами. Или участвует, или остается внизу.

Ну уж нет. Я не мог оставить Марию. История с крокодилами не выходила у меня из головы. Меликетти был вежлив, но это не значило, что можно ему доверять. Если он ее убьет, что я потом скажу маме?

Если моя сестра остается, остаюсь и я. Тут вступила Мария:

— Я не маленькая! Я тоже хочу соревноваться.

— Закрой рот!

Решение принял Череп: может идти, но не участвовать.

Мы бросили велосипеды за фонтанчиком и двинулись в путь.

Вот так я оказался в низу холма. Я натянул Марии башмачок.

— Сейчас можешь идти?

— Нет. Очень больно.

— Подожди. — Я пару раздохнул на ногу. Затем собрал немного сухой земли, плюнул, перемешал и положил на больное место. — Сейчас пройдет. — Я знал, что это не поможет. Земля помогала хорошо от укусов пчел и крапивы, но не при вывихах.

— Так лучше?

Она вытерла нос ладошкой.

— Чуть-чуть.

— Попробуешь идти?

— Да.

Я взял ее за руку:

— Тогда пошли. Давай, а то мы последние.

И мы направились к вершине. Каждые пять минут Мария должна была садиться, чтобы дать отдохнуть ноге. К счастью, поднялся легкий ветерок и идти стало легче. Он шелестел в пшенице, словно чье-то легкое дыхание. Внезапно мне показалось, что совсем рядом с нами

мелькнул зверь. Темный, стремительный. Волк? Нет, в наших краях волков не водилось. Может быть, лиса или собака.

Подъем был крутой и никак не заканчивался. Прямо перед глазами только пшеница, и, когда глаза увидели кусочек неба, я понял, что осталось всего ничего, что вершина вот она, рядом, что мы почти пришли.

И не увидели ничего особенного. Все покрыто пшеницей, как и остальная земля вокруг. Под ногами такая же рыжая и прожаренная почва. Над головой то же раскаленное солнце.

Я посмотрел на горизонт. Его завлакивала молочная дымка. Моря не было видно. Только другие холмы, пониже, ферма Меликетти с загонами для свиней и расщелиной, а также белая дорога, разрезавшая поля. Длинная дорога, по которой мы проехали на велосипедах, чтобы добраться сюда. Были видны также маленькие-маленькие строения, где жили мы. Акуа Траверсе. Четыре домика и старинная вилла, затерявшиеся в пшенице. Лучиньяно, самый близкий к нам городок, был скрыт облаками.

— Я тоже хочу посмотреть, — сказала сестра. — Покажи мне.

Я посадил ее себе на плечи, хотя ноги меня еле держали. От усталости. Интересно, что она могла видеть без очков?

— А где остальные?

Там, где они прошли, был беспорядок, многие стебли согнуты, а некоторые поломаны. Мы пошли по этим следам, ведущим к противоположному склону холма.

Мария сжала мне руку, вцепившись ногтями в кожу...

— Какая гадость!

Я повернулся.

Они сделали это. Они посадили курицу на кол. Она торчала на самом остром камышовой трости. Свисающие ноги и широко расставленные крылья. Испачканная кровью голова свешивалась набок, наводя ужас. Из сжатого клюва капали тяжелые красные капли. Рой мух с блестящими брюшками вился вокруг, налипая на глаза, на кровь.

Ледяная дрожь прошла у меня по спине.

Мы пошли дальше, перевалили через хребет и стали спускаться.

Куда, черт побери, они потопали? Почему спустились по этой стороне?

Пройдя еще метров двадцать, я понял куда.

Холм не был круглым. С противоположной стороны он терял свою безукоризненность и перетекал в подобие бугра, который, выгибаясь, плавно снижался до самой равнины. Посреди этого бугра находилась узкая впадина, которую можно было разглядеть, наверное, только сверху или с самолета.

Легко было бы вылепить этот холм из глины. Сначала скатать шар. Затем разрезать его надвое. Одну часть положить на стол. Из другой половинки сделать сосиску, нечто вроде толстого червяка, прикрепить к первой, выдавив посередине небольшое углубление.

Самым удивительным было то, что в этой спрятанной от глаз впадине росли деревья. Укрытая от ветра и солнца, стояла самая настоящая дубовая роща. А посреди нее — одинокое строение.

Заброшенный дом с провалившейся крышей из коричневой черепицы и темными балками просвечивал сквозь листву.

Мы спустились вниз по тропинке и вышли к дому.

Здесь было все, чего я сейчас желал больше всего на свете, — деревья, тень и прохлада.

Цикад не было слышно, только щебетанье птиц. Кругом полно лиловых цикламенов. И ковер зеленой травы. И замечательный запах. Мне ужасно захотелось поскорее найти местечко у какого-нибудь дерева и завалиться поспать.

Сальваторе появился неожиданно, как призрак.

— Ты видел? Здорово, да?

— Еще как! — ответил я, оглядываясь по сторонам. Наверняка здесь должен быть ручей, где можно попить.

— Чего тебя так долго не было? Я уж подумал, что ты вернулся вниз.

— Нет, просто сестра ногу подвернула, поэтому... Пить хочется. Где здесь вода?

Сальваторе достал из сумки бутылку.

— Тут осталось немного.

Я разделил воду с Марией по-братски. Хватило как раз смочить губы.

— Кто выиграл? — Я был озабочен наказанием. Я чувствовал себя смертельно уставшим. Надеялся, что Череп, как исключение, сможет простить мне или отложить его на другой день.

— Череп.

— А ты?

— Пришел вторым. За мной Ремо.

— Барбара?

— Последняя. Как обычно.

— И кого накажут?

— Череп говорит, что это должна быть Барбара. А Барбара говорит, что это должен быть ты, потому что ты пришел последним.

— И что?

— Не знаю, я пошел пройтись. Меня уже достали эти его наказания.

И мы зашагали к дому.

Дом держался на ногах из последних сил. Он возвышался посреди небольшой поляны, заваленной дубовыми ветками. Глубокие трещины рассекали стены от крыши до фундамента. От оконных рам остались одни воспоминания. Кривое фиговое деревце росло на лестнице, ведущей на балкон. Его корни раскрошили камень ступеней и обрушили парапет. Лестница вела к старой, окрашенной синей краской двери, разошедшейся от солнца и изъеденной жучками. В глубине дома виднелась высокая арка, за ней зал со сводчатым потолком. Конюшня, наверно. Проржавевшие трубы и деревянные лаги подпирали потолок, обвалившийся в нескольких местах. На полу лежал засохший навоз, зола, груды кирпичных обломков и строительного мусора. Большая часть штукатурки стен обвалилась, обнажив каменную кладку, сложенную всухую.

Череп сидел на баке с водой и бросал камни в ржавый бидон.

— Забито, — сказал он и уточнил: — Это место принадлежит мне.

— Что значит «мне»?

— А то. Я первым его увидел. Кто первый находит что-нибудь, тому это и принадлежит.

Вдруг кто-то толкнул меня в спину так, что я едва не грохнулся лицом об землю. Я обернулся.

Барбара, вся красная, в грязной майке, с включенными волосами, готовая наброситься на меня с кулаками...

— Ты пришел последним. Ты проиграл!

Я выставил вперед кулаки:

— Я возвращался. Если б не это, то пришел бы третьим. Ты это знаешь.

— Кого это волнует. Ты проиграл!

— Кому наказание? — спросил я Черепа. — Мне или ей?

Тот некоторое время подумал, затем указал на Барбару.

— Видела? Видела? — Сейчас я любил Черепа.

Барбара начала колотить кулаком по пыли.

— Это несправедливо! Несправедливо! Всегда я! Почему всегда я?!

Я этого не знал. Но знал, что всегда есть кто-то, кто притягивает несчастья. Среди нас это была Барбара Мура, толстуха, жертвенный агнец.

Мне неловко признаваться, но я был счастлив, что не я на ее месте.

Барбара крутилась между нами, словно носорог:

— Тогда устроим голосование! Не может решать только он один!

Прошло двадцать два года с тех пор, но я так и не понял, как она решилась позволить себе такое. Должно быть, из-за страха остаться одной.

— Ладно. Давайте голосовать, — согласился Череп. — Я говорю — тебе.

— Я тоже, — сказал я.

— Я тоже, — как попугай сказала Мария.

Мы посмотрели на Сальваторе. Никто не должен был воздерживаться, когда мы голосовали. Такой уговор.

— Я тоже, — произнес чуть слышно Сальваторе.

— Видала? Пять против одного. Ты проиграла. Так что наказание — тебе, — заключил Череп.

Барбара сжала губы и кулаки и, казалось, сглатывала теннисный мячик. Она склонила голову, но не плакала.

Я зауважал ее.

— Что... что я должна сделать? — прошептала она.

Череп почесал шею. Его убудочный мозг напряженно заработал. Затем, поколебавшись немного, сказал:

— Ты должна... показать нам. Ты должна всем показать *это*.

Барбара вздрогнула:

— Что я должна вам показать?

— В прошлый раз ты показала титьки. — И повернулся к нам. — На этот раз покажешь нам пипиську. Лохматую пипиську. Ты снимешь трусы и всем ее покажешь. — И грубо захохотал, ожидая, что и мы сделаем то же самое. Но все молчали, оледенев, словно ветер с Северного полюса внезапно залетел в эту долину.

Это было уж чересчур. Никто из нас не горел желанием увидеть, что там у Барбары между ног. Это было наказанием также и для нас. У меня свело желудок. Мне захотелось оказаться далеко отсюда. Было что-то грязное во всем этом, что-то... Не знаю что... Мерзкое, вот что. И мне было неприятно, что и моя сестра присутствует при этом.

— И не думай даже, — покачала головой Барбара. — Даже если побьешь меня.

Череп поднялся и пошел к ней, не вынимая рук из карманов. В зубах у него был стебель пшеницы.

Остановился напротив. Нагнул шею. Не потому, что был намного выше Барбары. И даже не потому, что был сильнее ее. Я бы не ввязался в спор о том, кто бы победил, если бы Череп и Барбара подрались. Если бы Барбаре удалось свалить его с ног и оказаться наверху, она смогла бы его придушить.

— Ты проиграла. И снимай штаны. Будет тебе уроком, дура.

— Нет!

Череп вlepил ей оплеуху.

Барбара зашлепала губами, как форель, и стала тереть щеку. Но так и не заплакала. Повернулась к нам.

— Молчите? — проканючила она. — Вы такие же, как он!

Мы молчали.

— Ладно. Но вы больше меня никогда не увидите. Клянусь головой моей матери.

— Ты что, плачешь? — Череп явно ловил кайф от этого.

— Нет, не плачу, — ответила она, давясь рыданиями.

На ней были зеленые льняные с коричневыми заплатками на коленях штаны, которые продаются в магазинах секонд-хенд. Они были ей тесны, и жир свисал над ремнем. Она расстегнула застежку и начала расстегивать пуговицы.

Я увидел белые трусики в желтый цветочек.

— Стой! Я пришел последним, — услышал я собственный голос.

Все повернулись в мою сторону.

— Да! — Я сглотнул. — Я готов.

— Что? — опешил Череп.

Наказание.

— Не-е. Это касается ее, а не тебя, — обжег меня взглядом Череп. — И заткнись.

— Это касается меня. Я пришел последним. И должен отвечать.

— Нет. Здесь решаю я. — Череп двинулся на меня.

У меня тряслись коленки, но я надеялся, что никто этого не заметит.

— Переголосуем.

Сальваторе встал между мной и Черепом:

— Это можно.

Наш уговор предусматривал и такое.

Я поднял руку:

— Наказание мне.

Сальваторе поднял руку:

— Наказание Микеле.

Барбара застегнула застёжку и всхлипнула:

— Наказание ему. Это справедливо.

Череп от неожиданности растерялся. Поглядел сумасшедшими глазами на Ремо.

— А ты?

Ремо вздохнул:

— Наказание Барбаре.

— Что мне делать? — спросила Мария.

Я головой показал ей — «да».

— Наказание моему брату.

Сальваторе сказал:

— Четыре против двух. Победил Микеле. Наказание ему.

Добраться до верхнего этажа было непросто.

Лестницы больше не существовало. Ступени превратились в кучу битого камня. Мне удалось подняться, цепляясь за ветки фиги. Ее шипы расцарапали мне руки и ноги. Один ободрал левую щеку.

О том, чтобы пройти по парапету, не могло быть и речи. Если бы он не выдержал, я свалился бы вниз, в заросли крапивы и шиповника.

Это было наказание, которое выпало мне, чтобы покарать мой героизм.

— Ты должен подняться на второй этаж. Войти в дом. Пересечь его весь. В конце из окна перепрыгнуть на дерево и спуститься вниз.

Я боялся, что Череп заставит меня спустить штаны и продемонстрировать мое достоинство или воткнуть в зад палку, но он выбрал задание намного опаснее, где я как минимум мог себе что-нибудь сломать.

Но это все же лучше.

Я сжал зубы и, не возражая, поднялся с места.

Остальные уселись под дубом наслаждаться спектаклем, как Микеле Амитрано обломает себе рога.

Каждую секунду кто-нибудь подавал совет:

— Лучше туда.

— Иди прямо. Там больше колючек.

— Съешь ягодку, легче будет.

Я старался их не слышать.

Я уже забрался на терраску. Здесь была небольшая узкая щель между кучей обломков и стеной. Сквозь нее я протиснулся к двери. Она была закрыта на щеколду, но висящий замок, съеденный ржавчиной, разомкнут. Я толкнул створку, и дверь со скрежетом распахнулась. Громкий шум крыльев. Полетели перья. Ураган вспорхнувших голубей, исчезнувших в дыре крыши.

— Что это? Как там? — услышал я голос Черепа.

Разговаривать с ним я не хотел. Я вошел в комнату, внимательно выбирая, куда ступить.

Это была большая комната. Черепица над ней кое-где осыпалась, в центре свисала балка. В углу находился небольшой камин со сводом в виде пирамиды, покрытой сажей. В другом углу валялись обломки мебели. Проржавевшая и разбитая древняя кухня. Бутылки. Битая посуда. Черепица. Дырявое сито. Все в голубином помете. И жуткая вонь, кислый смрад, забивавший нос и глотку. На каменном раскрошенном полу выросли кусты и сорняки. В конце комнаты покрашенная красной краской закрытая дверь, которая, видимо, вела в другие комнаты.

Мне надо было туда.

Я перенес тяжесть на одну ногу и почувствовал, как под ней закачался пол. В то время я весил тридцать пять килограммов. Почти как канистра с водой. Мелькнула мысль: если канистру с водой поставить в центр комнаты, потолок рухнет или нет? Лучше не пробовать.

Чтобы добраться до нужной двери, было бы надежнее передвигаться вдоль стены. Затаив дыхание, ступая, как балерина на пуантах, я двигался по периметру комнаты. Если бы потолок не выдержал, я бы свалился в конюшню, пролетев метра четыре. Достаточно, чтобы переломать себе кости.

Но этого не случилось.

В следующей комнате, большой, как кухня, пол отсутствовал совсем. Некое подобие мостика соединяло мою дверь с другой, на противоположной стене. Из шести подпорок, поддерживавших балки пола, сохранились только две. Другие представляли собой изъеденные жучками обломки.

Вдоль стен было не пройти. Мне оставался только этот мостик. Уцелевшие подпорки казались более или менее надежными.

Я замер, парализованный, на пороге. Обратного пути не было. Меня бы потом заели. А если спрыгнуть отсюда? Внезапно четыре метра, что отделяли меня от пола конюшни, не показались мне чрезмерными. И я мог бы сказать остальным, что было невозможно пройти до окна.

Порой рассудок играет с человеком дурные шутки.

Лет десять спустя мне довелось отправиться кататься на лыжах в Гран Сассо. День совсем не подходил для этого. Шел снег, стоял полярный холод, дул сильный ветер, леденивший уши, и был туман. Мне было девятнадцать, и я лишь однажды вставал на лыжи. Я был возбужден, и мне было наплевать на то, что все предупреждали об опасности. Я желал скатиться с горы — и все тут. Я уселся в кресло подъемника, закутанный, как эскимос, и поехал к вершине.

Ветер свирепствовал с такой силой, что двигатель подъемника автоматически отключался и включался только тогда, когда порывы ослабевали. Кресло продвигалось метров на десять, затем замирало минут на пятнадцать, затем еще метров сорок, и опять минут двадцать остановки. И так до бесконечности. До сумасшествия. Я видел, что, кроме меня, на подъемнике никого. Мало-помалу я перестал

чувствовать ступни ног, уши, пальцы рук. Я пытался смести с себя нападавший снег — бесполезно, он летел, тихий и легкий, безостановочно. В какой-то момент я начал засыпать, сознание уходило, я собрался с силами и сказал себе, что, если засну, замерзну насмерть. Я стал кричать, звать на помощь. В ответ — только завывание ветра. Я посмотрел вниз. Я был точно над трассой. Я висел над ней в каких-то десяти метрах. Мне в голову пришла история о том, как один летчик во время войны выбросился из горящего самолета, и у него не раскрылся парашют, но он не погиб, упав в мягкий снег. Десять метров — не так высоко. Если спрыгну удачно, если не попаду на твердое, со мной ничего не случится, как ничего не случилось с летчиком. Неусыпленная часть моего сознания настойчиво повторяла: прыгай! прыгай! прыгай! Я поднял перекладину безопасности. И начал раскачиваться. К счастью, в этот момент кресло дернулось, я пришел в себя и опустил перекладину. Было очень высоко — как минимум я сломал бы ноги.

В этом доме я испытал то же самое. Хотелось спрыгнуть. Но тут я вспомнил, как читал в одной из книжек Сальваторе, что ящерицы могут взбираться по стенам, потому что умеют великолепно распределять собственный вес: на лапы, на брюшко и хвост, в отличие от людей, опирающихся только на ноги.

Вот что я должен сделать.

Я встал на четвереньки, затем лег на живот и пополз. Кругом падали обломки кирпичей и штукатурки. Легче, легче, легче, как ящерка, повторял я себе. Я чувствовал, как шатаются подпорки. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем я добрался до нужной двери живым и здоровым.

Я открыл ее. Она была последней. На противоположной стене комнаты я увидел окно, выходившее во двор. Огромная ветка доставала почти до самой стены. Осталось немного. В этой комнате также обвалился пол, но только наполовину. Другая часть еще сопротивлялась. Я использовал уже проверенный метод: пробираться, прижимаясь к стене. Ниже в полумраке я рассмотрел комнату. Следы огня, вскрытые жестянки из-под помидоров и пакеты из-под макарон. Кто-то, судя по всему, недавно здесь побывал.

Я без приключений добрался до окна и выглянул во двор.

Это был маленький дворик, обнесенный полуразрушенной каменной стенкой, которую подпирали деревья. Было видно треснувшее бетонное корыто, ржавая стрела лебедки, кучи поросшего травой строительного мусора, газовый баллон и матрас.

Ветка, по которой я мог спуститься, была рядом, на расстоянии метра. Недалеко, однако, чтобы перебраться на нее, следовало прыгнуть. Она была толстой и изогнутой, как анаконда. Длинной около пяти метров. Она должна выдержать мой вес. По ней доберусь до ствола, а там найду, как спуститься на землю.

Я забрался на подоконник, перекрестился и прыгнул, вытянув вперед руки, как гиббон в амазонских джунглях. Я приземлился животом на ветку, попытался обхватить ее, но она оказалась очень толстой. Я задержал ногами в поисках опоры, но не нашел. И начал соскальзывать, пытаясь вцепиться в кору ногтями.

Спасение находилось прямо перед носом. Ветка потоньше торчала в десятке сантиметров.

Я собрался, сделал рывок и обхватил ветку обеими руками.

Ветка оказалась сухой. Она сломалась.

Я грохнулся прямо на спину. Остался лежать не двигаясь, с закрытыми глазами, уверенный, что сломал себе шею. Хотя боли не чувствовал. Я лежал, распростертый, замерев, сжимая в руках злополучную ветку, пытаюсь понять, почему мне не больно. Может, я стал паралитиком, из тех, кто ничего не чувствует, даже если об их руку гасят сигарету или втыкают вилку в бедро.

Я открыл глаза. Некоторое время рассматривал гигантский зеленый зонт дубовой кроны, нависавшей надо мной. Солнце, сиявшее сквозь листву. Нужно попытаться поднять голову. Я ее поднял. Я выбросил дурацкую ветку. Потрогал руками землю. И понял, что лежу на чем-то мягком. Матрас.

Я вновь увидел себя падающим с дерева, летящим вниз и приземляющимся без ущерба для себя. Звук удара о землю был низким и гулким. Плотная земля так не звучит.

Я перекатился в сторону и обнаружил, что под листьями и ветками лежит лист волнистого зеленого прозрачного пластика. Засыпанный листьями явно затем, чтобы его не было видно. А сверху еще лежал матрас. Они-то и спасли меня. Спружинили, погасив падение.

Следовательно, под ними была пустота.

Это мог быть тайник. Или подземный ход, ведущий в пещеру, полную золота и драгоценных камней.

Я встал на четвереньки и сдвинул в сторону матрас и лист.

Лист был тяжелым, но мне удалось. Снизу вырвалась струя ужасной вони. Запахло дерьмом.

Я заколебался, прикрыл нос и рот рукой и сдвинул лист еще немного.

И оказался над ямой.

В ней было темно. Но чем больше я сдвигал лист, тем светлее там становилось. Стенки ямы были земляными, обтесанными лопатой. Корни дуба обрублены.

Я подвинул лист еще немного. Яма была широкой, глубиной метра два — два с половиной.

Она была пустой.

Нет, что-то в ней было.

Куча свалывшегося тряпья?

Нет...

Зверь? Собака? Нет...

Что тогда?

Что-то без волос...

Белое...

Нога...

Нога!

Я отскочил от ямы и едва не упал.

Нога?

Я восстановил дыхание и вновь заглянул в яму.

Я увидел ногу.

Я почувствовал, что у меня горят уши, лоб и руки.

Я готов был потерять сознание.

Я сел на землю, закрыл глаза, подпер голову руками и тяжело задышал. Я почувствовал желание сбежать отсюда поскорее к остальным. Но не мог. Я должен был посмотреть еще один разок.

Я подошел к яме и опустил в нее голову.

Это была нога ребенка. Из-под тряпья виднелся локоток.

В углу ямы находился ребенок.

Он лежал на боку, скрючившись. Спрятав голову в коленях.

Он не двигался.

Он был мертв.

Я разглядывал его, не знаю, сколько времени. Рядом с ним стояло ведро. И маленькая кастрюлька.

А может быть, он спал?

Я поднял маленький камешек и бросил в него. Камень попал ему в бедро. Он не шевельнулся. Мертв. Мертвее мертвого. Ужас обжег мне спину. Я взял камень покрупнее, бросил и попал ему в шею. Мне показалось, что он пошевелился. Легкое движение руки.

— Ты где? Куда пропал, придурок?

Наши. Меня окликал Череп.

Я вцепился в лист и сдвинул его, закрыв яму. Затем набросал сверху листьев и земли, а сверху положил матрас.

— Микеле, ты где?

Я отошел прочь от ямы, но прежде еще пару раз обернулся, чтобы убедиться, что все на своих местах.

Я давил на педали своего Бульдозера.

Солнце за моей спиной походило на огромный красный шар, и, когда наконец оно утонуло в пшенице, осталось зарево, оранжевое с фиолетовым краем.

Меня засыпали вопросами, что там в доме, было ли опасно, трудно ли было прыгнуть на дерево. Я отвечал односложно.

В конце концов, заскучав, мы потопали в обратный путь. Тропинка спускалась к равнине, пересекала поля и стекала в дорогу. Мы взяли велосипеды и молча покатали к дому. Мошकारа тучами роилась вокруг.

Я смотрел на Марию, ехавшую за мной на своей «грациэлле» с истертыми камнями шинами, на Черепа, ехавшего впереди всех, с приклеившимся к нему оруженосцем Ремо, на Сальваторе, выписывавшего зигзаги, на Барбару, на слишком большом для нее «бьянки», а сам думал о ребенке в яме.

Я решил не рассказывать о нем никому.

«Кто первый находит что-нибудь, тому это и принадлежит», — так решил Череп.

Если это так, то ребенок в яме — мой.

И, если б я только обмолвился о нем, Череп, как обычно, присвоил бы заслугу находки себе. Он объяснил бы всем, что это он его нашел, потому что именно он решил подняться на холм.

На этот раз — фигушки. Я исполнял наказание, я свалился с дерева, и я его нашел.

И он принадлежал не Черепу. И не Барбаре. И не Сальваторе. Он — мой. Это моя тайная находка.

Я так и не понял, нашел я его живым или мертвым. Может быть, рука не двинулась. Может, мне только показалось. Может, это реакция мертвого тела. Как у осы, ее разрежешь надвое ножницами, а она продолжает шагать, или у курицы: ей отрубят голову, а она хлопает крыльями и без головы. Но кто посадил его в эту яму?

— А что мы маме скажем?

Я даже не заметил, как сестренка подъехала ко мне сбоку.

— Что?

— Что скажем маме?

— Не знаю.

— Об очках скажешь ей ты?

— Я. Но ты не должна никому рассказывать, где мы были.

— Ладно.

— Поклянись.

— Клянусь. — И поцеловала кончики пальцев.

Сегодняшний Акуа Траверсе — часть Лучиньяно. В середине 1980-х годов какой-то градостроитель соорудил здесь длинную шеренгу домиков из армированного бетона, представлявших собой кубы с круглыми окнами, голубыми перилами и металлическими шпилями на крышах. Затем здесь появился кооперативный магазин и бар с сигаретной лавкой, равно как и двухполосное асфальтированное шоссе, прямое, словно посадочная полоса, которое шло до самого Лучиньяно.

А в 1978 году Акуа Траверсе было таким крошечным местечком, что его как бы и не существовало вовсе. Деревушка — написали бы о нем сегодня в туристическом справочнике.

Никто не знал, почему его называли так^[1], даже древний дед Тронка. Воды здесь никогда не было и в помине, если не считать той, что каждые две недели привозила автоцистерна.

Здесь находилась вилла, где жил Сальваторе, все звали ее Дворцом. Огромный нелепый дом, построенный в XIX веке, длинный и серый, с высоким каменным портиком и внутренним двориком с пальмой посередине. И были еще четыре дома. Как их описать? Четыре дома, и все тут. Четыре жалких строения из скрепленных цементом камней. С черепичными крышами и маленькими окнами. Наш. Семьи Черепа. Дом Ремо, который его семья делила со стариком Тронка. Тронка был абсолютно глух, у него давно умерла жена, и он жил в двух комнатах, выходящих в огород. Был дом Пьетро Мура, отца Барбары. Анжела, его жена, на нижнем этаже открыла лавчонку, где можно было купить хлеб, макароны и мыло. И откуда позвонить.

Два дома по одну, два — по другую сторону грунтовой, в колдобинах, дороги. Никакой площади. Никаких переулков. Были еще две скамейки под увитой клубникой перголой и фонтанчик с краном, запиравшимся на ключ для экономии воды. А вокруг бескрайние пшеничные поля.

Единственная вещь, которая украшала это забытое Богом и людьми место, была красивая голубая табличка с крупными буквами: АКУА ТРАВЕРСЕ.

— Папа приехал! — закричала моя сестра.

Она спрыгнула с велосипеда и бросилась вверх по лестнице.

Рядом с нашим домом стоял его грузовик, «фиат-лупетто» с зеленым тентом.

В те годы папа работал дальнобойщиком и проводил в поездках по несколько недель кряду. Загружался товарами и вез их на Север.

Он пообещал, что однажды свозит на Север и меня. Мне никак не удавалось представить себе этот Север. Знал только, что Север очень богатый, а Юг — бедный. И мы были бедняками.

Мама говорила, что, если папа будет продолжать работать так много, скоро и мы перестанем быть бедными и станем состоятельными. И поэтому не должны жаловаться, что папы подолгу нет с нами. Это он делал ради нас.

Я, запыхавшись, вбежал в дом.

Папа сидел за столом в трусах и майке. Перед ним — бутылка красного вина, во рту — сигарета с мундштуком. Моя сестричка угнездилась у него на коленях.

Мама готовила лицом к плите. Стоял запах лука и помидорного соуса. Телевизор, огромный черно-белый «Грюндиг», который пару месяцев назад привез папа, был включен. Жужжал вентилятор.

— Микеле, где вы пропадали целый день? Ваша мать уже устала ждать. Вы совсем не думаете об этой несчастной женщине, которая мало что целыми днями ждет своего мужа, так еще должна ждать вас... Что случилось с очками твоей сестры? — спрашивал папа.

Однако сердитым он не выглядел. Когда он сердился по-настоящему, глаза у него вываливались из орбит, как у жабы. Он был счастлив, что вернулся домой.

Сестра посмотрела на меня.

— Мы строили шалаш, — я достал очки из кармана, — и они сломались.

Папа выпустил облачко дыма.

— Подойди. Дай погляжу.

Папа был невысоким, худым и нервным. Когда он садился в кабину своего грузовика, его почти не было видно из-за руля.

У него были черные волосы, которые он бриолинил. И росла жесткая седая щетина на подбородке. И он пах одеколоном.

Я протянул ему очки.

— Выбросить. — Он положил их на стол. — Больше никаких очков.

Мы с сестрой переглянулись.

— А как же я? — насторожилась Мария.

— Поживешь без очков. Будет тебе уроком.

Мария потеряла дар речи.

— Но она не сможет. Она ничего не видит, — заступился я за сестру.

— А кого это интересует?

— Но...

Никаких «но». — И повернулся к маме: — Тереза, подай-ка мне вон тот пакет, что на буфете.

Мама протянула ему пакет. Папа достал оттуда синюю бархатную коробочку.

— Держи.

Мария открыла ее. Внутри лежала пара очков в оправе из коричневого пластика.

— Попробуй их.

Мария надела очки, но продолжала гладить футляр.

— Нравятся? — спросила мама.

— Да. Очень. И коробочка красивая. — И побежала посмотреть на себя в зеркало.

Папа налил себе еще вина.

— Но, если сломаешь и эти, других я тебе не куплю, поняла? — После чего взял меня за руку: — Покажи-ка мне твои мускулы.

Я согнул руку и напряг мышцы. Папа обхватил мой бицепс:

— Не очень-то изменился с прошлого раза. Делаешь гимнастику?

— Да.

Я ненавидел гимнастику. Папа хотел, чтобы я ее делал, он говорил, что я рахит.

— Неправда, — сказала Мария, — ничего он не делает.

— Иногда делаю. Почти всегда.

— Садись сюда. — Он усадил меня к себе на колени, и я попытался его поцеловать. — Нечего меня целовать, грязнуля. Если хочешь поцеловать своего отца, сначала надо помыться. Тереза, как мы поступим, пошлем их в койки без ужина?

У папы была красивая улыбка и отличные белые зубы. Чего не унаследовали ни я, ни моя сестра.

Мама ответила, даже не повернувшись:

— Было бы правильно! С этими двумя я вообще дела иметь не хочу.

Вот она действительно была сердита.

— Давай сделаем так. Если они хотят ужинать и получить подарок, который я привез, Микеле должен победить меня. Прижать мою руку. Иначе — в кровать без ужина.

Он привез подарок!

— Ты шутишь, опять ты шутишь...

Мама была очень довольна, что папа снова дома. Когда папа уезжал, у нее начинал болеть желудок, и чем дольше длилось его отсутствие, тем молчаливей она становилась. Через месяц замолкала совсем.

— Микеле не сможет тебя победить. Он слабак, — сказала Мария.

— Микеле, ну-ка докажи своей сестре, что сможешь. И расставь ноги пошире. Если будешь держать их вместе, проиграешь сразу, и

никакого подарка.

Я приготовился. Я сжал зубы, обхватил ладонь отца и начал давить изо всех сил. Никакого результата. Рука не сдвигалась ни на миллиметр.

— Давай, давай! Что у тебя, творог вместо мускулов, что ли? Да ты слабее мошки! Где твои силы?

— Не получается, — выдавил я.

Это было, как если б я гнул лом.

— Ты как женщина, Микеле. Мария, помоги ему, давай!

Сестра вскарабкалась на стол, и вдвоем, скрипя зубами и сопя, нам удалось прижать его руку к столу.

— Подарок! Давай подарок! — потребовала Мария.

Папа взял картонную коробку, полную мятой бумаги. Внутри был подарок.

— Лодка! — сказал я.

— Не лодка, а гондола, — поправил меня папа.

— А что такое «гондола»?

— Гондола — это венецианская лодка. Ею управляют одним веслом.

— Что такое «весло»? — спросила моя сестра.

— Такая палка, чтобы двигать лодку.

Гондола была очень красивая. Вся из черного пластика. Кое-где украшена серебром, а на конце стоял пупс в майке в бело-розовую полоску и в соломенной шляпе.

Но оказалось, что мы не можем играть ею. Она должна стоять на телевизоре. На белой кружевной салфетке, напоминавшей озерко. Гондола не была игрушкой. Это была ценная вещь. Для украшения мебели.

— Кому идти за водой? Скоро садимся есть, — спросила мама.

Папа сидел перед телевизором и смотрел новости.

Я накрывал на стол и сказал:

— Марии. Вчера я ходил.

Мария сидела в кресле со своими куклами.

— Я не хочу. Иди ты.

Никому из нас не нравилось ходить за водой к фонтану, и потому мы договорились ходить через день. Но приехал папа, и для моей

сестры это означало, что никакие договоренности больше не действуют.

Я отрицательно покачал головой:

— Твоя очередь.

Мария закинула ногу на ногу:

— Я не пойду.

— Почему?

— У меня голова болит.

Всякий раз, когда она не хотела делать что-нибудь, говорила, что у нее болит голова. Это была любимая ее отговорка.

— Неправда, ничего у тебя не болит, врунья.

— Правда! — И начала тереть лоб с выражением боли на лице.

Я был готов удушить ее:

— Твоя очередь! И ты должна идти!

Маме надоело слушать нас, и она сунула мне кувшин:

— Сходи ты, Микеле, ты старше. И хватит спорить, — сказала она таким тоном, как будто это был пустяк, ничего не значащий.

Победная улыбка расплзлась по губам сестры:

— Слышал?

— Это несправедливо. Я уже ходил. Не пойду.

Мама посмотрела на меня и тоном, предвещавшим бурю, произнесла:

— Слушайся, Микеле!

— Нет. — Я подошел к отцу. — Папа, но очередь не моя. Я ходил вчера.

Он оторвался от телевизора и посмотрел на меня, словно видел впервые, пожевал губами и спросил:

— Ты знаешь, что такое *на спор по-солдатски*?

— Нет. А что это?

— Так спорят солдаты во время войны, когда решают, кому идти выполнять смертельно опасное задание. Никогда не слышал?

Он извлек из кармана коробок спичек.

— Нет, не слышал.

— Они берут спички. — Он достал три из коробка. — Одна для меня, одна для тебя и одна для Марии. У одной мы отломаем головку. — Он сломал головку одной из спичек, потом сжал все их в

кулаке, так что торчали кончики. — Кто вытягивает ту, что без головки, идет за водой. Давай тяни!

Я вытянул целую спичку. И подпрыгнул от радости.

— Мария, твоя очередь. Тяни.

Моя сестра также вытянула целую спичку и захлопала в ладоши.

— Стало быть, идти мне. — Папе досталась короткая.

Мы с Марией принялись смеяться и кричать:

— Тебе идти! Тебе! Ты проиграл! Иди за водой!

Папа поднялся слегка огорченный:

— Ладно, но, когда вернусь, вы должны быть уже умытыми. Ясно?

— Хочешь, я схожу? Ты устал, — сказала мама.

— Тебе нельзя. Это мое смертельное задание. К тому же мне надо взять сигареты в грузовике. — И вышел с кувшином в руке.

Мы быстро умылись, съели жаркое с макаронами и помидорами и после, поцеловав папу и маму, пошли спать, даже не настаивая на том, чтобы посмотреть телевизор.

Я проснулся среди ночи. Мне приснился дурной сон.

Иисус сказал Лазарю: встань и иди. Но Лазарь не встал. Встань и иди, повторил Иисус. Но Лазарь даже и не собирался воскрешаться. Иисус, который походил на Северино, привозившего нам воду в автоцистерне, разгневался. Невообразимо! Когда Иисус говорит: встань и иди, ты должен сделать это, особенно если ты мертвый. А Лазарь, напротив, лежал пластом и не воскрешался. Тогда Иисус принялся трясти его, словно куклу, и Лазарь встал и вцепился ему зубами в горло. Оставь в покое мертвых, говорил он окровавленными губами.

Я открыл глаза весь в поту.

Последние ночи были такими жаркими, что если, к несчастью, ты просыпался, то уснуть было уже невозможно. Наша с сестрой комната была узкой и длинной. Для нее отрезали кусок коридора. Обе кровати стояли вдоль стены под окном. С другой стороны была стена, которую отделяло от кроватей сантиметров тридцать.

Зимой тут было холодно, а летом нечем дышать.

Тепло, напитавшее за день стены и потолок, изливалось на нас по ночам. Казалось, что подушку и шерстяной матрас только что достали

из печки.

Сразу же за моими ногами я видел темную головку Марии. Она спала в очках, скинув одеяло, абсолютно расслабившись, раскинув руки и ноги.

Она говорила, что, когда просыпается без очков, очень пугается. Обычно мама снимала их, как только она засыпала, потому что от них оставались следы на лице.

На подоконнике дымился и вонял аппаратик, убивавший комаров, но плохо действовавший и на нас. Впрочем, тогда никого не беспокоили такие мелочи.

К нашей комнате примыкала комната родителей. Я слышал храп отца. Шелест вентилятора. Дыхание моей сестры. Монотонный зов одинокой совы. Дрожь холодильника. Чувствовал вонь стоков из-под туалета.

Я встал на колени в кровати и лег животом на подоконник, чтобы вдохнуть немного свежего воздуха.

Стояла полная луна, высокая и яркая. Было видно далеко, словно днем. Поля казались флуоресцирующими. Воздух — замершим. Дома были темными и тихими.

Наверно, я был единственным во всем Акуа Траверсе, кто не спал. Эта мысль доставила мне удовольствие.

Ребенок в яме.

Я представил его мертвым в земле. Тараканы, клопы, сороконожки ползали по нему, по его кровотокающей коже, черви выползали из его мертвенно-бледных губ. А глаза походили на два вареных яйца.

Я видел мертвеца лишь однажды. Моя бабушка Джованна лежала на кровати со скрещенными на груди руками, в черном платье и туфлях. Ее лицо было словно из резины. И цвета воска. Папа сказал, что я должен поцеловать ее. Все кругом плакали. Папа подтолкнул меня. Я приложил губы к холодной щеке. Почувствовал отвратительный сладковатый запах, который смешивался с запахом свечей. Потом я вымыл рот мылом.

А если ребенок живой?

Если он хотел выбраться, и царапал стены ногтями, и звал на помощь? А если его схватил людоед?

Я высунулся из окна и в конце равнины увидел холм. Казалось, он появился из ниоткуда и выделялся, словно остров, поднявшийся из моря, высоченный и черный, со своей тайной, которая ждала меня.

— Микеле, я пить хочу... — проснулась Мария. — Принеси мне попить. — Она говорила, не открывая глаз и облизывая пересохшие губы.

— Сейчас, подожди... — Я поднялся.

Мне не хотелось выходить из комнаты. А вдруг за дверью моя бабушка Джованна сидит сейчас за столом вместе с ребенком? И скажет мне: входи, садись вместе с нами, покушаем? А на блюде курица со свернутой шеей.

За дверью никого не было. Лунный луч падал на диван в цветочек, на буфет с белыми тарелками, на пол из мраморной черно-белой крошки и заканчивался в комнате папы и мамы. Я видел их сплетенные ноги.

Я открыл холодильник и достал кувшин с холодной водой. Открыл, налил стакан для сестры, которая выпила его одним глотком:

— Спасибо.

— А теперь спи.

— Почему ты принял наказание вместо Барбары?

— Не знаю...

— Ты не хотел, чтобы она спустила трусики?

— Не хотел.

— А если бы мне пришлось делать это?

— Что?

— Спустить трусики. Ты так же бы поступил?

— Конечно.

— Тогда спокойной ночи. Я сниму очки. — Она положила их в футляр и легла на подушку.

— Спокойной ночи.

Я еще долго лежал, уставившись в потолок.

Папа не уехал. Он вернулся, чтобы остаться. Он сказал маме, что ему обрыдло видеть автостраду и он какое-то время побудет дома и займется нами.

Может быть, рано или поздно он отвезет нас к морю поплавать.

Когда я проснулся, папа и мама еще спали. Я быстро проглотил молоко, хлеб с мармеладом, вышел из дома и взял велосипед.

— Ты куда?

Мария, неодетая, стояла на лестнице и смотрела на меня.

— Проедусь немного.

— Куда?

— Не знаю.

— Я тоже хочу с тобой.

— Нет.

— Я знаю, куда ты собрался... Поедешь на гору?

— Нет. Слишком далеко. Если мама или папа спросят, скажи им, что я сделаю кружок и скоро вернусь.

Еще один раскаленный день.

В восемь утра солнце стояло низко, но уже начало раскалять равнину. Я проехал тем же путем, который мы проделали вчера. Я ни о чем не думал, крутил педали в пыли и мошкаре и старался добраться до места побыстрее. Иногда из пшеницы выпархивали сороки со своими бело-черными хвостами, летели за мной, переругиваясь между собой противным стрекотом. Неподвижно парил ястреб. Я увидел рыжего длинноухого зайца, стрелой пролетевшего передо мной. Я ехал с трудом, давя на педали, колеса скользили по камням и сухому дерну. И чем ближе я подъезжал к дому, чем ближе становился холм, тем сильнее сдавливало мне грудь, затрудняя дыхание.

А если там сидят ведьмы или людоеды?

Я слышал, что ведьмы собираются по ночам в покинутых домах и устраивают шабаши, и если ты примешь в них участие, то сойдешь с ума, и что людоеды кушают детей.

Я должен быть осторожен. Если меня схватит людоед, то тоже бросит в яму, а после съест по частям. Сначала руку, потом ногу и так далее. И никто об этом не узнает. Мои родители будут безутешно плакать. А соседи будут говорить: «Какая жалость, Микеле был таким хорошим мальчиком». Приедут мои дядья и кузина Эуджениа на синей

«Джульетте». Череп плакать не будет, это уж точно, и Барбара тоже. Моя сестра и Сальваторе — эти да.

Я не хотел умирать. Даже если мне и хотелось бы посмотреть на свои похороны.

Значит, я не должен подходить к дому. Я что, с ума сошел, что ли?

Я развернул велосипед и поехал обратно. Но метров через сто затормозил.

Как бы поступил Тайгер Джек^[2] на моем месте?

Он не повернул бы назад, даже если б ему это приказал сам Маниту^[3].

Тайгер Джек.

Это была сильная личность. Тайгер Джек, друг Текса Уиллера^[4].

Тайгер Джек поднялся бы на холм, даже если б там собрались ведьмы, бандиты и людоеды со всего света, потому что он был индейцем навахо, отважным, невидимым и бесшумным, словно пума, и умел проникать, куда надо, и ждать, сколько надо, прежде чем вонзить во врага нож.

Я — Тайгер Джек, даже лучше, я итальянский сын Тайгера, сказал я себе.

Жалко только, что у меня нет ножа, лука или винчестера.

Я спрятал велосипед, как это сделал бы Тайгер со своим конем, опустился в пшеницу и пополз на четвереньках, пока не почувствовал, что у меня задеревенели ноги и затекли руки. Тогда я начал прыгать, как фазан, озираясь по сторонам.

Добравшись до края поляны, я, прижавшись к стволу дерева, несколько минут стоял, восстанавливая дыхание. Затем стал перебегать от одного дерева к другому, с ушами, наостренными на любой подозрительный шорох или голос. Но я слышал только шум крови в ушах.

Прокравшись к дому, я присел за куст и осмотрелся.

Из дома не доносилось ни звука. Казалось, ничего не изменилось. Если здесь и побывали ведьмы, то они все расставили по своим местам.

Я протиснулся между развалинами и оказался во дворике.

Скрытая под листом и матрасом, меня ждала яма.

Мне было плохо его видно. Было темно, полно мух и ужасно воняло.

Я встал на колени на краю ямы:

— Эй! Ты живой?

Тишина.

— Ты жив? Слышишь меня?

Я подождал, потом взял камень и бросил в него. Попал по ноге. По тонкой и худой ноге с грязными пальцами. По ноге, которая не сдвинулась ни на миллиметр.

Он был мертв. И восстанет, если только Иисус лично прикажет ему это.

Моя кожа покрылась мурашками.

Мертвые кошки или собаки никогда не производили на меня такого впечатления. Шерсть скрывает смерть. Этот же труп, такой белый, с руками, повисшими в одну сторону, с головой, прижатой к стенке, вызывал озноб. Ни кровинки, ничего. Только безжизненное тело в забытой Богом яме.

И ничего в нем человеческого.

Я должен посмотреть ему в лицо. Лицо — самая важная вещь. По лицу можно понять все.

Спуститься в яму я боялся. Может, повернуть его палкой? Для этого нужна была очень длинная палка. Я вошел в конюшню, нашел там одну, но она была коротка. Я вернулся назад. Во двор выходила дверца, закрытая на замок. Я попытался толкнуть ее, но она, хотя и выглядела дряхлой, не поддавалась. Над дверцей было маленькое оконце. Я ухватился за косяк, подтянулся и пролез в него. Еще бы пару килограммов или попу, как у Барбары, и я бы не протиснулся.

Я очутился в комнате, которую видел, когда проходил над ней по мостику. Повсюду валялись пакеты из-под макарон, банки из-под томатного соуса, пустые пивные бутылки. Следы огня. Газеты. Матрас. Бидон, полный воды. Корзина. И как днем раньше, у меня создалось впечатление, что здесь кто-то недавно побывал. Комната не казалась заброшенной, как другие в доме.

Под короткой коричневой доской я увидел коробку. В ней я нашел моток веревки с крючком на конце.

С этим я могу спуститься в яму, подумал я.

Я выбросил веревку в оконце и выбрался сам.

На земле валялась ржавая стрела от лебедки. Я привязал к ней веревку. А вдруг она развяжется, и я останусь в яме вместе с мертвецом? Я сделал три узла, как делал папа, крепя тент грузовика. Затянул их изо всех сил, проверяя крепость, и бросил веревку в яму.

— Я ничего не боюсь, — сказал я громко, чтобы придать себе смелости, но ноги меня не держали, а голос в мозгу кричал: не делай этого! — Мертвые ничего тебе не сделают, — сказал я себе. Перекрестился и спустился в яму.

Внизу было прохладно.

Кожа у мертвеца была серая, покрытая коркой грязи и дерьма. Он был голый. Ростом с меня, но более худой. Кожа да кости. Ребра выпирали. Должно быть, одного со мной возраста.

Я слегка пнул его. Никаких признаков жизни. Я поднял тряпку, прикрывавшую его ноги. На правой лодыжке была толстая цепь, замкнутая на замок. Кожа под ней была содрана, из раны на ржавые звенья цепи, прикрепленной к вбитому в землю кольцу, стекала прозрачная жидкость.

Я хотел увидеть его лицо, но боялся дотронуться до головы.

Наконец, сделав усилие, я протянул руку и поднял пальцами краешек покрывала, пытаюсь стащить его с лица, и тут мертвец согнул ногу.

Я сжал кулаки, широко раскрыл рот, ужас ледяной рукой сковал мне плечи.

Затем мертвец распрямил грудь, словно живой, и, не открывая глаз, протянул ко мне руку.

Волосы у меня встали дыбом, я заорал, отскочил к стенке, попав ногой в ведро с дерьмом, разбрызгав его во все стороны.

Мертвец тоже закричал.

Я топтался в дерьме, пока наконец, ухватившись за веревку, одним отчаянным рывком не выскочил из этой ямы, словно ошалевшая блоха.

Давя на педали, я мчался по колдобинам, рискуя в любой момент вылететь в кювет и сломать себе шею, но не тормозил. Сердце готово было разорваться, легкие горели. Кончилось тем, что я взлетел в воздух и грохнулся в канаву на обочине дороги. Поднялся с

дрожащими ногами и оглядел себя. Колено было расцарапано до крови, вся майка в дерьме, у сандалии оторвалась перемычка.

Дыши, сказал я себе.

Я дышал и чувствовал, как успокаивается сердце, восстанавливается дыхание, и внезапно ощутил, что страшно хочу спать. Я растянулся на земле и закрыл глаза. Под веками все было красным. Страх еще не прошел, отдаваясь на дне желудка. Солнце грело заледеневшие руки. Цикады стрекотали у самых ушей. Пульсировало разбитое колено.

Когда я вновь открыл глаза, по мне сновали огромные муравьи.

Сколько я спал? Пять минут или два часа?

Я вскочил на Бульдозер и помчался к дому. Я крутил педали, а перед глазами стоял мертвый мальчик, который поднимался и тянул ко мне руки. Его землистое лицо, закрытые глаза, распахнутый в крике рот.

Сейчас все казалось мне сном. Потерявшим силу кошмаром.

Он был живым. Он только притворялся мертвым. Почему?

Может, он был болен. Может, он был монстром.

Оборотень, и по ночам превращался в волка. И его держали на цепи, потому что он опасен. Я видел по телевизору фильм о человеке, который в полнолуние превращался в волка и нападал на людей. Крестьяне поставили на него ловушку, волк попал в нее, и один охотник убил его, и волк умер и превратился в человека. Он стал аптекарем. А охотник был сыном этого аптекаря.

Может быть, и этого мальчика держали под листом на цепи в яме, чтобы изолировать от лунного света.

Оборотней нельзя вылечить. А чтобы убить их, нужна специальная пуля из серебра.

Но оборотней не существует.

«Кончай ты с этими монстрами, Микеле. Монстров не существует. Призраки, оборотни, ведьмы — все это глупости, придуманные специально, чтобы пугать таких наивных, как ты. Надо бояться людей, а не монстров», — сказал мне как-то папа, когда я спросил его, могут ли монстры дышать под водой.

Но, если его держат там взаперти, должна быть причина.

Папа мог бы объяснить мне все.

— Папа! Папа... — Я толкнул дверь и вбежал в комнату. — Папа! Я должен тебе... — Слова застряли у меня в горле.

Он сидел в кресле с газетой в руках и смотрел на меня жабыими глазами. Страшными жабыими глазами, которые мне приходилось видеть только один раз, когда я выпил освященную воду из Лурда^[5], приняв ее за обычную газировку. Он вдавил окурок в чашку из-под кофе.

Мама сидела на диване и шила. Она посмотрела на меня и опустила голову.

Папа втянул воздух носом и спросил:

— Где ты шлялся весь день? — Оглядел меня с головы до ног. — Ну ты посмотри на него. Ты где валялся? — Он скривил лицо: — Весь в дерьме. Воняешь, как свинья. И сандалии порвал! — Он посмотрел на часы. — Ты знаешь, который сейчас час?

Я молчал.

— Я тебе скажу который: без двадцати четыре. И за обедом я тебя не видел. Никто не знал, где ты. Я искал тебя до самого Лучиньяно. Вчера тебе такое сошло с рук, сегодня нет.

Когда отец был взбешен, он не кричал, а говорил тихим голосом. Это вгоняло меня в трепет. До сих пор не переносу людей, не умеющих выпускать пар своей ярости.

Он указал на дверь:

— Раз ты хочешь делать все, что тебе заблагорассудится, лучше уходи. Я не хочу тебя видеть. Проваливай.

— Ну подожди, я хочу сказать тебе одну вещь.

— Ты не должен мне ничего объяснять, ты должен выйти в эту дверь.

Я взмолился:

— Ну папа! Это очень важно...

— Если ты не уйдешь, через три секунды я дам тебе такого пинка, что ты долетишь до самого указателя Акуа Траверсе. — И неожиданно заорал: — Пошел вон!

Я кивнул. Слезы душили меня, я открыл дверь и спустился по лестнице. Сел на Бульдозер и поехал в сторону пересохшего русла.

Русло было сухим всегда, за исключением зим, когда шли сильные дожди. Оно вилось меж желтыми полями, как длинный уж-альбинос.

Дно его было полно белых острых камней, берега составляли раскаленные скалы с пучками травы. В одном месте, между двух холмов, русло расширялось, образуя небольшое озерко, которое летом высыхало, превращаясь в грязную черную лужу.

Мы звали ее озером.

В этом озере не было ни рыбы, ни головастиков, только личинки комаров и водомерок. Если сунуть в него ноги, вынимаешь их покрытыми темной вонючей грязью.

Мы ходили сюда из-за дерева.

Оно было огромным, старым, и на него было легко забираться. Мы мечтали построить на нем дом. С дверью, крышей, веревочной лестницей и всем остальным. Но то не было гвоздей, то досок, то настроения. Однажды Череп затащил на него сетку от кровати. Но она была очень неудобной. Царапалась и рвала одежду. И если ты начинал вертеться, то рисковал свалиться вместе с ней на землю.

С некоторых пор никто на дерево не забирался. Кроме меня: мне нравилось это делать. Я хорошо себя чувствовал там, наверху, в тени листвы. Оттуда был хороший обзор, словно с мачты корабля. Акуа Траверсе казалась пятнышком, точкой, затерянной в пшенице. И можно было видеть всю дорогу до самого Лучиньяно. С дерева я видел тент грузовика моего отца раньше, чем кто-либо другой.

Я вскарабкался на свое привычное место, на развилке двух толстых ветвей, и решил, что домой я больше не вернусь. Если папа не хочет меня видеть, если он меня так ненавидит, мне наплевать, я останусь здесь. Смогу прожить и без семьи — живут же сироты.

«Я не хочу тебя видеть. Пошел вон!» Ладно, папа, сказал я себе. Даже когда тебе станет очень плохо и ты придешь сюда, под дерево, умолять меня вернуться, я не вернусь, и ты станешь умолять меня, а я не вернусь, и ты поймешь, что совершил ошибку и что твой сын не вернется и останется жить на дереве.

Я снял майку, прислонился спиной к дереву, подпер голову руками и посмотрел на холм с ямой. Он был далеко отсюда, в самом конце равнины, и солнце заходило за него. Оно походило на огромный апельсин, светящийся сквозь облака.

— Микеле, слазь!

Я проснулся и открыл глаза, не соображая, где я. Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять, что я на дереве.

— Микеле!

Под деревом на своей «грациэлле» сидела Мария. Я зевнул:

— Чего тебе? — И потянулся, у меня затекла спина.

Она слезла с велосипеда:

— Мама сказала, чтобы ты возвращался домой. Я натянул майку: становилось прохладно.

— Нет. Я больше не вернусь, так и скажи. Я останусь здесь!

— Мама велела передать, что ужин готов.

Было поздно, еще не темно, но через полчаса станет темнее. Это мне не очень нравилось.

— Скажи ей, что я больше не их сын и что у них осталась только ты одна.

Сестра подняла брови:

— И мне ты тоже теперь не брат?

— Нет.

— Значит, я буду в комнате одна и могу брать твои комиксы?

— Нет. И не думай.

— Мама сказала, если не придешь ты, придет она и тебя накажет.

— Ну и пусть приходит. Она не сможет залезть на дерево.

— Еще как сможет. Мария села на велосипед:

— Смотри, разозлится.

— А папа где?

— Его нет.

— А где он?

— Уехал. Вернется поздно.

— Куда поехал?

— Не знаю. Ну, ты идешь?

Я ужасно хотел есть.

— А что на ужин?

— Пюре и яйцо, — ответила она, отъезжая.

Пюре и яйцо. Я безумно любил и то и другое. А если смешать их вместе, то получалась потрясная штука.

Я спрыгнул с ветки:

— Ладно, иду, только на этот вечер.

За ужином никто не разговаривал. Казалось, в доме покойник. Мы с сестрой ели, сидя за столом. Мама мыла посуду.

— Когда закончите, бегом в постель, без возражений.

— А телевизор? — спросила Мария.

— Никаких телевизоров. Скоро вернется отец, и, если не увидит вас в кроватях, будет беда.

— Он еще сердится? — спросил я.

— Сердится.

— Что он сказал?

— Сказал, что, если будешь продолжать в таком же духе, он отправит тебя к монахам.

Всякий раз, когда я делал что-нибудь не так, папа грозился отослать меня к монахам.

Сальваторе с матерью часто ездили в монастырь Сан-Бьяджо, где его дядя был монахом-приором. Однажды я спросил Сальваторе, как живут монахи.

— Хреново, — ответил он. — Целый день молишься, а вечером тебя запирают в комнатухе, и если захочешь поссать, то уже не можешь этого сделать. Еще тебя заставляют ходить в сандалиях, даже если очень холодно.

Я ненавидел монахов, но знал, что не окажусь у них никогда. Потому что отец ненавидел их еще больше, чем я, и обзывал их свиньями.

Я поставил тарелку в мойку.

— Папа никогда не перестанет сердиться?

Мама ответила:

— Если увидит тебя спящим, может, перестанет.

Мама никогда не садилась за стол с нами.

Накрывала на стол, а сама ела стоя. Из тарелки, стоящей на холодильнике. Мама всегда стояла. Когда готовила. Когда стирала. Когда гладила. Если не стояла, тогда спала. Телевизор нагонял на нее скуку. Когда она уставала, падала на кровать и спала как убитая.

В то время, когда случилась эта история, маме было тридцать три. Она еще не утратила своей красоты. У нее были длинные черные волосы, которые доходили ей до середины спины, она носила их распущенными, большие темные миндалевидные глаза, широкий рот, сильные белые зубы и высокий лоб.

Она походила на арабку. Была высокой, с большой грудью, тонкой талией, широкими бедрами и такой попой, что всем невольно хотелось дотронуться до нее.

Когда мы ходили с ней по рынку в Лучиньяно, я видел, как мужчины впивались в нее глазами. Видел, как зеленщики ложились животом на прилавки и смотрели на ее зад, когда она проходила мимо, а после вздымали глаза вверх. Я держал ее за руку и прижимался к ее юбке. Она моя, оставьте ее в покое! — хотелось крикнуть мне.

— Тереза, ты будишь грешные мысли, — говорил ей Северино, привозивший нам воду.

Маму это не интересовало. Она просто не замечала ни жадных глаз, открыто скользящих по ней, ни взглядов украдкой в вырез ее платья. От всего этого ей было ни жарко ни холодно. Она не была кокеткой.

От духоты спирало дыхание. Мы лежали в постелях. В темноте.

— Ты знаешь животное, которое начинается с фрукта? — спросила Мария.

— Что?

— Животное, название которого начинается с фрукта.

Я задумался.

— А ты сама-то знаешь?

— Знаю.

— Кто тебе сказал?

— Барбара.

— Мне ничего не приходило в голову.

— Такого не существует.

— Существует, существует.

Я попытался:

— Рыбак.

— Это не животное. И рыба — не фрукт. Не подходит.

Голова моя была пустой. Я повторял все фрукты, которые знал, и прищипливал к ним куски животных — ничего не получалось.

— Сливянка.

— Неправильно.

— Грушовка.

— Не-а.

— Тогда не знаю. Сдаюсь. И кто это?

— Не скажу.

— Почему? Так нечестно.

— Ну ладно, скажу. Киви.

— Что?

— Киви. Птица такая австралийская.

Я хлопнул себя по лбу:

— Точно! Так просто! Вот кретин...

— Спокойной ночи, — пожелала Мария.

— Спокойной ночи, — ответил я.

Я попытался заснуть, но спать не хотелось.

Я выглянул в окно. Луна была не такой полной, как вчера, и сияло много звезд. Этой ночью мальчик не мог обратиться волком. Я посмотрел на холм. И хотя до него было не близко, мне показалось, что на его вершине мерцает слабый огонек.

Кто знает, что происходит сейчас в заброшенном доме?..

Может, туда слетелись ведьмы, голые и старые, они собрались вокруг ямы, и смеются беззубыми ртами, и, может, достают ребенка из ямы, и заставляют плясать и демонстрировать пипиську. А может, людоеды и цыгане поджаривают его на углях.

Я не пошел бы туда этой ночью за все золото мира. Я был бы не против превратиться в летучую мышь и полетать над домом. Или надеть на себя старинные доспехи, которые отец Сальваторе держит в прихожей, и подняться на холм в них. С ними никакие ведьмы не смогли бы со мной ничего сделать.

Утром я проснулся в хорошем настроении, мне не приснилось ничего плохого. Я некоторое время лежал с закрытыми глазами, слушая птичий щебет. И вдруг мне привиделся мальчик, который поднимался и тянул ко мне руку.

— Помогите! — заорал я. Выскочил из постели и в одних трусах выбежал из комнаты.

Папа возился с кофеваркой. Рядом за столом сидел отец Барбары.

— День добрый, — сказал папа.

Он был в добром расположении духа.

— Привет, Микеле, — сказал отец Барбары. — Как дела?

— Хорошо.

Пьетро Мура был низким коренастым дядькой с большой квадратной головой и черными усами, закрывавшими рот. На нем был черный в белую полоску пиджак поверх спортивной майки.

Много лет он работал парикмахером в Лучиньяно, но дела шли все хуже и хуже; он было открыл новый салон с маникюром и современными стрижками, но очень скоро прикрыл дело и сейчас жил, как простой крестьянин. Хотя все в Акуа Траверсе продолжали звать его брадобреем.

Если ты хотел подкоротить волосы, то шел к нему домой. Он усаживал тебя в кухне, на солнце, рядом с клеткой с щеглами, открывал ящик и доставал свернутую трубкой накидку, расчески и ножницы, блестящие от смазки.

У Пьетро Мура были короткие и толстые, словно сигары, пальцы, которые едва влезали в кольца ножниц. Прежде чем начать работу, он раздвигал ножницы и водил ими над твоей головой, туда и обратно, как лозоходец. Он объяснял, что так может читать твои мысли, хорошие или плохие.

А я, когда он делал так, всегда старался думать только о хорошем, например о мороженом, о падающих звездах или о том, как сильно я люблю маму.

Он посмотрел на меня и спросил:

— Что у тебя с волосами? Ты что, хиппи?

Я отрицательно покачал головой.

Папа налил кофе в праздничные чашки.

— Вчера ты меня сильно рассердил. Если будешь продолжать в том же духе, отправлю тебя к монахам.

Парикмахер спросил меня:

— Знаешь, как стригут голову монахи?

— С дыркой в центре.

— Молодец. Так что лучше тебе быть послушным.

— Ну, давай одевайся и садись завтракать, — сказал папа. — Мама оставила тебе хлеба и молока.

— А сама где?

— Ушла в Лучиньяно. На рынок.

— Папа, я хочу сказать тебе одну вещь. Очень-очень важную.

Отец взял пиджак.

— Ты мне ее скажешь вечером, хорошо? Сейчас я уйду. Разбуди сестру и подогрей ей молока. — Он с улыбкой допил свой кофе.

Брадобрей выпил свой, и они вышли из дома.

Я приготовил завтрак для Марии и спустился на улицу.

Череп с ребятами играли в футбол под солнцем.

Того, черно-белый дворняг, бегал за мячом, путаясь у всех под ногами.

Того появился в Акуа Траверсе в начале лета и был принят всеми в местечке. У него было свое место в амбаре отца Черепы. Все таскали ему объедки, и он стал жутко толстый, с животом, раздутым, словно барабан. Это был добрейший пес, и, когда его начинали ласкать или разрешали ему забежать в дом, он приходил в такой дикий восторг, что пускал струю.

— Вставай в ворота! — крикнул мне Сальваторе.

Я встал. Никому не нравилось быть вратарем. А мне нравилось. Может, потому что руки у меня были более ловкие, чем ноги. Мне нравилось прыгать, падать, вертеться в пыли. Отбивать штрафные.

Другим нравилось только забивать голы.

В это утро я напропускал их множество. То мяч вылетал у меня из рук, то я опаздывал с броском. Я не мог сосредоточиться.

Сальваторе подошел ко мне:

— Микеле, что с тобой?

— А что такое?

— Очень плохо играешь.

Я поплевал на ладони, вытянул руки и ноги и прищурился, как Дзофф^[6].

— Готов. Ни одного гола больше.

Череп отобрал мяч у Ремо и сильно пробил. Мяч был легким, из тех, что можно запросто отбить кулаком или же поймать на грудь. Я попытался сделать это, но мяч выскользнул у меня из рук.

— Гол! — заорал Череп и поднял кулак, как будто забил его «Ювентусу».

Меня влек холм. И я мог пойти туда. Отца и мамы не было. Главное, вернуться до обеда.

— Я не хочу играть, — сказал я и пошел к дому. Сальваторе догнал меня:

— Ты куда?

— Так, пройдуь немного.

— Прокатимся кружок?

— После. Сейчас у меня есть дело.

Я сбежал, оставив все в беспорядке, — лист сдвинут в сторону вместе с матрасом, яма открыта, веревка свисает вниз.

Если бы пришли те, кто охранял яму, сразу бы увидели, что их тайна открыта, и мне пришлось бы дорого заплатить за это.

А если там уже никого нет?

Я должен набраться храбрости и посмотреть.

Я заглянул.

Он лежал, завернувшись в покрывало.

Я прочистил горло.

— Привет... привет... здравствуй... Я тот, кто был вчера. Который спустился, помнишь?

Никакого ответа.

— Ты себя плохо чувствуешь? Ты жив?

Он согнул руку, потом поднял ее и что-то пробормотал.

— Что? Я не понял.

— Воды.

— Воды? Хочешь пить?

Он протянул руку.

— Подожди.

Где я ему найду воду? Я увидел две банки из-под краски, но они были пусты. В ванне было немного воды, но она была зеленой, вся в комариных личинках.

Я вспомнил, что в комнате рядом с конюшней видел бидон, полный воды.

— Сейчас принесу, — сказал я ему и полез в оконце над дверью.

Бидон был налит наполовину, вода была чистой и не пахла.

В темном углу на деревянной полке стояли банки, свечные огарки, кастрюля и пустые бутылки. Я взял одну, сделал пару шагов и остановился. Вернулся назад и взял в руки кастрюлю.

Это была маленькая эмалированная кастрюлька со стенками, расписанными красными яблоками, она очень походила на ту, что была у нас дома. Нашу мама купила на рынке в Лучиньяно, ее выбрала Мария из множества кастрюль на прилавке, потому что ей нравились яблоки.

Эта казалась более старой. Была плохо вымыта, на дне оставалось немного прилипшей пищи. Я провел по ней пальцем и понюхал.

Помидорный соус.

Я поставил кастрюльку на место, взял ведро и вылез на улицу.

Привязал веревку к ведру и поставил в него бутылку.

— Спускаю! — крикнул я. — Бери ее.

Не снимая покрывала, ощупью, он поискал бутылку в ведре, схватил и вылил в кастрюльку, не дав пролиться ни одной капле, потом вернул ее обратно в ведро и дернул веревку.

Как будто делал такое всегда, каждый день.

Так как я не поднимал, он дернул еще раз и что-то раздраженно проворчал.

Едва я вытащил ведро, он наклонил голову и, не поднимая кастрюльки, начал лакать воду, стоя на четвереньках, словно собака. Когда закончил, отвалился к стене и замер.

Было уже поздно.

— Тогда... пока.

Я накрыл яму и ушел.

Пока я катил в сторону Акуа Траверсе, я все время думал о кастрюле, которую нашел.

Мне казалось странным, что она была так похожа на нашу. Не знаю, может, потому, что Мария выбрала именно такую из множества других. Как будто специально расписанную яблоками и самую красивую из всех.

Я вернулся домой точно к обеду.

— Скорее иди мой руки, — сказал папа.

Он сидел за столом рядом с сестрой.

Все ждали, когда мама откинет макароны.

Я сбегал в ванную, вымыл руки с мылом и уселся за стол именно в тот момент, когда мама раскладывала макароны по тарелкам.

Кастрюля с макаронами была без яблок. Я посмотрел на посуду, сохнущую в мойке, но и там ее не увидел. Должно быть, стоит в буфете.

— Через пару дней к нам придет один человек, — сказал папа с полным ртом. — Вы должны вести себя хорошо. Никаких капризов и криков. Не выставляйте меня дураком.

Я спросил:

— Кто этот человек?

Он налил себе вина.

— Мой друг.

— Как его зовут?

— Серджо.

— Серджо! — воскликнула Мария. — Какое смешное имя.

Впервые кто-то собирался к нам приехать.

Иногда на Рождество приезжали дяди и тети, но никогда не оставались на ночь. Негде было. Я спросил:

— Надолго он придет?

Папа вновь наполнил стакан.

— Не очень.

Мама поставила передо мной тарелку с куском мяса.

Была среда — день, когда готовили мясо.

У меня и моей сестры оно вызывало отвращение. Я, прилагая огромные усилия, проглатывал твердую пресную подошву, а моя сестра не могла. Мария могла жевать ее часами, пока мясо не превращалось в белый волокнистый окатыш, раздувавший щеку. И, когда оно достигало такого состояния, она приклеивала его снизу стола. Там оно и тухло. Мама недоумевала:

— Откуда эта вонь? Что это пахнет?

До тех пор, пока однажды не выдвинула ящик с вилками и ложками и не обнаружила эти ужасные лепешки.

Так фокус и открылся.

Мария начала жаловаться:

— Я не хочу мяса! Мне не нравится! Мама рассердилась:

— Мария, ешь!

— Не могу. У меня разболелась голова, — сказала моя сестра, словно ей предложили яду.

Мама дала ей подзатыльник, и та захныкала. Сейчас погонит ее в постель, подумал я. Но папа взял тарелку и, глядя маме в глаза, сказал:

— Оставь ее в покое, Тереза. Не будет она есть. Успокойся. Убери.

После обеда мои родители легли отдохнуть. Дом был раскален, словно печка, но им все равно удалось уснуть.

Это был удачный момент для поиска кастрюли. Я открыл буфет и стал перебирать посуду. Кастрюлька отсутствовала. Я посмотрел в ящике, где хранились вещи, которыми редко пользовались. И там ее не было. Я вышел на улицу и заглянул за дом, где находилась большая мойка, огород и веревки с сохнувшими тряпками. Иногда мама мыла посуду здесь и оставляла ее сохнуть на солнце.

Никаких следов кастрюли в яблоках. Испарилась.

Мы сидели под перголой и в ожидании, когда солнце опустится пониже и можно будет играть в футбол, соревновались в том, кто дальше плюнет, когда я увидел отца, спускающегося по лестнице в выходных брюках и чистой рубашке. В руках у него была синяя сумка, до этого я ее никогда не видел.

Мы с Марией вскочили и догнали его у самого грузовика.

— Папа, папа, ты куда? Уезжаешь? — спросил я, ухватившись за дверцу.

— Возьми нас с собой! — заканючила сестра.

Нам очень хотелось прокатиться на грузовике.

Мы хорошо помнили, как он возил нас поест пирожков с острой начинкой и макароны. Он включил мотор:

— Очень жаль, ребята. Но сегодня — нет.

Я попытался втиснуться в кабину.

— Но ты же обещал, что больше не уедешь, что останешься дома...

— Я скоро вернусь. Завтра или послезавтра. Все, спускайся, давай, давай. — Он очень спешил. И не хотел спорить с нами.

Моя сестра еще пыталась настаивать. Я — нет, не было смысла.

Мы смотрели, как он удаляется в пыли, за рулем своей огромной зеленой коробки.

Я проснулся среди ночи.

Не потому, что выспался. От шума.

Я лежал, не открывая глаз, и прислушивался.

Мне казалось, что шумит море. Очень похоже. Только море это было железным, целый океан из болтов, винтов, гвоздей, которые набегали на пляж. Медленные металлические волны скручивались в тяжелые буруны, наступавшие и отступавшие от берега.

К этим звукам добавлялись тьяканье, отчаянный лай и скулеж собачьей стаи, жуткий и не заглушающий, а, напротив, усиливающий шум железа.

Я выглянул в окно. По самой кромке холма, залитого лунным светом, лязгая, двигался комбайн. Он походил на гигантскую металлическую саранчу с двумя маленькими круглыми светящимися глазками и широкой зубастой пастью, какой казались его серпы и грабли. Механическое насекомое, пожирающее пшеницу и какающее соломой. Он работал ночью, потому что днем стояла жара. И это он производил шум, напоминающий море.

Я также знал, откуда идет лай и скулеж.

Из собачника отца Черепа. Итало Натале построил за домом барак из металлических листов и держал там взаперти свору охотничьих собак. Они всегда находились в нем, за металлической сеткой, и зимой, и летом. Когда по утрам отец Черепа приходил их кормить, они начинали лаять.

Я посмотрел в сторону моего холма.

Папа был там. Он отвез мясо, не съеденное моей сестрой, мальчишке и для этого притворился, что уезжает, для этого взял сумку, чтобы спрятать в ней мясо.

Перед ужином я открыл холодильник, мяса не было.

— Мама, а где мясо? — спросил я.

Она с удивлением посмотрела на меня:

— Тебе что, оно вдруг понравилось?

— Да.

— Его больше нет. Его съел папа.

Это была неправда. Папа взял его для мальчишки.

Потому что мальчишка был моим братом.

Как Нунцио Скардаччоне, старший брат Сальваторе. Нунцио не был так уж ужасен в своем сумасшествии, но я не мог заставить себя смотреть на него. Я боялся, что он втянет меня в свое безумие. Нунцио вырывал волосы на голове и запихивал их в рот. Вся голова у него была в язвах и коростах и гноилась. Его мать надевала на него шапку и перчатки, чтобы он не трогал волосы, но кончилось тем, что он искусал себе руки в кровь. В конце концов его отвезли в психушку. Я был счастлив.

Ведь могло случиться так, что мальчик в яме — мой брат и родился сумасшедшим, как Нунцио, и папа его спрятал там, чтобы не пугать меня и сестру. Чтоб не пугать детей в Акуа Траверсе.

Может, мы с ним были близнецами. Ведь мы одного роста и одного возраста.

Когда мы родились, мама взяла нас обоих из колыбели, села на стул и дала каждому по груди, чтобы покормить молоком. Я начал сосать грудь, а он, наоборот, укусил ее за сосок, она пыталась оторвать его, кровь и молоко текли по груди, и мама кричала на весь дом:

— Он сумасшедший! Сумасшедший! Пино, убери его от меня! Выброси его! Убей его, он сумасшедший!

Папа положил его в мешок и отвез на холм, чтобы убить. Положил на землю, в пшеницу, и должен был пронзить кинжалом, но не смог, все-таки это был его сын, и тогда он выкопал яму и посадил его в ней на цепь, и там он рос.

А мама не знала, что он живой.

А я знал.

Я проснулся рано. Мама и Мария еще спали. Я поднялся, почистил зубы, положил в бумажный пакет сыр и хлеб и вышел из дому.

Я решил, что днем на холме неопасно, страшные вещи случаются только по ночам.

Утром появились облака. Они быстро бежали по выцветшему небу, отбрасывая темные тени на пшеничные поля и пронося над ними неведомо куда хранящийся в них дождь.

Я стрелой промчался через безлюдные поля, направляясь к яме.

Если я найду в яме хотя бы кусочек мяса, это будет означать, что мальчишка — мой брат.

Я почти добрался до места, когда заметил на горизонте красное пыльное облачко. Облако пыли, быстро перемещавшееся над пшеницей. Его мог поднять только автомобиль, едущий по земляной, иссушенной солнцем дороге. Облако было далеко, но скоро должно настичь меня. Я уже слышал шум мотора.

Автомобиль ехал со стороны заброшенного дома. Эта дорога вела только туда.

Я не знал, что делать. Если повернуть назад, он все равно меня догонит, если продолжать путь — увидит. Нужно было мгновенно решать: автомобиль приближался. Может, меня даже уже заметили. А если нет, то только из-за красной завесы пыли, которую он поднимал.

Я нажал на педали, пытаюсь ехать как можно быстрее. Бесполезно. Чем больше усилий я прилагал, тем отчаяннее упрямылся велосипед, отказываясь ехать. Я рулил, а за моей спиной росла пыльная туча.

Спрячься, сказал я себе.

Я повернул руль, велосипед налетел на камень, и я полетел, словно распятый, в пшеницу. Машина была уже в сотне метров от меня.

Велосипед упал у края дороги. Я схватил его за колесо и рывком втащил в пшеницу. И прижался к земле. Затаив дыхание. Не двигая ни одним мускулом. Моля Бога, чтобы меня не заметили.

Бог услышал мою мольбу.

Лежа среди колосьев, жалимый оводами, пирующими на моей коже, с руками, утонувшими в обожженной земле, я видел, как удаляется коричневый «фиат-127».

Принадлежащий Феличе Натале.

Феличе Натале был старшим братом Черепа. И если Череп — сволочь, то Феличе был хуже его в тысячу раз.

Ему было двадцать лет. И, когда он находился в Акуа Траверсе, жизнь моя и других ребят превращалась в ад. Он бил нас, протыкал

мяч, отбирал вещи.

Он был сущий дьявол. Ни друзей, ни подруг. И вел себя как сумасшедший. Это было объяснимо. Ну кто в двадцать лет мог бы жить в Акуа Траверсе, если не желал кончить, как Нунцио Скардаччоне — пожиратель волос? Феличе метался по Акуа Траверсе среди четырех домов, словно бешеный тигр по клетке, готовый разорвать любого. Счастье, что он иногда уезжал в Лучиньяно. Но и там у него не было друзей. Когда я выходил из школы, я часто видел его одиноко сидящим на скамейке на площади.

В том году была мода на штаны а-ля слоновьи ноги, обтягивающие цветные майки, легкую небритость и длинные волосы. Феличе плевал на моду. Волосы он стриг коротко, бриолинил и зачесывал назад, тщательно брился и одевался в военные куртки и камуфляжные штаны. А вокруг шеи повязывал платок. Он ездил на 127-м «фиате», ему нравилось оружие, и он рассказывал, что служил в десантных войсках в Пизе. Хотя все знали, что он проходил службу в пехоте в Бриндизи. У него было острое лицо барракуды, мелкие редкие зубы, как у только что родившегося крокодильчика. Нам он объяснял это тем, что у него все еще молочные зубы. Но они у него не менялись никогда. Если он не раскрывал рта, то был почти симпатичным, но, если распахивал свою печку или смеялся, ты отскакивал на пару шагов.

В один прекрасный день, не сказав никому ни слова, он уехал.

Если у Черепа спрашивали, куда уехал его брат, он отвечал:

— На Север. Работать.

Этого было достаточно, и жизнь шла дальше.

А сейчас он вновь появился, взошел, словно ядовитая трава. На своем 127-м цвета жидкого дерьма. Он спускался от заброшенного дома.

Это он посадил мальчика в яму. Вот кто это сделал.

Укрывшись за деревьями, я высматривал, нет ли кого в доме.

Когда убедился, что я здесь один, вошел в дом, ступая по проторенной дорожке. Кроме пакетов из-под макарон, пивных бутылок, кастрюльки в яблоках на земле валялась пара открытых банок из-под тунца. И в углу свернутый мешок из камуфляжной ткани.

Феличе. Это его. Я даже представил, как он, сидя на этом мешке, жрал тунца из банки.

Я наполнил бутылку водой, взял из коробки веревку, вышел во двор, привязал веревку к стреле лебедки, сдвинул лист и матрас и посмотрел вниз.

Он лежал, завернутый в коричневое покрывало, свернувшись, словно дикобраз.

У меня не было желания спускаться в яму, но необходимо было убедиться, что там есть мясо, не съеденное моей сестрой. Да, я видел Феличе, едущего от холма, но меня по-прежнему буравила мысль о том, что этот мальчик может быть моим братом.

Я достал сыр и спросил:

— Можно к тебе? Я тот, что приносил воду. Ты помнишь? Я принес тебе поесть. Немного сыра. Очень вкусный сыр. Лучше, намного вкуснее мяса. Если ты на меня не набросишься, я тебе его дам.

Он не ответил.

— Ну так что, можно спуститься?

Феличе мог его зарезать.

— Я бросаю сыр. Возьми. — И я бросил сыр.

Сыр упал рядом с его ногой.

Черная рука, стремительная, словно тарантул, вынырнула из-под покрывала, ощупав землю, наткнулась на сыр, схватила его и утянула под тряпку. Пока он ел сыр, ноги у него дрожали, как у дворовой собаки, оказавшейся перед куском бифштекса после нескольких дней без еды.

— У меня есть вода... Дать тебе?

Он махнул мне рукой.

Я спустился в яму.

Как только он услышал, что я рядом, он опять свернулся клубком у самой стены. Я посмотрел вокруг в поисках следов мяса.

— Не бойся. Я тебе ничего не сделаю. Хочешь пить? — Я протянул ему бутылку. — Пей, она вкусная.

Он сел, не снимая с себя покрывала. Он походил на маленькое оборванное привидение.

Торчащие худые ноги напоминали две белые жалкие ветки. Он протянул из-под покрывала руку, схватил бутылку, как раньше сыр, и

она исчезла под тряпкой.

У привидения оказался длинный, как у муравьеда, нос. Он пил.

Он высосал всю воду за двадцать секунд. Когда закончил, отпрыгнул.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Он даже не удостоил меня ответом.

— А как зовут твоего отца?

Никакого результата.

— Моего зовут Пино, а твоего? Может, твоего тоже зовут Пино?

Мне показалось, он что-то пробормотал.

Я подождал немного и сказал:

— Феличе. Его ты знаешь? Я его видел. Ехал отсюда на своей машине... — Я не знал, о чем еще говорить. — Хочешь, чтобы я ушел? Если хочешь, уйду. — Никакой реакции. — Ну и ладно. Я пойду. — Я ухватился за веревку. — Тогда пока...

Я услышал бормотание, вздох и еще какие-то звуки из-под тряпки.

Я прислушался.

— Что ты сказал?

Опять звуки.

— Не понимаю. Говори громче.

— Медвежата!.. — прокричал он.

Я отпрыгнул.

— Медвежата? Что значит «медвежата»?

— Медвежата-полоскуны... — сказал он чуть тише.

— Медвежата-полоскуны?

— Медвежата-полоскуны. Если ты оставишь открытым окно кухни, медвежата-полоскуны влезут в нее и украдут торты и печенье и все, что вы едите, — сказал он очень серьезно. — Если ты, например, оставишь мусорное ведро с остатками еды рядом с домом, медвежата-полоскуны придут ночью и все съедят.

Он был похож на сломанное радио, которое неожиданно включилось.

— Очень важно хорошо закрывать ведро, если нет, они все из него выбросят.

О чем он говорил? Я попытался прервать его.

— Здесь не водятся медведи. Нет даже волков. Лисицы есть. — Потом спросил: — Вчера ты случайно не ел мяса?

— Медвежата-полоскуны кусаются, потому что боятся людей.

Дались ему эти медвежата-полоскуны. И что они полощут? Тряпки? И потом, медведи разговаривают только в комиксах. Мне не нравилась эта история с медвежатами.

Для меня было важно другое.

— Ты можешь мне сказать? Ну, пожалуйста. Ел ты вчера вечером мясо? Мне надо это знать.

Он мне ответил:

— Медвежата мне сказали, что ты не боишься властелина червей.

Голос в моем мозгу говорил, чтобы я не слушал его, чтобы скорее бежал отсюда.

Я схватился за веревку, но не мог заставить себя уйти и продолжал зачарованно смотреть на него.

Он настаивал:

— Ты ведь правда не боишься властелина червей.

— Властелин червей? А кто это?

— Властелин червей говорит: «Эй, засранец! Я сейчас пошлю тебе кое-что. Возьми это и верни мне корзину. Если нет, я спущусь и раздавлю тебя, как червя». Ты — ангел-хранитель?

— Что?

— Ты — ангел-хранитель?

Я пробормотал:

— Я... я нет... я не ангел...

— Ты ангел. У тебя тот же голос.

— Какой ангел?

— Который разговаривает.

— А разве не медвежата-полоскуны с тобой разговаривают? — Мне никак не удавалось отыскать смысл в его безумстве. — Ты мне сам только что сказал...

— Медвежата разговаривают, но часто говорят неправду. Ангел всегда говорит правду. Ты — ангел-хранитель.

Я почувствовал, что теряю сознание. Вонь от дерьма заполнила мой рот, нос и легкие.

— Никакой я не ангел... Я Микеле, Микеле Амитрано. Я не... — пробормотал я, оперся о стенку и сполз на землю, а он поднялся, протянул ко мне руку, словно прокаженный, просящий милостыню, и

замер так на мгновение, а потом сделал шаг и рухнул на колени прямо к моим ногам.

Он схватил меня за палец, что-то шепча.

Я закричал. Словно меня коснулась ужасная медуза или ядовитый паук своими острыми черными, длинными и кривыми когтями.

Он что-то тихо произнес.

— Что, что ты сказал?

— Что я сказал? Что я умер, — ответил он.

— Что?

— Что? Что я умер! Что я умер! Я умер. Что?

— Говори громче. Громче... Прошу тебя.

Он кричал хрипло, без голоса, пронзительно, как скрип ногтя по стеклу.

— Я умер? Я умер! Я умер?

Я нащупал веревку и выбрался из ямы, осыпая землю.

Он продолжал верещать:

— Я умер? Я умер! Я умер?

Я летел, сопровождаемый тучей слепней.

Я клялся, что никогда больше не вернусь на этот холм. Никогда больше, пусть мне глаза выколуют, не буду разговаривать с этим сумасшедшим.

С чего это ему в башку взбрело, что он умер?

Никто, кто жив, не может поверить, что он мертвый. Когда кто-то мертв так уж мертв. И находится в раю. Или, в худшем случае, в аду.

А если он прав?

Если он действительно мертв? Если его воскресили? Кто? Только Иисус Христос может воскрешать. И никто другой. Но когда ты воскресаешь, ты помнишь, что был мертвым? Ты помнишь, что было до этого? Или ты становишься сумасшедшим, потому что мозги твои испортились, и ты начинаешь рассказывать о медвежатах-полоскунах?

Он не был моим близнецом и даже братом. И папа не имеет к нему никакого отношения. И кастрюля не наша. Нашу мама выбросила.

И как только папа вернется, я ему все расскажу. Как он меня учил. И он что-нибудь сделает.

Я почти доехал до дороги, когда вдруг вспомнил о листе. Я сбежал, оставив яму открытой.

Если Феличе вернется, сразу же поймет, что кто-то здесь был и сунул нос, куда не должен совать. Я не должен был сбегать в панике только потому, что испугался этого прикованного психа в яме. Если Феличе узнает, что это был я, он притащит меня к папе за ухо.

Однажды я и Череп забрались в его машину. Мы представили себе, что 127-й — космический корабль. Череп был пилотом, а я стрелял в марсиан. Феличе нас застукал и вытащил из машины за уши. Как кроликов. Мы плакали от боли, но он не отпускал. К счастью, из дома вышла мама и дала ему хорошую затрещину.

Мне бы так все и оставить, прибежать домой, запереться в своей комнате и читать комиксы, но я, проклиная себя, вернулся к яме. Облака ушли, наступила жара. Я снял майку и взял палку. Если я встречу Феличе, будет чем защищаться.

Я старался не приближаться к самой яме, но не смог удержаться от того, чтобы не заглянуть в нее.

Он стоял на коленях, под покрывалом с вытянутой рукой, в той самой позе, в какой я его оставил.

Мне захотелось вспрыгнуть на этот проклятый лист и растоптать его на тысячи кусков, я же, напротив, сдвинул его и закрыл яму.

Когда я явился, мама мыла посуду. Она бросила сковородку в мойку.

— Смотрите-ка, кто пришел!

Она была так разгневана, что у нее дрожала челюсть.

— Можно ли узнать, где это ты шляется? Я чуть со страху не умерла... Прошлый раз тебе это сошло с рук. На этот раз отец тебе задаст.

У меня не было ни секунды, чтобы произнести что-либо в свое оправдание, потому что она погналась за мной. Я прыгал из стороны в сторону по кухне, как коза, в то время как моя сестра, сидя за столом, смотрела на меня, качая головой.

— Куда бежишь? Ну-ка иди сюда!

Я перепрыгнул через диван, перевернув кресло, бросился под стол, прополз в свою комнату и спрятался под кровать.

- Вылазь сейчас же!
- Не вылезу. Ты меня побьешь!
- Конечно, побью. Если вылезешь сам, получишь меньше.
- Не вылезу.
- Ладно.

Словно тиски сжали мою лодыжку. Я схватился за ножку кровати обеими руками, но это не помогло. Мама была очень сильной, и дурацкая железная ножка выскользнула у меня из рук. Я очутился между ее колен. Я сделал еще одну попытку рвануться под кровать, но спасения не было, она поймала меня за штаны и сунула под мышку, словно чемодан.

Я заверещал:

- Отпусти меня! Я тебя прошу! Отпусти!

Она уселась на диван, разложила меня на коленях, спустила с меня штаны и трусы и, не обращая внимания на мои мольбы, откинув назад волосы, начала драть мне задницу.

У мамы всегда была тяжелая рука. Ее шлепки, размеренные и точные, производили глухой звук, словно пылевыбивалка по ковру.

— Я тебя искала повсюду. — Шлепок. — Никто не знал, где ты. — Второй. — Ты хочешь убить меня. Где ты пропадал весь день? — Третий. — Все думают, что я мать, с которой не считаются ее дети. — Четвертый. — Плохая мать, не способная воспитать своих детей.

- Хватит! — орал я. — Хватит! Я тебя прошу, прошу, мама!

Голос в радиоприемнике пел: «Мука. Мука и наказание. Радость...»

Я и сегодня хорошо помню эту сцену, словно она случилась вчера. Всю свою жизнь, когда я слышу «Травиату», я вновь вижу себя с голым задом в потолок на коленях мамы, которая, удобно сидя на диване, взбивает мне задницу.

- Чем займемся? — спросил меня Сальваторе.

Мы сидели на скамейке и бросали камни в нагревательную колонку, брошенную в пшеницу. Кто попадал, зарабатывал очко. Остальные ребята в конце улицы играли в прятки.

День был ветреный, но сейчас в кустах воздух стоял неподвижно, и было душно, и над полями зависла полоска усталых свинцовых

облаков.

Я бросил слишком далеко.

— Не знаю. На велике я ехать не могу: зад болит. Мать вчера надрала.

— За что?

— Поздно домой пришел. А тебя мать бьет?

Сальваторе бросил и со смачным ток! попал в нагреватель.

— Очко! Три — один. — Затем покачал головой: — Нет. Не бьет. Она слишком толстая.

— Везет тебе. Моя, наоборот, очень сильная и может бежать быстрее велосипеда.

Он засмеялся:

— Это невозможно!

Я подобрал камень поменьше и бросил. На этот раз почти попал.

— Клянусь. Один раз в Лучиньяно нам нужно было успеть на автобус. Когда мы подошли к остановке, он уже отъезжал. Мама побежала за ним и бежала так быстро, что догнала и начала стучать кулаками в дверь. И он остановился.

— Моя, если побежит, помрет.

— Слушай, — сказал я. — Ты помнишь, когда сеньора Дестани нам рассказывала о чуде с Лазарем?

— Помню.

— По-твоему, когда Лазарь воскрес, он помнил, что был мертвым?

Сальваторе задумался:

— Нет. По-моему, он думал, что был болен.

— А как же он пошел? Тело у мертвых твердое. Ты помнишь ту кошку, которую мы нашли, какая она была твердая.

— Какую кошку? — Он бросил и снова попал.

— Черную, рядом с руслом... Вспомнил?

— А, вспомнил. Череп еще ее надвое разрубил.

— Если кто-то мертвый и воскреснет, не сможет ходить нормально и будет сумасшедшим, потому что мозги у него сгниют и он будет говорить странные вещи, ведь так?

— Думаю, так.

— А как ты думаешь, можно воскресить мертвого или это может делать только Иисус Христос?

Сальваторе почесал голову:

— Не знаю. Моя тетя мне рассказала одну достоверную историю. Про то, как однажды сын одного мужика был сбит машиной и умер, весь переломанный. Его отец не хотел больше жить, чувствовал себя плохо, все время плакал, и пошел к волшебнику, и дал ему все деньги, чтобы тот воскресил сына. Волшебник сказал ему: «Иди домой и жди. Твой сын вернется сегодня ночью». Отец начал ждать, но тот все не приходил, и в конце концов он пошел спать. Он уже засыпал, когда услышал шаги в кухне. Он вскочил, счастливый, и увидел сына, тот был весь переломан, у него не было одной руки, голова раздавлена. Мозги из нее вытекали, и он сказал, что ненавидит отца, потому что тот оставил его посреди дороги, а сам пошел с женщиной, и это его вина, что он мертвый.

— И что дальше?

— А дальше отец взял бензин и поджег его.

— И правильно сделал. — Я бросил и наконец попал. — Очко!

Четыре — два!

Сальваторе нагнулся за камнем:

— Правильно сделал, точно.

— По-твоему, это правдивая история?

— Вранье.

— По-моему, тоже.

Я проснулся. Потому что захотел в туалет. Отец вернулся. Я слышал его голос в кухне.

Там был еще кто-то. Они спорили, прерывали друг друга, ругались. Папа был зол.

Этим вечером мы отправились в кровать сразу после ужина.

Я крутился вокруг мамы, словно мотылек, стараясь помириться. Я даже напросился чистить картошку. Но она не смотрела на меня всю первую половину дня. За ужином она бросила нам тарелки под нос, и мы ужинали в тишине, а она ходила по кухне и смотрела на дорогу.

Сестра спала. Я встал на колени на кровати и высунулся в окно.

Грузовик был припаркован рядом с большой темной машиной с посеребренным блестящим носом. Машина для богачей.

Я еле сдерживался, но, для того чтобы пройти в ванную, нужно было пересечь кухню. При всех тех, кто там находился, я стеснялся, но сил терпеть больше не было.

Я поднялся и подошел к двери. Повернул ручку. Сосчитал: один, два, три... четыре, пять и шесть — и открыл.

Они сидели за столом. Итало Натале, отец Черепа. Пьетро Мура, брадобрей. Анджела Мура. Феличе. Папа. И старик, которого я никогда прежде не видел. Должно быть, Серджо, папин друг.

Они курили. У них были красные уставшие лица и маленькие-маленькие глазки.

Стол был полон пустых бутылок, пепельниц, полных окурков, пачек от сигарет, крошек хлеба. Вентилятор вращался, но это не помогало. Было смертельно жарко. Телевизор включен, но звук убран. Пахло помидорами, потом и средством от комаров.

Мама варила кофе.

Я посмотрел на старика, который доставал сигарету из пачки «Данхилла».

Потом я узнал, что это действительно был Серджо Материя. В те дни ему было шестьдесят шесть, и он приехал из Рима, где прославился за двадцать лет до этого ограблением мехового магазина «Монте Марио» и налетом на Аграрный банк. Неделью спустя после налета он приобрел бар на площади Болонья. Хотел отмыть деньги, но карабинеры арестовали его как раз в день открытия. Он несколько лет провел в тюрьме, за хорошее поведение был отпущен на свободу и эмигрировал в Южную Америку.

Серджо Материя был худ. С лохматой головой. Над ушами у него росли редкие желтоватые волосы, которые он собирал в хвост. У него был длинный нос, глубоко посаженные глаза, седая щетина, по меньшей мере двухдневная, покрывала его ввалившиеся щеки. Брови, длинные и выцветшие, казались пучками волос, наклеенными на лоб. Морщинистая шея вся в белых пятнах. Он был одет в голубой костюм и коричневую рубашку. Очки в золотой оправе угнездились на его блестящем носу. Золотая цепь сияла на волосатой груди. На запястье он носил часы из массивного золота.

Он был в ярости.

— С самого начала вы делали одну ошибку за другой, — говорил он странные вещи. — И прежде всего этот болван. — Он ткнул пальцем в Феличе. Взял зубочистку и начал ковырять в желтых зубах.

Феличе сидел, согнувшись за столом, и вилкой рисовал на скатерти. Он очень походил на брата, когда того ругала их мать.

Старик прокашлялся, прочистил горло:

— Зря я вам доверил это дело. Вы ненадежные люди. Это была дурацкая идея. Вы делали глупость за глупостью. Вы играете с огнем... — Он бросил зубочистку в тарелку. — Я идиот! Сижу с вами и теряю время... Если б все пошло так, как было задумано, я уже был бы в Бразилии, а не торчал в этой дерьмовой дыре.

Папа сделал попытку вставить слово:

— Серджо. Послушай... Успокойся... Дело ведь еще не...

Но старик цыкнул на него:

— Какое, на хрен, дело?! Ты бы заткнулся, потому что ты хуже всех. И знаешь почему? Потому что не отдаешь себе отчета в том, что происходит. Ты не способен. Все спокойно, надежно, а сам городишь одну хреновину на другую. Ты придурок.

Папа попытался ответить, выпил глоток вина и опустил взгляд.

Этот старый хрыч назвал его придурком.

Это было, как если б мне всадили нож в бок. Никто никогда не говорил так с моим отцом. Папа был старшим в Акуа Траверсе. А этот противный старик, явившийся неизвестно откуда, ругал его при всех.

Почему папа не выгонит его вон?

Все замолкли. Сидели молча, в то время как старик вновь начал ковырять в зубах, глядя на люстру.

Старик вел себя, словно император. Когда император в ярости, все должны молчать. Включая папу.

— Теленовости! Вот они, — сказал отец Барбары, поворачиваясь на стуле. — Начинаются!

— Звук! Тереза, прибавь звук! И погаси свет, — сказал отец маме.

Дома всегда гасили свет, когда смотрели телевизор. Это обязательно. Мама покрутила ручку громкости и выключила свет.

В комнате наступил полумрак. Все повернулись к экрану. Как тогда, когда играла сборная Италии.

Спрятавшись за дверью, я видел их темные контуры, окрашенные в синий цвет, льющийся с экрана.

Журналист рассказывал о столкновении двух поездов под Флоренцией, были погибшие, но никто не среагировал.

Мама насыпала сахар в кофе. А они говорили: мне одну, а мне две, а мне без...

Мать Барбары сказала:

— Может быть, об этом вообще не скажут. Вчера не говорили. Может, им это уже неинтересно.

— Заткнись ты! — рявкнул старик.

Был подходящий момент прошмыгнуть в туалет. Нужно только миновать комнату родителей. Оттуда в ванную, и все это в темноте.

Я представил себя черной пантерой. Выбрался из комнаты на четвереньках и был в нескольких шагах от спасительной двери, когда отец Черепа встал с дивана и пошел мне навстречу.

Я прилип к полу. Итало Натале взял сигарету со стола и вернулся на диван. Я задержал дыхание и продолжил движение. Дверь была рядом, я почти добрался до нее. И расслабился, когда все вместе закричали:

— Вот! Вот! Молчите! Замолчите!

Я вытянул шею из-за дивана, и меня чуть не хватил удар.

За спиной журналиста была фотография мальчика.

Мальчика из ямы.

Он был светлоголовый. Весь чистенький, весь причесанный, весь красивый, в рубашке в мелкую клетку, он смеялся и сжимал в руках паровозик от электрической железной дороги.

Журналист говорил:

— Продолжаются безуспешные поиски маленького Филиппо Кардуччи, сына ломбардского промышленника Джованни Кардуччи, похищенного два месяца назад в Павии. Карабинеры и следователи вышли на новый след, который сможет...

Больше я ничего не слышал.

Все кричали. Папа и старик вскочили на ноги.

Мальчика звали Филиппо. Филиппо Кардуччи.

— Сейчас мы передадим обращение синьоры Луизы Кардуччи к похитителям, записанное сегодня утром.

— Какого хрена хочет эта сучка? — спросил папа.

— Шлюха! Грязная шлюха! — прорычал из-за его спины Феличе.

Отец дал ему подзатыльник:

— Заткнись!

Вступила мать Барбары:

— Кретин!

— Черт вас возьми! Хватит! — заорал старик. — Дайте послушать!

На экране появилась женщина. Элегантная. Блондинка. Не молодая, не старая, но красивая. Она сидела в большом кожаном кресле в комнате, полной книг. У нее блестели глаза. Она сжимала руки. Словно они должны были сбежать. Она наклонилась к экрану и сказала, глядя нам в глаза: «Я мать Филиппо Кардуччи, я обращаюсь к тем, кто похитил моего сына. Я умоляю вас, не делайте ему плохо. Он хороший мальчик, воспитанный и очень робкий. Я умоляю вас, обращайтесь с ним хорошо. Я уверена, что вы знаете, что такое любовь и сострадание. Даже если у вас нет детей, я уверена, что вы можете представить, как тяжело, когда у тебя их крадут. Выкуп, который вы запросили, очень велик, но я и мой муж расположены дать вам все, чем мы владеем, чтобы вернуть Филиппо. Вы угрожали отрезать ему ухо. Я прошу вас, я заклинаю не делать этого... — Она вытерла слезы, перевела дыхание и продолжила: — Мы делаем все возможное. Пожалуйста. Бог воздаст вам, если вы проявите милосердие. Скажите Филиппо, что мама и папа его не забыли и очень любят».

Папа показал пальцами ножницы:

— Оба уха емуотрежем. Оба.

Старик добавил:

— Вот так-то, шлюха. Замучаешься выступать по телевизору!

И все опять начали кричать.

Я вполз в свою комнату, закрыл дверь, взобрался на подоконник и начал писать вниз.

Значит, это папа и другие украли мальчика у синьоры из телевизора.

Капли мочи падали на тент грузовика и сверкали в свете фонаря.

«Осторожно, Микеле, ты не должен выходить из дома ночью, — всегда говорила мама. — В темноте ходит Черный человек, который хватает детей и продает их цыганам».

Папа был Черным человеком.

Днем он был хорошим, а по ночам плохим.

Все остальные были цыганами. Цыганами, переодетыми людьми. А этот старик был королем цыган, а папа его рабом. Только мама — нет.

Я всегда думал, что цыгане похожи на карликов, стремительных, с лисьими ушами и куриными ногами. А они оказались как все люди.

Почему они его не отдают назад? Зачем им этот сумасшедший мальчишка? Мама Филиппо очень страдает, это видно. Раз она выступила по телевизору и сказала, как много для нее значит ее сын.

А папа хотел отрезать ему оба уха.

— Ты что делаешь?

Я подпрыгнул, обернулся и чуть не описал кровать.

Проснулась Мария.

Я быстро натянул трусы.

— Ничего.

— Ты писал, я видела.

— Я не мог больше терпеть.

— А что там?

Если я скажу Марии, что наш папа — Черный человек, она сойдет с ума. Я пожал плечами:

— Ничего.

— А почему они ругаются?

— Так.

— Как так?

— Они играют в лото, — придумал я.

— В лото?

— Ага. Спорят, кому вытаскивать цифры.

— Кто выигрывает?

— Серджо, папин друг.

— Он приехал?

— Да.

— Какой он?

— Старый. Давай спи.

— Я не могу. Слишком жарко. И шумят. Когда они уйдут?

В кухне продолжали кричать. Я слез с подоконника:

— Кто их знает.

— Микеле, расскажи мне сказку об Анголотте в Африке.

Анголотта была городской собачкой, которая спряталась в чемодане и случайно очутилась в Африке среди львов и слонов. Нам очень нравилась эта история. Анголотта была очень умная собака, умнее шакалов. И завела себе дружка, сурка. Обычно, когда папа возвращался домой, он рассказывал нам новую главу.

Впервые Мария попросила меня рассказать сказку, я был очень польщен. Беда, что я не знал ни одной.

— Я не знаю, — признался я.

— Неправда. Ты знаешь.

— Какую я знаю?

— Ты помнишь ту, которую нам однажды рассказала мама Барбары? Про Пьерино Пьероне.

— А-а, эту? Знаю.

— Ее и расскажи.

— Ладно, но только я ее не очень хорошо помню.

— Расскажи мне ее в шатре, ладно?

— Ладно.

Так по крайней мере мы не будем слышать криков из кухни. Я перебрался в постель сестры, и мы укрылись простыней с головой.

— Начинай, — прошептала мне в ухо сестра.

— Итак, жил-был Пьерино Пьероне, который любил лазить по деревьям, чтобы кушать их плоды. Однажды, когда он сидел на дереве, внизу проходила ведьма Бистрега... Вот она и говорит: «Пьерино Пьероне, дай мне одну грушу, а то я ужасно голодная». И Пьерино Пьероне бросил ей грушу.

Она прервала меня:

— Ты не рассказал, какая была эта ведьма Бистрега.

— Ага. Она была жутко противная. Лысая-лысая. У нее был лошадиный хвост и длиннущий нос. Она была длинной и ела детей. Ее мужем был Черный человек...

Пока я рассказывал, я видел, как папа отрезает уши у Филиппо и засовывает их в карман. А потом прикрепляет их к зеркалу грузовика.

— Неправильно. У нее не было мужа. Рассказывай правильно. Я знаю эту историю.

— Пьерино Пьероне бросил ей грушу, и она попала в коровью лепешку.

Мария засмеялась. Истории про какашки ей очень нравились.

— Ведьма Бистрега опять говорит: «Пьерино Пьероне, дай мне одну грушу, а то я ужасно голодная». — «Возьми эту». И он бросил ей другую

грушу. И она упала в лужу, которую написала корова. И вся испачкалась.

Опять смех.

— Ведьма опять у него просит грушу. Он снова ей бросает и попадает в коровью жвачку.

Мария ткнула меня коленом:

— Этого в сказке нет. Неправда. Ты что, дурак?

С моей сестрой ничего нельзя было изменить в истории, даже чуть-чуть.

— Тогда...

Но что творилось на кухне! Должно быть, разбилась тарелка. Я повысил голос.

— Тогда Пьерино Пьероне слез с дерева и дал ей грушу. А ведьма Бистрега схватила его и сунула в мешок, который забросила за плечо. А так как Пьерино Пьероне перед этим скушал много перцев, которые были тяжелыми, ведьма не могла долго нести его и должна была останавливаться каждые пять минут и однажды захотела пописать. Она оставила мешок и пошла за дерево. Пьерино Пьероне зубами перегрыз веревку и выскочил из мешка, а туда положил медвежонка-полоскуна...

— Медвежонка-полоскуна?

Я специально так сказал, чтобы увидеть, знает ли Мария, кто это такой.

— Да, медвежонка-полоскуна.

— А кто это?

— Это такие медвежата, которые, если ты оставишь тряпки рядом с речкой, придут и стирают.

— А где они живут?

— На Севере.

— А что дальше? — Мария отлично знала, что Пьерино Пьероне положил в мешок камни, однако меня не поправила.

Ведьма Бистрега взвалила мешок на спину и, когда пришла домой, сказала своей дочке: «Маргерита Маргеритоне, спустись, открой дверь и приготовь большую кастрюлю, чтобы сварить Пьерино Пьероне».

Маргерита Маргеритоне поставила воду на огонь, а ведьма Бистрега открыла мешок, и оттуда выскочил медвежонок-полоскун и начал кусать обеих, а потом спустился во двор и начал кушать кур и разбрасывать помойку. Ведьма очень рассердилась и побежала искать Пьерино Пьероне. Она его нашла, засунула в мешок и больше уже нигде не останавливалась до самого дома. Когда она пришла домой, то сказала Маргерите Маргеритоне: «Возьми его и закрой в подполе, а завтра мы его съедим...»

Я остановился.

Мария заснула под эту нехорошую сказку.

На следующее утро я столкнулся со стариком в ванной.

Я открыл дверь, а он стоял там и брился, скрючившись над умывальником, уткнувшись головой в самое зеркало, и окурок свисал у него с губы. Он был одет в поношенную спортивную майку и отливавшие желтизной длинные трусы, из которых торчали две сухие безволосые палки. На ногах у него были черные сапоги с расстегнутой молнией.

От него пахло кислым, смесью талька и крема для бритья.

Он повернулся ко мне и оглядел меня с головы до ног опухшими глазами, одна щека в пене, в руке бритва:

— А ты кто такой?

Я ткнул себя пальцем в грудь:

— Я?

— Да, ты.

— Микеле. Микеле Амитрано.

— А я Серджо. Здравствуй.

Я протянул ему руку:

— Очень приятно. — Так отвечать меня научили в школе.

Старик промыл бритву водой.

— А ты не знаешь, что надо стучаться, прежде чем войти в ванную? Тебе об этом не говорили родители?

— Извините.

Я хотел уйти, но стоял столбом. Как это случается, когда ты видишь урода, стараешься на него не глядеть и не можешь удержаться.

Он начал брить шею.

— Значит, ты — сын Пино?

— Да.

Он разглядывал меня в зеркало.

— Ты не очень-то разговорчивый.

— Да.

— Мне нравятся молчаливые мальчики. Молодец. Не в своего отца. А ты послушный?

— Да.

— Тогда выйди и закрой дверь.

Я побежал искать маму. Она была в моей комнате и снимала простыню с кровати Марии. Я подергал ее за платье:

— Мама! Мама, кто этот старик в ванной?

— Оставь меня, Микеле, у меня много дел. Это Серджо, друг твоего отца. Тебе же говорили, что он приедет. Он останется у нас на несколько дней.

— Почему?

Она подняла матрас и перевернула его.

— Потому, что так решил твой отец.

— А где он будет спать?

— В кровати твоей сестры.

— А она?

— Она с нами.

— А я?

— В своей постели.

— Значит, старик будет спать в одной комнате со мной?

Мама вздохнула:

— Да.

— Ночью?

— Ты — болван? Что, спят днем?

— А нельзя, чтобы Мария спала здесь? А я с вами.

— Не говори глупостей. — Она стелила чистую простыню. — Уходи, у меня дела.

Я упал на пол и обхватил ее ноги:

— Мама, прошу тебя, пожалуйста, я не хочу с ним. Я тебя прошу, я хочу быть с вами. В вашей кровати.

Она фыркнула:

— Мы не поместимся! Ты уже большой.

— Мама, прошу тебя! Я лягу в уголок. И стану маленьким.

— Я сказала — нет.

— Прощу тебя! — заканючил я. — Я буду хорошо себя вести. Вот увидишь.

— Перестань. — Она подняла меня с пола и посмотрела мне в глаза. — Микеле, я уж и не знаю, что с тобой делать. Почему ты

никогда не слушаешься? Я больше так не могу. У нас столько других проблем, а тут еще ты. Ты что, не понимаешь? Пожалуйста...

Я потряс головой:

— Я не хочу. Я не хочу оставаться в комнате с ним. Я не буду там спать.

Она сняла наволочку с подушки:

— Будет так, как я сказала. Если тебе не нравится, скажи это твоему отцу.

— Но он же выгонит меня вон...

Мама прекратила заправлять постель и повернулась ко мне:

— Что ты сказал? Повтори...

Я пробормотал:

— Он выгонит меня из дома...

Она пристально посмотрела на меня:

— С чего это ты взял?

— Вы все хотите, чтобы я ушел... Ты меня ненавидишь. Ты плохая. Ты и папа меня ненавидите. Я это знаю.

Она схватила меня за руку, но я вырвался и убежал.

Я слетел с лестницы и услышал, как она зовет меня.

— Микеле! Микеле, сейчас же вернись!

— Я не буду спать здесь с ним! Нет, я не буду спать с ним!

Я добрался до высохшего русла и вскарабкался на дерево.

С этим стариком я никогда не буду ночевать. Он украл Филиппо. И как только я засну, украдет и меня тоже. Засунет меня в мешок и убежит.

А потом отрежет мне уши.

А разве можно жить без ушей? Разве не умрешь без них? Мои уши со мной. А у Филиппо мой отец со стариком отрезали. Я сижу на дереве, а он там в своей яме и уже без ушей.

И кто знает, перевязали ли они ему голову?

Я должен пойти туда. И должен рассказать ему о матери, что она его любит и сказала это по телевизору, так, чтобы все это знали.

Но я боялся: а вдруг там столкнусь с папой и стариком?

Я посмотрел на горизонт. Небо было плоским, серым и нависало над пшеничными полями. Холм был виден хорошо, огромный, вибрирующий в потоках горячего воздуха.

Если я буду осторожен, они меня не увидят, сказал я себе.

«О партизан, забери меня с собой, ты должен похоронить меня. О партизан, возьми меня с собой. О белла чао...» — услышал я пение.

Я посмотрел вниз. Барбара Мура тащила Того за веревку, завязанную вокруг его шеи, к воде...

— Сейчас мамочка тебя искупает. И ты станешь чистым-чистым. Ты доволен? Конечно же доволен.

Но Того не казался довольным. Растопырив передние лапы и усевшись задом на землю, он мотал головой, пытаясь освободиться от петли.

— Ты станешь очень красивым. И я свожу тебя в Лучиньяно. Мы пойдем туда и купим мороженое, а тебе я куплю поводок.

Она взяла его на руки, поцеловала, сняла сандалии, сделала пару шагов в лужу и погрузила его в вонючую жидкую грязь.

Того начал вырываться, но Барбара крепко держала его за загривок и хвост. Я видел, как он исчез в грязи.

Она принялась напевать...

И долго не вынимала его из воды.

Она хотела убить его.

Я заорал:

— Ты что делаешь? Отпусти его!

Барбара подскочила и чуть не грохнулась в воду. Она отпустила собаку, которая выскочила и помчалась к берегу.

Я спрыгнул с дерева.

— А ты что тут делаешь? — спросила Барбара раздосадовано.

— Что ты собиралась с ним сделать?

— Ничего. Помыть.

— Врешь. Ты хотела его утопить.

— Нет!

— Поклянись.

— Клянусь Богом и всеми святыми! — Она положила руку на сердце. — Клещи и блохи его заели. Поэтому я его мыла.

Я не знал, верить ли ей.

Она поймала Того, который сидел на камне, счастливо потягивая. Он уже забыл о страшном испытании.

— Смотри, если я вру. — Она подняла ему одно ухо.

— Боже, какой ужас!

Все вокруг уха и в самом ухе было полно клещей. Меня чуть не вырвало. С их головками, погруженными в кожу, с их черными лапками и темно-коричневыми животами, надутыми и круглыми, словно шоколадные яйца.

— Видел? Они всю кровь из него выпьют.

— А от грязи они уйдут?

— По телевизору Тарзан говорил, что слоны купаются в грязи, чтобы смыть со своей шкуры всех насекомых.

— Но Того не слон.

— Ну и что? Он же тоже животное.

— Я думаю, их надо выгнать как-то иначе, — сказал я. — С грязью ничего не получится.

— А как иначе?

— Руками.

— И кто это будет делать? Мне, например, противно.

— Я это сделаю.

Двумя пальцами я взял клеща за вздувшееся тельце, зажмурился и сильно потянул. Того взвизгнул, но монстр вышел. Я положил его на камень, и мы осмотрели его. Он шевелил лапками, но не смог двинуться так был раздут от крови.

— Умри, вампир! Умри! — Барбара расплющила его камнем, превратив в красное пятно.

Я выдернул не менее двадцати клещей. Барбара держала пса. Чтоб не убежал. Я даже запарился. Да и Того уже было трудно держать.

— Остальных мы ему вытащим в другой раз. Согласна?

— Ладно. — Барбара посмотрела кругом. — Я пошла. Ты как?

— Побуду еще немного здесь.

Как только она уйдет, я сяду на велосипед и поеду к Филиппо.

Она завязала веревку на шее Того.

— Тогда увидимся позже? — сказала она, удаляясь.

— Да.

Она остановилась:

— К вам кто-то приехал. На серой машине. Это ваш родственник?

— Нет.

— Он сегодня к нам приходил.

— Что ему надо было?

— Не знаю. Разговаривал с папой. Потом они уехали. И твой отец был. Уехали на большой машине.

Конечно. Они поехали отрезать уши Филиппо.

Я усмехнулся и спросил:

— Он тебе понравился?

— Нет.

— И мне тоже.

Я замолчал. Казалось, она уже расхотела уходить. Повернулась и пробормотала:

— Спасибо тебе.

— За что?

— За тот день... Когда ты взял наказание вместо меня.

Я пожал плечами:

— Пустяки.

— Слушай... — Она покраснела. Пристально посмотрела на меня и спросила: — Ты не хотел бы обвенчаться со мной?

У меня загорелось лицо.

— Что?

Она нагнулась и погладила Того.

— Обвенчаться.

— Я и ты?

— Ага.

Я опустил голову и стал рассматривать носки башмаков.

— Ну... Нет, не очень.

Она глубоко вздохнула:

— Ничего не поделаешь. Мы даже разного возраста. — Провела рукой по волосам. — Тогда... пока?

— Пока.

И ушла, таща за собой Того.

Я испугался змей, так, внезапно.

До этой минуты, хотя я уже не однажды был на холме, мне ни разу не пришла в голову мысль о змеях.

У меня в глазах стояла охотничья собака, которую в апреле укусила в нос ядовитая змея. Бедное животное лежало в углу амбара, тяжело дыша, с остановившимся взглядом, и белая пена стекала с его губ и вывалившегося языка.

— Уже ничего не поделаешь, — сказал отец Черепа. — Яд проник в сердце.

Мы стояли кружком, разглядывая собаку.

— Надо отвезти ее в Лучиньяно. К ветеринару, — предложил я.

— Выброшенные деньги. Он известный мошенник, сделает укол водой и вернет ее дохлой. Все, уходите, дайте ей спокойно умереть. — Отец Черепа вытолкал нас на улицу. Мария принялась плакать.

Я шел через поле, и мне повсюду мерещились ползущие змеи. Я всякий раз подпрыгивал, как перепел, и палкой сильно колотил по земле, разгоняя в стороны цикад и кузнечиков. Солнце пекло мне макушку и шею, ни дуновения ветерка, и до самого горизонта равнина дрожала от горячего воздуха.

Когда я добрался до ее края, я был чуть живой. Немного тени и глоток воды — вот чего я желал больше всего. Я вошел в рощицу.

Что-то было не так, как обычно. Я остановился.

Сквозь птичий щебет и стрекот цикад слышалась музыка.

Я осторожно выглянул из-за дерева.

Отсюда мне не удалось ничего разглядеть, но казалось, что музыка доносится из дома.

Мне надо было бы бежать отсюда, и побыстрее, но любопытство толкало посмотреть. Если быть осторожным, прятаться среди деревьев, меня не увидят.

Скрываясь за стволами дубов, я приближался к поляне.

Музыка стала громче. Это была известная песня. Я слышал ее много раз. Ее исполняли двое: певица с белыми волосами и элегантный мужчина. Я видел их по телевизору. Мне эта песня очень нравилась.

Я заметил большой замшелый валун на самом краю поляны и перебежал к нему.

Я вытянул шею и осмотрелся.

Припаркованный к дому, стоял «фиат» Феличе с открытыми дверцами и багажником. Музыка доносилась из автомобильного радио. Слова были слышны плохо. Голоса дребезжали.

Феличе вышел из конюшни. Он был в слипах. На ногах тяжелые башмаки, на шее обычный черный платок. Он танцевал с распахнутыми руками, покачивая бедрами, как исполнительница танца живота.

— «Ты никогда не меняешься, никогда не меняешься, никогда не меняешься...» — выводил он фальцетом в унисон с радио.

Затем остановился и продолжил грубым голосом:

— «Ты была моей вчера, и сегодня ты моя. Моя навеки. Ты — мое волнение».

И снова женским голосом:

— «А сейчас наконец-то ты можешь в этом убедиться. Зови меня мучением. Вот она я — твоя».

Он ткнул пальцем в пространство.

— «Ты словно ветер, несущий звук скрипок и запах роз».

— «Слова, слова, слова...»

— «Слушай меня».

— «Слова, слова, слова...»

— «Я прошу тебя».

Классно он это делал. Пел один за двоих. За мужчину и за женщину. Когда пел за мужчину, голос его грубел.

— «Слова, слова, слова...»

— «Клянусь тебе».

На этих словах он упал на землю, прямо в пыль, и начал извиваться. Поднял одну руку, другую, дал себе пощечину, продолжая петь на два голоса.

— «Слова, слова, слова, слова, слова, одни только слова между нами».

Я повернулся и побежал прочь.

В Акуа Траверсе играли в «раз-два-три, замри!». Череп, Барбара и Ремо стояли, замерев под солнцем, в странных позах.

Сальваторе, лицом к стене, крикнул:

— Раз, два, три, замри-и-и! — повернулся и увидел Черепа.

Череп всегда мухлевал. Вместо того чтобы делать три шага, делал пятнадцать, а когда попадался, то начинал спорить. Ты говорил ему, что все видел, а он тебя даже не слушал. Для него все в этом мире было мошенничеством. Он мог себе позволить такое, другие — нет. И если ты ему говорил что-нибудь, что было не по его, он начинал беситься. Так или иначе, но он всегда выигрывал.

Я проехал между домами, медленно крутя педали. Я был усталым и раздосадованным. Мне не удалось рассказать Филиппо о его маме.

Папин грузовик был припаркован у самого дома, рядом стоял серый мастодонт старика.

Я был голоден, ускакал из дома не позавтракав.

Череп подошел ко мне:

— Куда ты запропастился?

— Прокатился немного.

— Гуляешь в одиночку? Куда едешь? — Ему не нравилось, когда делалось что-то без него.

— К сухому руслу.

Он уставился на меня с подозрением.

— И чего там делаешь?

Я пожал плечами:

— Ничего. На дереве сижу.

Он скривился, словно съел кислое яблоко.

Подбежал Того и стал кусать колесо моего велосипеда.

Череп пнул его:

— Пшел вон, псина! Еще прокусишь шину своими дерьмовыми зубами.

Того отскочил, подбежал к Барбаре, сидевшей на парапете, и вскочил ей на руки. Барбара кивнула мне. Я ответил взмахом руки.

Череп наблюдал за сценой:

— Ты что, стал дружкой толстухи?

— Нет. С чего ты...

Он смотрел на меня, желая убедиться, что я сказал правду.

— Нет, клянусь!

Он расслабился:

— Ну ладно. Не хочешь мяч погонять?

Мне не хотелось, но отказаться было опасно.

— Жарко очень.

Он схватился за руль.

— Под дурачка работаешь, да?

Я испугался:

— Почему?

От Черепа всего можно ожидать: не понравятся мои слова — может начать драться.

— А потому. Я же вижу.

К счастью, появился Сальваторе. Он шел, подбрасывая мяч головой. Потом поймал его на ногу и взял под мышку.

— Привет, Микеле.

— Здорово.

Череп спросил его:

— Хочешь поиграть?

— Нет.

Череп взвился:

— Вы два куска дерьма! Тогда знаете, что я сделаю? Поеду в Лучиньяно.

И ушел, злой как черт.

Мы засмеялись. Сальваторе сказал:

— А я домой. Хочешь, пойдём ко мне? Поиграем в настольный футбол.

— Я не могу.

Он похлопал меня по плечу:

— Тогда пока. Увидимся позже. Чао.

Сальваторе мне нравился. Мне нравилось, что он всегда спокоен, не оскорбляет тебя каждые пять минут. С Черепом же нужно подумать три раза, прежде чем сказать чего-нибудь.

Я поехал к фонтану.

Мария учила плавать своих Барби, используя в качестве бассейна эмалированный таз.

У нее их было две. Одна нормальная, другая вся черная с оплавленной рукой и без волос.

Это я сделал ее такой. Однажды увидел по телевизору историю про Жанну д'Арк и, схватив Барби, бросил ее в огонь с криком: «Сгори! Ведьма, сгори!» Когда я увидел, что она действительно загорелась, схватил ее за ногу и сунул в кастрюлю с супом.

Мама отняла у меня велик на целую неделю и заставила съесть весь суп одному. Мария умолила ее купить другую куклу.

— Еще чего. Пока играй с этой. Другую пусть тебе купит твой братик-идиот.

Но Мария добилась своего. Новую Барби она назвала Паола, а ту, что сгорела, — Бедняжка.

— Привет, Мария, — сказал я, соскочив с велосипеда.

Она приложила ладонь козырьком ко лбу — от солнца.
— Папа тебя искал... Мама злая-презлая.
— Я знаю.
Она взяла Бедняжку и окунула ее в таз.
— Ты все время ее злишь.
— Я пошел в дом.
— Папа сказал, что ему надо поговорить с Серджо, и просил, чтобы им не мешали.
— Но я есть хочу...
Она вытащила из кармана абрикос и протянула мне:
— Хочешь?
— Спасибо.
Абрикос был теплый и вялый, но я слопал его мгновенно, далеко выплюнув косточку.
Папа вышел на терраску, увидел меня и позвал:
— Микеле, иди-ка сюда.
Он был в рубашке и шортах.
Мне не хотелось с ним объясняться:
— Не могу, у меня дела!
Он жестом приказал мне подняться: иди сюда.
Я прислонил велосипед к стене и стал подниматься по лестнице, опустив голову.
Отец сидел на последней ступеньке.
— Садись сюда, рядом со мной.
Он достал пачку сигарет из кармана рубашки, вынул одну, сунул в рот и закурил.
— Нам надо поговорить, тебе и мне.
Он не казался очень сердитым.
Мы сидели молча, разглядывая через крыши желтые поля.
— Жарковато сегодня, а? — спросил он.
— Очень.
Он выпустил облако дыма.
— Где ты пропадаешь целыми днями, можно узнать?
— Так, везде.
— Неправда. Куда-то ты ходишь.
— Гуляю... и все.
— Один?

— Один.

— А что такое? Тебе не нравится быть с твоими друзьями?

— Почему, нравится. Мне также нравится иногда побыть одному.

Он согласно покивал, глядя в никуда. Он казался старше своего возраста, среди черных волос мелькало белое, щеки у него провалились, как будто он не спал целую неделю.

— Ты рассердил маму.

Я сорвал веточку розмарина и начал растирать ее пальцами.

— Я не нарочно.

— Она сказала, что ты отказываешься спать в одной комнате с Серджо.

— Мне это не нравится...

— Ну и почему?

— Потому что хочу спать с вами. В вашей кровати. Все вместе. Если мы прижмемся друг к другу, то уместимся.

— А что подумает Серджо, когда узнает, что ты не хочешь спать с ним в комнате?

— Мне все равно, что он подумает.

— Но так себя с гостями не ведут. Представь себе, что ты приехал к кому-то в гости, а он отказывается спать с тобой в одной комнате. Что бы ты подумал?

— Ничего бы не подумал. Я просто хотел бы, чтобы вся комната была для меня. Как в гостинице.

Он усмехнулся и щелчком запустил окурок на дорогу.

Я спросил его:

— Серджо твой начальник? Поэтому он должен жить у нас?

Он удивленно посмотрел на меня:

— С чего ты взял, что он мой начальник?

— Потому что он всеми командует.

— Ничем он не командует. Он просто мой друг.

Это неправда. Старик не был ему другом, он был его начальником.

Я знал это.

— Папа, а где спишь ты, когда едешь на Север?

— Почему ты это спрашиваешь?

— Просто так.

В гостинице или там, где придется, иногда в кабине грузовика.

— А по ночам на Севере что-нибудь случается?

Он посмотрел на меня, вздохнул и спросил:

— В чем дело? Ты что, не доволен, что я вернулся?

— Доволен.

— Ну-ка, скажи мне правду.

— Правда, доволен.

— Обними-ка меня. Покрепче. Давай, Микеле, давай. Покажи отцу, какой ты сильный.

Я обнял его изо всех сил и заплакал. Слезы текли по моим щекам, и у меня перехватило горло.

— Ты что, плачешь?

Я сглотнул:

— Нет, не плачу.

Он вытащил из кармана мятый платок:

— Ну-ка, вытри слезы. А то кто-нибудь увидит, что ты как девчонка. Микеле, в эти дни у меня много дел, и поэтому прошу тебя слушаться. Твоя мама устала. Не доставай ее своими капризами. Если ты будешь вести себя хорошо, то, как только я закончу, возьму тебя к морю. Покатаемся на водном велосипеде.

Я задохнулся:

— А что это?

— Это лодка, у которой вместо весел педали, как у велосипеда.

Я вытер слезы.

— На нем можно доехать прямо до Африки?

— Если хорошо покрутить педали, то и до Африки.

— Я хочу уехать совсем из Акуа Траверсе.

— Почему? Тебе здесь больше не нравится? Я вернул ему платок.

— Давай переедем на Север.

— Почему ты хочешь уехать отсюда?

— Не знаю... Мне не хочется больше оставаться здесь.

Он посмотрел вдаль.

— Мы уедем.

Я сорвал еще одну веточку розмарина. У него был замечательный запах.

— Ты когда-нибудь слышал о медвежатах-полоскунах?

Он поднял брови:

— О медвежатах-полоскунах?

— Да.

— Нет. А кто это?

— Какие-то медведи, которые стирают тряпки... Но, может, их и не существует.

Папа поднялся на ноги и размял спину.

— А-а-а! Пойду в дом, надо поговорить с Серджо. Иди побегай немного, скоро обед. — Он открыл дверь, но остановился на пороге: — Мама приготовила лапшу. Когда придешь, попроси у нее прощения.

В это мгновение появился Феличе. Он остановил свой 127-й, подняв облако пыли, и выскочил из машины, словно за ним гнался пчелиный рой.

— Феличе! — закричал отец. — Ну-ка, быстро сюда!

Феличе кивнул, а когда проходил мимо меня, шлепнул по макушке и спросил:

— Как дела, придурок?

Раз Феличе здесь, там — никого.

Ведро с дерьмом было полным. Кастрюля с водой — пустой.

Филиппо сидел, закутав голову покрывалом. Он даже не заметил, что я спустился в яму.

Мне показалась, что его щиколотка выглядит хуже: она распухла и стала фиолетовой. Мухи так и липли к ней.

Я подошел.

— Эй!

Никакой реакции.

— Эй! Ты меня слышишь?

Я подошел еще ближе:

— Слышишь меня?

Он выдохнул:

— Слышу.

Значит, папа не отрезал ему уши.

— Тебя ведь зовут Филиппо, правильно?

— Да.

Путь был открыт.

— Я пришел сказать тебе очень важную вещь. В общем... Твоя мама сказала, что любит тебя. И что ей без тебя плохо. Это она вчера сказала, по телевизору. В теленовостях. Она сказала, что бы ты не беспокоился... И что ей нужны не твои уши, а весь ты.

Он молчал.

— Ты слышал, что я сказал?

Молчание.

Я повторил:

— Твоя мама сказала, что любит тебя. И что ей тебя не хватает. Это она сказала по телевизору. Сказала, что ты не должен беспокоиться... И что ей нужны не твои уши, а...

— Моя мама умерла.

— Как умерла?

Он ответил из-под покрывала:

— Моя мама умерла.

— Ты что говоришь-то? Она жива. Я ее видел, в телевизоре...

— Нет. Она умерла.

Я прижал руку к сердцу:

— Клянусь головой моей сестры Марии, что она жива. Я видел ее вчера вечером в телевизоре. Она жива. У нее белые волосы. Худая. Немножко старая... Но красивая. Она сидела в высоком кресле. Коричневом. Большом. Как у королей. А сзади была картина с кораблем. Правильно или нет?

— Да. Картина с кораблем... — Он говорил тихим голосом, слова заглушались тканью покрывала.

— И у тебя есть электрический паровозик. С трубой. Я видел его.

— Его больше нет. Он сломался. Няня выбросила его.

— Няня? А кто такая няня?

Лилиана. Она тоже умерла. И Пеппино умер. И папа умер. И бабушка Ариана умерла. И мой братик умер. Все умерли. Все умерли и живут в ямах, как эта. И я в яме. Мир — это место, полное ям, в которых живут умершие. И луна тоже вся в ямах, в которых другие умершие.

— Неправда. — Я положил руку ему на спину. — С луной все в порядке. И твоя мама не умерла. Я ее вчера видел. Ты должен слушать меня.

Он помолчал немного, потом спросил:

— Тогда почему она не приходит сюда?

Я покачал головой:

— Не знаю.

— Почему не приходит забрать меня?

— Я не знаю.

— А почему я нахожусь здесь?

— Я не знаю. — И чуть слышно, так тихо, чтобы он не смог меня услышать, сказал: — Мой папа посадил тебя сюда.

Он пнул меня:

— Ты ничего не знаешь. Оставь меня в покое. Ты не ангел-хранитель. Ты плохой. Уходи. — И заплакал.

Я не знал, что мне делать.

— Я не плохой. Я ни при чем. Не плачь, пожалуйста.

Он продолжал рыдать.

— Уходи. Уходи отсюда.

— Послушай...

— Вон отсюда!

Я вскочил на ноги.

— Я пришел сюда из-за тебя, я проделал длинный путь дважды, а ты гонишь меня. Ладно, я уйду и никогда больше сюда не приду. Никогда больше. И ты останешься здесь один, навсегда, и тебе отрежут уши, оба уха.

Я схватился за веревку и начал карабкаться вверх. Я слышал его плач. Я выбрался из ямы и сказал:

— И никакой я тебе не ангел-хранитель!

— Подожди...

— Что тебе еще?

— Останься...

— Нет. Ты сказал, чтобы я убирался, и я уйду.

— Я тебя прошу. Останься.

— Нет!

— Ну прошу. Только на пять минуток.

— Ладно. Пять минут. Но, если будешь вести себя как сумасшедший, уйду.

— Я не буду.

Я спустился в яму. Он дотронулся до меня ногой.

— Почему ты не снимаешь никогда это покрывало? — спросил я.

— Зачем, я ничего не вижу...

— Как это ничего не видишь?

— Глаза не открываются. Я хочу их открыть, а они не открываются. Я вижу в темноте. В темноте я не слепой. — Он

замолчал, а потом сказал: — Знаешь, мне сказали, что ты вернешься.

— Кто?

— Медвежата-полоскуны.

— Хватит с этими полоскунами! Папа сказал, что их не существует. Хочешь пить?

— Да.

Я открыл сумку и достал бутылку:

— На.

— Залезай. — Он поднял покрывало.

Я сморщился:

— К тебе?

Жутко пахло. Но так я мог убедиться, что уши у него еще на месте. Он потрогал меня рукой:

— Сколько тебе лет? — Его пальцы прошлись по моему носу, губам, глазам.

Я был парализован.

— Девять. А тебе?

— Девять.

— Когда ты родился?

— Двенадцатого сентября. А ты?

— Двадцатого ноября.

— Как тебя зовут?

— Микеле. Микеле Амитрано. Ты в какой класс ходишь?

— В четвертый. А ты?

— В четвертый.

— Одинаково.

— Одинаково.

— Я хочу пить.

Я протянул ему бутылку.

Он попил:

— Вкусная. Хочешь?

Я тоже немного выпил.

— Можно, я подниму немного покрывало?

Я задыхался от вони и духоты.

— Только немного.

Я поднял тряпку настолько, чтобы вдохнуть свежего воздуха и лучше разглядеть его лицо.

Оно было черным. От грязи. Светлые волосы, испачканные землей, напоминали твердую сухую корку. Спекшаяся кровь склеила ему веки. Губы были черными и потрескавшимися. Ноздри забиты соплями и струпьями.

— Давай я тебе вымою лицо, — сказал я.

Он вытянул шею, поднял голову, и улыбка появилась на его измученном лице. И стали видны черные зубы.

Я снял с себя майку, намочил в воде и начал обмывать ему лицо.

Там, где я проводил, появлялась белая кожа, такая светлая, что казалась прозрачной, как мясо вареной курицы. Сначала на лбу, затем на щеках.

Когда я мыл ему глаза, он сказал:

— Тихо, мне больно.

— Я тихо.

Мне не удавалось размочить корку. Она была твердой и толстой. Я знал, что такое бывает у собак. Когда ее срываешь, они начинают видеть. Я продолжал смачивать, пока корка не отвалилась. Веки открылись и мгновенно смежились, видимо, свет больно ранил ему глаза.

— А-а-а-а! — закричал он и сунул голову под тряпку, словно страус.

Я захлопал в ладоши.

— Ты видел? Ты видел? Ты не слепой! Никакой ты не слепой!

— Я не могу держать их открытыми.

— Это потому, что ты все время был в темноте. Но ты видишь, правда?

— Да! Ты маленький.

— Я не маленький. Мне уже девять.

— У тебя черные волосы.

— Правильно.

Было уже поздно. Мне нужно было возвращаться домой.

— Мне надо бежать. Я завтра приду.

По-прежнему с головой под покрывалом, он спросил:

— Обещаешь?

— Обещаю.

Когда старик вошел в мою комнату, я как раз собирался избавляться от монстров.

С малых лет мне снились разные чудовища. И даже сегодня мне, взрослому, порой случается видеть их во сне, но я разучился от них избавляться.

А они всегда ждали, когда я начну засыпать, чтобы явиться меня пугать.

До тех пор, пока одной ночью я не придумал систему, как избавляться от страшных снов.

Я нашел место, куда можно было загнать и закрыть этих ужасных страшилищ и спать спокойно.

Я расслаблялся и поджидал, когда веки становились тяжелыми, и точно в этот момент я представлял себе, как они все вместе поднимаются по какой-то лестнице. Как во время процессии в честь Мадонны Лучиньяно.

Я видел ведьму Бистрегу, горбатую и ссохшуюся; волка-оборотня на четырех лапах, с огромными белыми клыками, в разодранной шкуре; Черного человека, чья тень извивалась, словно змея среди камней; Лазаря-трупоеда в облаке из мошек и других насекомых; гиганта людоеда, с маленькими глазками и большим зобом, в огромных башмаках и с мешком за плечами, полным украденных детей; цыган, похожих на лисиц с куриными ногами; человека-рыбу, который жил на самом дне моря и возил на спине свою мать; детишек спрутов с щупальцами вместо ног и рук...

Все они поднимались по лестнице. К какому-то мне незнакомому месту. Они были ужасны. И никто не останавливался посмотреть на них.

Потом внезапно появлялся автобус, весь позолоченный. С колокольчиками и цветными фонариками. На его крыше был мегафон, который объявлял: «Дамы и господа, входите в автобус желаний! Садитесь в этот чудесный автобус, который абсолютно бесплатно отвезет вас в цирк! Сегодня бесплатно до самого цирка! Входите! Входите!»

Страшилища, счастливые от такой неожиданной возможности, входили в автобус... И в этот момент я представлял себе, что мой живот открывается и все они спокойно входят в него.

Эти дураки думали, что здесь цирк. Я быстро закрывал живот и старался скорее уснуть, положив на него руки, чтобы они не вошли в мои сны.

И вот только-только я заманил их в ловушку, как вошел старик, я отвлекся, убрал руки с живота, и они сбежали. Я закрыл глаза и притворился спящим.

Старик производил много шума. Долго рылся в чемодане. Кашлял. Вздыхал.

Я закрыл лицо согнутой рукой и из-под локтя наблюдал за его действиями.

Луч света на мгновение осветил комнату. Старик уселся на кровать Марии. Худой, сгорбившийся и темный. Закурил. Я видел его нос, похожий на клюв, и покрасневшие глаза. Я чувствовал запах дыма и одеколона. Иногда он качал головой и фыркал, словно злясь на кого-то.

Потом он начал раздеваться. Снял сапоги, носки, брюки, рубашку. Остался в трусах. У него была дряблая, обвисшая на костях, словно пришитая сверху, кожа. Он выбросил сигарету в окно. Окурочек исчез в ночи, как горящий уголек. Он распустил волосы и стал похож на постаревшего больного Тарзана. И растянулся на кровати.

Я больше не мог видеть его, но чувствовал рядом. В полуметре от моих ног. Если бы он протянул руку, мог бы схватить меня за лодыжку. Я свернулся ежиком.

Он прокашлялся.

— Сдохнуть можно от жары в этой комнате. Как ты можешь так спать?

Я затаил дыхание.

— Я же знаю, что ты не спишь.

Я не реагировал.

— Ну и хитрец же ты... Я тебе не нравлюсь, а?

Да, ты мне не нравишься! Так мне хотелось ответить. Но я не мог. Я ведь спал. И даже если б и не спал, у меня не хватило бы смелости сказать такое.

— Вот и моим сыновьям я тоже не нравился. — Он поднял с пола бутылку, которую мама поставила для него, и сделал пару глотков. — Теплая, словно моча, — пожаловался он. — У меня их двое. Один жив, но как если б умер. Другой — умер, но словно жив. Того, что жив,

зовут Джулиано Он намного старше тебя. Он больше не живет в Италии. Уехал. В Индию... Пять лет назад. Живет в общине. Ему забили башку всякими глупостями. Обрился наголо. Одевается в оранжевые тряпки и верит, что он истинный индус. Верит, что живет много раз. Жрет наркоту, как собака, и сдохнет, как собака, там. Я не собираюсь ехать туда и вытаскивать его из этой...

У него случился приступ кашля. Сухого. Рвущего легкие. Еле отдышавшись, он продолжил:

— А Франческо умер пять лет назад. В октябре ему было бы тридцать два. Вот он был хорошим парнем. Я его очень любил. — Старик закурил. — Как-то раз он познакомился с одной... Я ее увидел, и она мне сразу не понравилась. Говорила, что она тренер по гимнастике. Шлюха... Худящая блондинка, наполовину славянка. Славяне хуже всех. Она его спеленала, словно конфету. Она была бедна, как церковная мышь, когда познакомилась с Франческо, и вцепилась в него, потому что Франческо был славным парнем, щедрым, с которым всем хотелось дружить. Не знаю, что уж она там придумала, чтобы охмурить его. Мне потом рассказывали, что эта шлюха вместе с каким-то магом занималась махинациями. И этот кусок дерьма выставил ему счет. Эта парочка его извела. Лишила сил. Выпила из него все соки. Он был сильным парнем, а превратился в скелет, едва ноги переставлял. А потом как-то пришел и сказал, что женится. Что я мог ему возразить... Я пытался объяснить, что она его погубит, но в конце концов это его жизнь. Они поженились. И поехали на машине в свадебное путешествие. Были в Позитано, Амальфи, на побережье. Прошло два дня, а он не звонит. Ничего страшного, сказал я себе, свадебное путешествие. Позвонит еще. И кто позвонил? Полицейский из Сорренто. Сказал, чтобы я срочно туда приехал. Я спросил зачем. Он отказался сказать мне это по телефону. Должен приехать, если хочу узнать, что случилось. Сказал только, что речь идет о моем сыне. А как я мог туда поехать? Я не мог. Если бы они узнали, кто я, тут бы мне и крышка. Меня искали повсюду, поскольку я был заочно осужден. Они меня заманивали. Я тогда связался с одним знакомым, чтобы он им позвонил. И он рассказал мне, что мой сын погиб. То есть как погиб? И он мне говорит, что это самоубийство, что он бросился с обрыва. Что упал с высоты двести метров прямо на камни. Мой сын? Франческо покончил с собой? Точно, они хотели

взять меня за задницу. А я не мог туда поехать. И тогда я послал эту сучку, его мамашу, посмотреть, что там случилось.

— И что там случилось? — вырвалось у меня.

— По их словам, Франческо остановился у парапета полюбоваться панорамой, она оставалась в машине, он сфотографировал ее, потом перешагнул через парапет и бросился вниз. Человек делает фотографию своей жены и потом прыгает с обрыва? Она сказала, что его нашли разбившимся, с членом, торчащим из ширинки, и фотоаппаратом на шее. По-твоему, тот, кто хочет покончить с собой, делает фото, вытаскивает член из штанов и прыгает вниз? Это кто ж такое придумал? Я знаю, как было на самом деле... Панорама панорамой. Но Франческо остановился еще и потому, что хотел поссать. И не хотел делать это посреди дороги. Он был воспитанным парнем. Он перешагнул через парапет и стал отливать, а эта шлюха столкнула его. Мне никто не верит. Это она его столкнула. Убила.

— Зачем?

— Хороший вопрос. Зачем? Не знаю. У него не было ни лиры. Не знаю я почему. Я из-за этого по ночам не сплю. Но эта сука мне за все заплатила... Я ее... Ладно, оставим тему, уже поздно. Давай спать.

Он выбросил в окно очередную сигарету, улегся и через пару минут уснул, а через три — захрапел.

Когда я проснулся, старика уже не было. Остались неубранная постель, смятая пачка из-под сигарет «Данхилл» на подоконнике, трусы на полу и наполовину выпитая бутылка воды.

Было жарко. Трещали цикады.

Я поднялся и выглянул в кухню. Мама гладила, слушая радио. Моя сестра играла на полу. Я закрыл дверь.

Чемодан старика был под кроватью. Я открыл его и заглянул внутрь.

Одежда. Флакон с одеколоном. Бутылка виски. Папка со стопкой фотографий. На первой — парень, высокий и худой, одетый в голубой комбинезон, как у механика. Он смеется. Похож на старика. Франческо, тот, что бросился с обрыва с расстегнутой ширинкой.

В папке были также вырезки из газет. Рассказывали о смерти Франческо. Была фотография его жены. Она походила на танцовщицу

из телевизора. Здесь же лежала ученическая тетрадка с обложкой из цветного пластика. Я открыл ее. На первой странице было написано: эта тетрадь принадлежит Филиппо Кардуччи, 4-й Б.

Первые страницы вырваны. Я полистал тетрадь. В ней были диктанты и сочинение на тему:

Расскажи, как ты провел воскресенье.

В воскресенье приехал мой папа. Мой папа живет в Америке и иногда приезжает к нам. У него там вилла с бассейном и вышкой. Я должен буду туда поехать. В Америку он уехал работать и, когда возвращается, всегда привозит мне подарки. В этот раз он привез мне ракетки, как у теннисистов, которые прикрепляют к ногам, и можно ходить по снегу не проваливаясь. Когда я поеду в горы, я буду надевать их, чтобы ходить по снегу. Папа сказал, что такими ракетками пользуются эскимосы. Эскимосы живут на льду Северного полюса и даже дома делают из льда. Внутри у них нет холодильников, потому что они им ни к чему. Они питаются тюленьями, иногда пингвинами. Папа сказал, что однажды он меня туда свозит. Я спросил его, может ли с нами поехать Пеппино. Пеппино — это наш садовник. Пеппино подстригает все растения, а когда приходит зима, он должен собирать листья в парке. Пеппино уже лет сто, и как только он видит какое-нибудь растение, то подстригает его. Он очень устает и по вечерам должен ставить ноги в горячую воду. Если он поедет с нами на Северный полюс, ему ничего не надо будет делать, там нет растений, есть только снег, и он сможет отдохнуть. Папа сказал, что он должен подумать, может ли Пеппино поехать с нами. После того как мы приехали из аэропорта, мы пошли кушать в ресторан — я, моя мама и мой папа. Они обсуждали, в какой средней школе я должен буду учиться. Здесь, в Павии, или в Америке. Я ничего не говорил, но хотел бы в той, что в Павии, куда ходят все мои друзья. После обеда мы вернулись домой. Я еще раз поел и пошел спать. Так я провел воскресенье. А домашние задания я успел сделать еще в субботу.

Я закрыл тетрадь и сунул ее в конверт.

На самом дне чемодана лежало свернутое полотенце. Я развернул — в нем был пистолет. Я долго разглядывал его. Он был большой, черный, с деревянной рукояткой. Я взвесил его на руке. Очень тяжелый. Наверное, заряженный. Я вернул его на место.

«Следя за полетом стрекозы над лугом, я решила порвать с прошлым», — пело радио.

Мама танцевала и одновременно гладила и подпевала:

— «Когда ж мне показалось, что это удалось...»

У нее было хорошее настроение. Целую неделю она была злее цепного пса, а сейчас, довольная, пела своим низким глубоким голосом:

— «И фраза глупая с двойным и грубым смыслом встревожила меня...»

Я вышел из комнаты, застегивая штаны. Она улыбнулась мне:

— А вот и он! Тот, кто не хочет ночевать с гостями... Доброе утро! Подойди, поцелуй меня. Сильно, как я люблю. Хочу посмотреть, как сильно ты можешь это сделать.

— Ты меня поймашь?

— Конечно. Я тебя поймаю.

Я подбежал и подпрыгнул, а она поймала меня на лету и поцеловала в щеку. Потом прижала к себе и начала кружиться. А я целовал ее без конца.

— Я тоже! Я тоже! — заверещала Мария. Она подбросила куклу в воздух и обхватила нас.

— Тебя это не касается. Это касается меня. Отпусти, — сказал я ей.

— Микеле, не говори так. — Мама подхватила и Марию. — Вы оба мои! — И начала кружиться по комнате, напевая во все горло: — В нашей лавке очень много коробок, одни черные, другие желтые, а третьи красные...

От одной стены до другой, от одной стены до другой. Пока мы не рухнули на диван.

— Слышите... Сердце... Чувствуете сердце... вашей... мамы... Умираю. — Она глубоко вдохнула.

Мы положили руки ей на грудь и почувствовали толчки.

Так мы и сидели, прижавшись друг к другу. Затем мама поправила волосы и спросила меня:

— Значит, Серджи не стал есть тебя этой ночью?

— Нет.

— Он тебя усыпил?

— Да.

— Он храпел?

— Еще как.

— Ну и как? Покажи нам.

Я попытался изобразить.

— Но это же свинья. Так делают свиньи. Мария, ну-ка, покажи, как храпит папа.

Мария изобразила папу.

— Э-эх! Не умеете. Сейчас я вам дам послушать папу.

У нее получилось похоже. С присвистом.

Мы долго смеялись.

Она поднялась и поправила платье.

— Разогрею тебе молоко.

— А папа где? — спросил я.

— Уехал с Серджо... Сказал, что на следующей неделе отвезет нас к морю. И мы пойдем в ресторан есть мидии.

Мы с Марией принялись скакать на диване:

— К морю! К морю! Есть мидии!

Мама посмотрела в сторону полей и задернула занавески.

— Будем надеяться на лучшее.

Я позавтракал. Съел два куска кекса, обмакивая его в молоко. Так, чтобы никто не видел, отрезал ломоть, завернул в салфетку и сунул в карман.

Филиппо будет счастлив.

Мама убирала со стола.

— Как только закончишь, отнеси этот кекс в дом Сальваторе. Только чистую майку надень.

Мама была отличной кухаркой. И, когда готовила торт или макароны в духовке или пекла хлеб, делала всегда с запасом, а потом продаваластряпню матери Сальваторе.

Я почистил зубы, надел майку с олимпийскими кольцами и вышел с противнем в руках.

Ветра не было. Солнце, висевшее прямо над домами, палило нещадно.

Мария сидела на ступеньке со своими Барби.

— Ты умеешь строить дома для кукол?

— Конечно. — Я их, правда, никогда не делал, но, наверное, это нетрудно. — В кузове у папы лежит коробка. Мы сможем разрезать ее и сделать им дом. А потом раскрасить его. Только сейчас мне некогда. Должен идти к Сальваторе. — И я спустился на дорогу.

Никого не было видно. Только куры копались в пыли да ласточки носились над самыми крышами.

Из сарая послышались звуки. Я заглянул в него: 127-й стоял с открытым капотом, накренившись на один бок. Из-под машины торчали ноги в черных башмаках-вездеходах.

Когда Феличе был в Акуа Траверсе, он ни на секунду не расставался с машиной. Он ее мыл. Он ее смазывал. Сдувал с нее пылинки. Нарисовал на борту широкую черную полосу, как на американских полицейских машинах. Однажды он даже разобрал мотор, но не смог собрать его, потому что потерял какие-то болты, и тогда заставил нас идти аж в Лучиньяно, чтобы купить их.

— Микеле! Микеле, иди сюда! — заорал Феличе из-под машины.

Я остановился:

— Чего тебе?

— Помоги мне.

— Не могу. Мне мама задание дала. — Я спешил сплавить торт мамаше Сальваторе, схватить велосипед и поехать к Филиппо.

— Иди сюда!

— Не могу... Спешу.

Он прорычал:

— Если не подойдешь, я тебя прибью!..

— Чего тебе надо?

— Меня придавило. Я не могу двинуться. Соскочило колесо, когда я был под машиной, твою мать! Я лежу здесь уже полчаса!

Я заглянул в капот, из-под мотора я увидел его физиономию, измазанную маслом, и красные несчастные глаза.

— Пойду позову твоего отца.

Отец Феличе в юности был механиком. И, когда Феличе ездил на машине, его трясло от ярости.

— Ты чокнутый? Он мне яйца оторвет... Помоги мне.

Я мог уйти и оставить его здесь. Я посмотрел вокруг.

— Даже и не думай... Я отсюда все равно выберусь, и, когда выберусь, раздавлю тебя, как мокрицу. От тебя останется только

могилка, куда твои родители будут приносить цветочки, — сказал Феличе.

— А как я тебе помогу?

— Возьми домкрат, он за машиной, и подставь его рядом с колесом.

Я так и сделал, а потом начал работать ручкой. Понемножку машина стала выпрямляться. Феличе радостно завизжал:

— Так! Так! Получается! Молодец!

И выполз из-под машины. Его рубашка вся пропиталась маслом. Он провел рукой по волосам.

— Я уже думал, что помру здесь, что сломался позвоночник. Все из-за этого дерьмового римлянина! — И он начал разминать мышцы, злобно ругаясь.

— Из-за старика?

— Из-за него. Я его ненавижу. — Он подпрыгнул и засадил ногой по мешку с кукурузой. — Я ему сказал, что не смогу проехать до самого места на машине. На такой дороге у меня полетят амортизаторы, но ему наплевать на это. Почему сам не поехал туда на своем сраном «мерседесе»? Почему он этого не сделал? Я больше не буду ему потакать. Не делай этого, не делай того... Всем было б намного лучше, если б этого куска дерьма не существовало. Всем. Я с ним завязываю... — Он двинул кулаком по трактору, а потом отвел душу, разломав деревянный ящик. — Если он мне еще раз скажет, что я идиот, я ему врежу кулаком так, что он в стену влипнет... — Феличе остановился, заметив, что я еще не ушел. Он сгрел меня за майку, поднял и воткнулся носом прямо мне в лицо: — Не рассказывай никому о том, что я сказал, понял? Если узнаю, что ты проболтался хоть одним словом, отрежу тебе морковку и съем ее с капустой... — Он вытащил из кармана нож. Лезвие выскользнуло наружу и остановилась в паре сантиметров от кончика моего носа. — Понял?

— Понял, — пробормотал я.

Он оттолкнул меня:

— Никому! А теперь сгинь.

И начал бегать по сараю.

Я взял кекс и ушел.

Семья Скардаччоне была самой богатой в Акуа Траверсе. Отец Сальваторе, адвокат Эмилио Скардаччоне, владел большим участком земли. Очень много людей, особенно в дни сбора урожая, работали на него. Приезжали отовсюду. Издалека. В кузовах грузовиков. Пешком.

Даже папа в течение многих лет, прежде чем начать возить грузы, ходил в период урожая работать на адвоката Скардаччоне.

Чтобы попасть в дом Сальваторе, нужно пройти сквозь ворота из кованого железа, затем пересечь двор с квадратными кустами, высокой-высокой пальмой и каменным фонтаном с красными рыбками, подняться по мраморной лестнице с высокими ступеньками — и вот ты на месте.

Как только ты входил в дом, то оказывался в темном коридоре, без окон, таком длинном, что по нему можно было ездить на велосипеде. По одну сторону располагались спальные комнаты, всегда закрытые, по другую — большой зал. Это была огромная комната с нарисованными на потолке ангелами, огромным, натертым до блеска столом и стульями вокруг. Между двумя картинами в позолоченных рамах находилась витрина с чашками, драгоценными кубками и фотографиями мужчин в мундирах. Рядом с входной дверью стоял рыцарь в доспехах и с булавой, утыканной острыми шипами, в руке. Его адвокат приобрел в городе Губбио. Его нельзя было трогать, потому что он мог упасть.

Днем шторы никогда не открывали. Даже зимой. Пахло затхлостью, старым деревом. Казалось, что ты в церкви.

Синьора Скардаччоне, мать Сальваторе, была очень толстой женщиной в полтора метра ростом и всегда носила на волосах сетку. У нее были распухшие, похожие на сардельки, ноги, которые все время болели, и она выходила из дома лишь в Рождество и на Пасху, чтобы съездить к парикмахеру в Лучиньяно. Свою жизнь она проводила в кухне, единственной светлой комнате дома, вместе с сестрой, тетей Лучиллой, среди пара и запахов рагу.

Сестры походили на двух тюленей. Нагибали голову вместе, смеялись вместе, всплескивали руками вместе. Два огромных дрессированных тюленя с перманентом. Они целыми днями сидели в потертых креслах, следя за горничной Антонией, чтоб та ненароком не сделала что-то не так и не слишком много отдыхала.

Все должно быть в порядке к приезду адвоката Скардаччоне из города. Но адвокат никогда не приезжал. А когда приезжал, то сразу же старался побыстрее уехать.

— Лучилла! Лучилла, посмотри-ка, кто к нам пришел! — закричала Летиция Скардаччоне, когда увидела меня на пороге кухни.

Тетя Лучилла подняла голову от швейной машинки и улыбнулась. На ее носу красовались огромные очки, делавшие глазки маленькими дробинками.

— Микеле! Микеле, золотце! Что ты нам принес, пирог?

— Да, синьора. Вот он. — Я протянул ей противень.

— Отдай его Антонии.

Антония, сидя за столом, фаршировала перцы.

Антонии Аммирати было восемнадцать, она была худощавой, с рыжими волосами, синими глазами, и, когда она была маленькой, у нее в дорожной аварии погибли родители.

Я подошел к Антонии и отдал ей пирог. Она погладила меня по голове тыльной стороной ладони.

Антония мне очень нравилась — красавица, я был бы не прочь стать ее женихом, но она была намного старше и встречалась с парнем из Лучиньяно, который монтировал телевизионные антенны.

— Какой молодец твоя мама, — сказала Летиция Скардаччоне.

— Какой молодец, — добавила тетя Лучилла.

— Ты тоже очень красивый мальчик. Правда, Лучилла?

— Очень красивый.

— Антония, разве не красавчик наш Микеле? Если б он был постарше, вышла б за него замуж?

Антония засмеялась:

— Сразу же и даже не раздумывая!

Тетя Лучилла ущипнула меня за щеку и чуть ее не оторвала.

— А ты бы женился на Антонии?

Я залился краской и отрицательно мотнул головой.

Обе сестры зашлись в смехе и никак не могли остановиться.

Потом Летиция Скардаччоне подала мне пакет.

— Здесь одежда Сальваторе, которая стала ему мала. Возьми ее. Если брюки слишком длинные, я тебе их укорочу. Возьми, возьми, доставь мне такое удовольствие.

Мне бы они понравились. Они были как новые. Но мама говорила, что мы не принимаем милостыни ни от кого. Особенно от этих двоих. Говорила, что мои вещи еще в очень хорошем состоянии. И, когда придет время их менять, будет решать она.

— Спасибо, синьора. Но я не могу.

Тетя Лучилла открыла жестяную коробку и хлопнула в ладоши:

— Тогда посмотри, что здесь. Медовая карамель! Ты любишь медовую карамель?

— Очень, синьора.

— Бери сколько хочешь.

Это я мог себе позволить. Мама не узнает об этом, потому что я их все съем. Я набил конфетами карманы.

Летиция Скардаччоне добавила:

— И угости свою сестренку. В следующий раз, когда пойдешь к нам, захвати и ее...

Я повторял как попугай:

— Спасибо, спасибо, спасибо...

— Прежде чем уйти, зайти поздороваться с Сальваторе. Он в своей комнате. Только, прошу, не задерживайся долго, ему еще надо заниматься. Сегодня у него урок.

Я вышел из кухни, пересек мрачный коридор с его черной мрачной мебелью. Прошел мимо комнаты Нунцио. Дверь была закрыта на ключ.

Однажды я обнаружил дверь незапертой и вошел.

В комнате ничего не было, за исключением высокой кровати с железными поручнями и кожаными ремнями. В центре комнаты плитки пола были исцарапаны и расколоты. Проходя мимо дворца, можно было видеть Нунцио, метавшегося от окна к двери и обратно.

Адвокат испробовал все, чтобы вылечить его. Однажды даже отвез к падре Пио, но Нунцио набросился на статую Мадонны, опрокинул ее, и монахи вышвырнули его из церкви. С тех пор он находился в сумасшедшем доме и ни разу не возвращался в Акуа Траверсе.

Я должен был пойти к Филиппо, я это ему обещал. Я должен отвезти ему кекс и конфеты. Но было очень жарко. Я мог подождать с

этим. Для него от этого ничего не изменится. И потом я хотел немного побыть с Сальваторе.

Я услышал звук пианино сквозь дверь его комнаты. Я постучал.

— Кто там?

— Микеле.

— Микеле? — Он открыл мне дверь, огляделся кругом, втащил меня в комнату и запер дверь на ключ.

Комната Сальваторе была огромной, голой, с высокими потолками. У одной стены стояло пианино. У другой — кровать, такая высокая, что нужна была лестница, чтобы забраться на нее. Рядом — длинный шкаф, весь забитый книгами, расставленными по цветам корешков. В большом комодe были сложены игрушки. Сквозь белую тяжелую штору в комнату проникал луч света, в котором танцевала пыль.

Посреди комнаты, на полу, лежало зеленое сукно игрушечного футбольного поля. На нем выстроились игроки «Ювентуса» и «Торино».

Он спросил:

— Ты чего пришел?

— Пирог принес. Могу побыть у тебя? Твоя мама сказала, что у тебя урок...

— Конечно, оставайся, — сказал он, понизив голос, — но, если они заметят, что я не играю на пианино, не оставят меня в покое. — Он взял пластинку и поставил ее на проигрыватель. — Пусть думают, что это я играю. — И добавил серьезно: — Это Шопен.

— Кто это — Шопен?

— Мастер.

Мы с Сальваторе были одного возраста, однако он казался мне намного старше. Наверное, потому, что был выше меня, или потому, что всегда ходил в чистых белых рубашках и длинных глаженных брюках. И еще из-за спокойного тона, каким он разговаривал. Его заставляли играть на пианино, и учитель приезжал к нему раз в неделю из Лучиньяно давать уроки, а он, хотя и ненавидел музыку, никогда не жаловался и всегда добавлял, что, как только вырастет, сразу бросит этим заниматься.

— Может, сыграем партию? — спросил я его.

Настольный футбол был моей самой любимой игрой. Я не был сильным игроком, но мне до смерти нравилось играть. Зимами мы с Сальваторе устраивали бесконечные турниры, проводя за игрой целые дни, передвигая маленьких пластиковых футболистов. Сальваторе играл и один. Перебегая с одной стороны на другую. Если он не играл в футбол, то выстраивал шеренгами тысячи солдатиков, покрывая ими весь пол комнаты до тех пор, пока не оставалось места, куда можно было бы поставить ногу.

И когда наконец они все выстраивались в геометрические ряды, он начинал двигать их одного за другим. Так, в тишине, он мог проводить целые часы, пока не приходила Антония звать его ужинать, и он сваливал их в коробку из-под обуви.

— Смотри, — сказал он и достал из ящика восемь коробочек из зеленого картона. В каждой была футбольная команда. — Смотри, что мне подарил папа. Он привез это из Рима.

— Всех этих? — Я взял их в руки. Наверно, адвокат действительно был богатым, раз тратил такие деньги.

Каждый год, который посылал Бог, в мой день рождения и на Рождество, я просил папу и детского Бога подарить мне футбол, но безрезультатно: никто из этих двоих меня не слышал. Мне было достаточно одной команды. Без поля и ворот. И даже серии «В». Мне было бы приятно ходить к Сальваторе с собственной командой, потому что, я в этом уверен, если б она принадлежала мне, я бы играл лучше и не проигрывал так часто. Я бы любил своих игроков, ухаживал бы за ними и побеждал бы Сальваторе.

У него уже было четыре команды. А сейчас отец купил ему остальные восемь.

Почему мне никто не покупает?

Потому что моему папе на меня наплевать, только говорит, что любит меня, а на самом деле это не так. Он подарил мне эту дурацкую лодку из Венеции, и ту поставили на телевизор. И запретил даже прикасаться к ней.

Я очень хотел хотя бы одну команду. Если бы отец Сальваторе подарил ему еще четыре, я бы ничего не сказал, но их было восемь. Теперь всего у него двенадцать.

Если у него будет на одну меньше, что это изменит?

Я прокашлялся и пробормотал:

— Ты не мог бы подарить мне одну?

Сальваторе поднял брови и начал ходить по комнате. Потом сказал:

— Извини, я бы тебе ее подарил, но не могу. Если папа узнает, что я тебе ее отдал, он рассердится.

Это была неправда. Когда это отец проверял его игрушки? Сальваторе был жадиной.

— Понял.

— И потом, зачем тебе? Ты и так можешь приходить сюда играть, когда хочешь.

Если бы у меня было что дать ему взамен, может, тогда он мне бы ее отдал. Но у меня ничего не было.

Хотя нет, кое-что все-таки имелось.

— Если я тебе открою одну тайну, ты мне дашь команду?

Сальваторе искоса посмотрел на меня:

— Какую тайну?

— Невероятную тайну.

— Не существует тайны, которая стоила бы команды.

— Моя стоит. — Я поцеловал кончики пальцев. — Клянусь!

— А если это окажется ерунда?

— Не окажется. Если ты скажешь, что это ерунда, я тебе верну команду.

— Меня не интересуют тайны.

— Я знаю. Но такая... Я никому ее не рассказывал. Если ее узнает Череп, он подскочит от восторга до небес...

— Ну и расскажи ее Черепу.

Но я уже был готов на все.

— Я бы взял даже «Виченцу».

У Сальваторе чуть не вывалились глаза:

— Даже «Виченцу»?

— Даже.

«Виченцу» мы ненавидели. Она была невезучей. Если ты играл ею, проигрывал обязательно. Никто из нас двоих никогда не мог выиграть с этой командой. К тому же у одного из игроков не было головы, другой был весь склеенный, а вратарь — согнутый.

Сальваторе задумался на мгновение и наконец уступил:

— Согласен. Но, если это полная ерунда, я тебе ее не дам.

Вот так я ему все и рассказал. О том, как я упал с дерева. О яме. О Филиппо. О том, какой он сумасшедший. О его больной ноге. О вони. О Феличе, который его сторожит. О папе и старике, которые хотели отрезать ему уши. О Франческо, который бросился с обрыва с расстегнутой ширинкой. О матери в телевизоре.

Обо всем.

Я испытывал ощущение приподнятости. Как тогда, когда однажды я съел полную банку консервированных персиков. После мне стало плохо, мне казалось, что я вот-вот лопну, в животе у меня было землетрясение, и у меня даже подскочила температура, и мама сначала надавала мне тумаков, а потом нагнула головой в унитаз и сунула два пальца в горло. И я выдал наружу бесконечное количество желтой и кислой тюри. И вернулся к жизни.

Пока я говорил, Сальваторе слушал не перебивая, с открытым ртом. Я закончил словами: «И потом он все время говорит о каких-то медвежатах-полоскунах. Которые моют тряпки. Я ему сказал, что их не существует, а он даже слышать этого не хочет».

— Потому что они существуют.

Я застыл с открытым ртом.

— Существуют? Папа сказал, что не существуют.

— Они живут в Америке. — Сальваторе взял с полки Большую энциклопедию зверей и пролистал ее. — Вот они. Смотри. — И передал мне книгу.

На цветной фотографии был изображен зверек, похожий на лисицу. С белой мордочкой. На глазах — черная маска, как у Зорро. Однако зверек был более лохматый, чем лисица, и лапы у него были намного короче, и он мог брать ими вещи. Этот в передних лапках держал яблоко. Это был очень симпатичный зверек.

— Значит, существуют...

— Конечно. — И Сальваторе прочел: — «Енот-полоскун, *Procyon lotor*, зверек с коренастым телом, заостренной мордой и большой головой, с большими глазами, окруженными черными пятнами. Шкурка серого цвета. Очень длинный хвост. Живет в Канаде и Соединенных Штатах. Прозвище получил за забавную привычку полоскать пищу, перед тем как съесть ее».

— Он не тряпки стирает, а еду...

— Вот как. — Я был потрясен. — А я ему сказал, что их не существует...

Сальваторе спросил меня:

— А почему его там держат?

— Потому что не хотят отдать его матери. — Я схватил его за руку. — Хочешь пойти посмотреть на него? Мы можем пойти прямо сейчас. Идем? Я знаю короткий путь... Займет мало времени.

Он мне не ответил. Сложил коробки в ящик, свернул футбольное поле.

— Ну что? Идешь?

Он повернул ключ и открыл дверь.

— Не могу. Учитель придет. Если я не подготовлю урока, он скажет этим двум, и такое начнется...

— Ты что? Не хочешь посмотреть на него? Тебе не понравилась моя тайна?

— Не очень. Мне неинтересны сумасшедшие в ямах.

— Но ты дашь мне «Виченцу»?

— Забирай. Мне неприятен твой секрет. — Он сунул коробку мне в руку и вытолкнул меня из комнаты. И закрыл дверь.

Я крутил педали к холму и недоумевал.

Как может быть ему неинтересен ребенок, сидящий на цепи в яме? Сальваторе сказал, что мой секрет ему неприятен.

Не надо было ему рассказывать. У меня больше не было тайны. А что я этим выиграл? «Виченцу», которую кто-то сглазил.

Я поступил хуже Иуды, который променял Иисуса на тридцать сребреников. Кто знает, сколько команд можно купить на тридцать сребреников...

В кармане у меня лежала коробка. Она мешала мне. Углы впивались в кожу. Нужно было бы выбросить ее, но не хватало духу.

Мне захотелось вернуться назад во времени. Я бы отдал пирог синьоре Скардаччоне и ушел, не заходя к Сальваторе.

Я взлетел на холм с такой скоростью, что, когда подъехал к месту, меня чуть не рвало.

Я оставил велосипед у подножия, остаток пути проделав бегом среди колосьев. Казалось, сердце выскочит из груди, и я был вынужден

сесть под дерево, чтобы отдышаться.

Когда я почувствовал себя лучше, я огляделся, нет ли где Феличе. Не было никого. Я вошел в дом и взял веревку.

Сдвинул лист и позвал:

— Филиппо!

— Микеле! — Он весь задергался. Он ждал меня.

— Я пришел, видишь? Видишь, вот он я!

— Я знал это.

— Тебе сказали это медвежата-полоскуны?

— Нет. Я знал это. Ты же обещал.

— Ты был прав: полоскуны существуют. Только не медвежата, а еноты. Я прочитал это в книжке. Я видел даже их фотографию.

— Красивые, правда?

— Очень. Ты когда-нибудь видел хоть одного?

— Конечно. Слышишь? Слышишь, как они свистят?

Я не слышал никакого свиста. Ну что тут скажешь? Он ненормальный.

— Спустишься? — спросил он.

Я ухватился за веревку:

— Иду. — И спустился в яму.

В ней царил порядок. Ведро пусто. Кастрюлька полна воды. Филиппо завернут в то же ужасное покрывало, но выстиранное. Щиколотка перевязана бинтом. И на ней больше не было цепи.

— Тебя помыли!

Он засмеялся. Вот зубы ему не почистили, заметил я.

— Кто это сделал?

Одной рукой он прикрывал глаза.

— Властелин червей и его прислужники-карлики. Они спустились и вымыли меня всего. Я им сказал, что они могут приходить мыть меня, когда им захочется, но ты их все равно поймал, и что они в любое время, когда захотят, могут убежать, но ты будешь преследовать их много километров без усталости.

Я схватил его за руку:

— Ты назвал им мое имя?

— Какое имя?

— Мое.

— А как тебя зовут?

— Микеле.

— Микеле? Нет...

— Но ты только что меня назвал...

— Тебя зовут не Микеле.

— А как?

— Долорес.

— Мое имя не Долорес. Я Микеле Амитрано.

— Это ты так говоришь.

Мне казалось, что он шутит.

— Ну и что ты сказал властелину червей?

— Я ему сказал, что мой ангел-хранитель поймает их.

Я облегченно вздохнул.

— Молодец! Ты сказал, что я ангел-хранитель. — Я извлек из кармана кекс. — Смотри, что я тебе принес. Немножко раскрошился...

Я не успел даже закончить фразу, как он бросился ко мне, схватил то, что осталось от куска, запихнул себе в рот и стал жевать с закрытыми глазами.

Прожевав и не открывая глаз, он стал хватать меня с криком:

— Еще! Еще! Дай мне еще! — И царапал меня ногтями.

У меня больше нет. Клянусь. Хотя подожди... — В кармане у меня лежали конфеты. — На. Держи.

Он разворачивал их, жевал и проглатывал с невероятной быстротой.

— Еще! Еще!

— Я тебе отдал все.

Он не хотел верить, что у меня больше ничего нет.

— Завтра я принесу еще. Чего бы ты хотел?

Он почесал голову.

— Я хочу... хочу... хлеба. Хлеба с маслом. С маслом и джемом. И с ветчиной. И с сыром. И шоколад. Толстый-толстый бутерброд.

— Посмотрю, что есть дома.

Я сел. Филиппо не переставал трогать мои ноги и расстегивать сандалии.

Внезапно мне пришла в голову идея. Прекрасная идея.

Он не был прикован. Он был свободен. Я мог вывести его наружу.

Я спросил:

— Ты хочешь выйти отсюда?

— Выйти куда?

— Выйти из ямы.

— Из ямы?

— Да. Из ямы. Вылезти из ямы.

Он замолчал. Потом спросил:

— Из ямы? Из какой ямы?

— Вот из этой. Где мы сейчас сидим.

Он отрицательно покачал головой:

— Здесь нет ям.

— А это что, по-твоему, не яма?

— Нет.

— Да яма же! Ты сам это говорил.

— Когда я так сказал?

— Ты сказал, что весь мир полон ям, внутри которых живут умершие. И что луна тоже вся в ямах.

— Ты ошибаешься. Я такого не говорил.

Я начал терять терпение.

— И где мы, по-твоему, находимся?

— В месте, где ожидают.

— Чего ожидают?

— Отправления в рай.

По-своему он прав. Если ты сидишь тут целую жизнь и здесь же умираешь, то твоя душа улетит в рай. Если ввязаться в спор с Филиппо, точно ум за разум зайдет.

— Давай я тебя вытащу отсюда. Пошли. — Я дотронулся до него, он был весь в поту и дрожал. — Ладно. Ладно. Не пойдем. Успокойся. Я тебе ничего не сделаю.

Он засунул голову под покрывало.

— Снаружи нет воздуха. Я там задохнусь. Я не могу туда пойти.

— Ты что! Снаружи очень много воздуха. Я все время живу там и не задыхаюсь. С чего бы?

— Ты же ангел-хранитель.

Я должен был объясниться с ним.

— Послушай меня внимательно. Вчера я тебе поклялся, что вернусь, и вернулся. Сейчас я тебе клянусь, что, если ты вылезешь отсюда, с тобой ничего не случится. Ты должен мне верить.

— Зачем мне вылезать отсюда? Мне и здесь хорошо.

Я вынужден был соврать.

— Потому что снаружи — рай. И я должен привести тебя в рай. Я ангел-хранитель, а ты умер, и я обязан привести тебя в рай.

Он задумался на мгновение.

— Ты правду говоришь?

— Истинную.

— Тогда пошли.

Я попытался поставить его на ноги, но они у него не разгибались. Если б я его не держал, он бы упал. Наконец мне удалось обвязать его веревкой. Я обвернул ему голову покрывалом так он был спокойнее. Я вылез из ямы и принялся тащить его. Он был очень тяжелый. Он повис в двадцати сантиметрах от земли, скрючившийся и замерший, и я замер у края ямы с веревкой на плечах, согнувшийся под его тяжестью, не имея сил тащить его.

— Помоги мне, Филиппо. Я сам не смогу.

Но он был словно валун, и веревка выскользнула у меня из рук. Он упал на дно.

Я заглянул в яму. Он лежал на спине с покрывалом на голове.

— Филиппо, с тобой все в порядке?

— Я в раю? — спросил он.

— Нет еще, подожди.

Я побежал к дому в поисках доски, шеста, чего-нибудь, что могло бы мне помочь.

В хлеву я нашел старую, наполовину сломанную дверь, протащил ее до самой ямы. Я хотел спустить ее в яму и вытянуть Филиппо по ней. Я поднял ее за конец, но она, вырвавшись из рук, упала и развалилась на две части. Дерево было почти полностью съедено жучком.

— Микеле! — позвал меня Филиппо.

— Подожди! Потерпи минутку! — крикнул я и взял кусок этой проклятой двери, поднял ее над головой и швырнул на каменную лестницу.

Лестница! Я забыл про лестницу!

Она была там, в паре метров от ямы, в плюще, покрывавшем землю и развалины. Прекрасная деревянная лестница. Это с ее помощью они спускались в яму.

— Я нашел лестницу! — крикнул я Филиппо.

И спустил ее в яму.

Я затащил его в кустарник, под деревья. Щебетали птицы. Цикады. Тень. Вкусный запах сырой земли и мускуса.

Я спросил его:

— Можно я сниму покрывало с твоего лица?

— Там солнце?

— Нет.

Он не уступал, пока мне не удалось уговорить его защитить глаза моей майкой. Он был доволен, я понял это по тому, как он смеялся. Легкий ветерок ласкал кожу, и он этим явно наслаждался.

Я спросил:

— Почему они тебя туда посадили?

— Не знаю. Я не помню.

— Совсем ничего?

— Я обнаружил себя в яме.

— А что ты помнишь?

— Что я был в школе. — Он покивал. — Это я помню. Была физкультура. Потом я вышел из школы. Остановилась белая машина. И я оказался здесь.

— А где ты живешь?

— На улице Модильяни, 36. На перекрестке с улицей Кавалера Д'Арпино.

— А это где?

— В Павии.

— В Италии?

— В Италии.

— Здесь тоже Италия.

Он замолчал. Я даже подумал, не задремал ли он, но он вдруг спросил:

— Что это за птицы?

Я оглянулся по сторонам.

— Воробьи.

— Ты уверен, что не летучие мыши?

— Конечно. Те днем спят и звуки издают другие.

— Летучие лисицы — наоборот. Летают даже днем и чирикают, как птицы. А весят больше килограмма. Если хватаются за тонкие

ветки, падают на землю. Эти, мне кажется, и есть летучие лисицы.

После истории с полоскунами я не осмеливался что-нибудь сказать — не исключено, что в Америке живут и летучие лисицы. Я спросил его:

— Ты когда-нибудь был в Америке?

— Вчера я видел маму. Она сказала мне, что не может прийти и забрать меня, потому что умерла. Она умерла, как и вся моя семья. Если бы не умерла, сразу бы забрала меня.

Я заткнул уши.

— Филиппо, уже поздно. Я должен отвести тебя вниз.

— Я правда могу вернуться туда?

— Да.

— Хорошо. Вернемся.

Он почти ничего не видел, с моей майкой на глазах. Иногда вдруг у него покрывались потом шея и кожа вокруг рта, а пальцы ног и рук начинали дергаться, словно от тика. Он сидел зачарованный, напряженный, слушая щебет летучих лисиц.

— Обхвати мою шею.

Он подал мне руку, и я дотащил его до ямы.

— Сейчас спустимся по лестнице, держись крепче. Потихонечку...

Это было нелегко. Филиппо так сильно сжал меня, что мне было трудно дышать, я не видел перекладин лестницы и был вынужден нащупывать их ногами.

Когда мы спустились, я устроил его в углу, накрыл покрывалом, дал воды и сказал:

— Уже очень поздно. Я должен уходить. Папа меня убьет.

— Иди, иди. Но ты должен принести мне бутерброды. И еще жареную курицу.

— Курицу мы кушаем по воскресеньям. Сегодня мама готовила котлеты. Тебе нравятся котлеты?

— С помидорами? — Да.

— Очень нравятся.

Мне было жаль оставлять его.

— Ну, я пошел...

Я уже взялся за перекладину, когда лестница поехала вверх.

Я поднял голову.

На краю ямы стоял кто-то с темным капюшоном на голове. Одетый, словно солдат.

— Ку-ку! Ку-ку! Апрель уже закончился, — пропел он и сделал пируэт. — Вернулся май с песенкой «ку-ку»! Угадай-ка, кто я такой?

— Феличе!

— Bravo! — ответил он и помолчал немного. — Ну и какого хрена мне с тобой теперь делать? Подожди! Подожди-ка!

Он ушел, а когда вернулся, в руках у него было ружье.

— Значит, это ты! — Феличе взмахнул рукой. — Это был ты, твою мать! Я все время находил вещи не на своих местах. Решил было, что у меня с головой не в порядке. Потом подумал, что это какое-то привидение. А это был ты, Микелино. О'кей, а то я уж начал казаться себе полным идиотом.

Я почувствовал, что кто-то схватил меня за лодыжку. Филиппо прижался к моим ногам и запричитал:

— Властелин червей приходит и уходит. Властелин червей приходит и уходит. Властелин червей приходит и уходит.

Так вот кто был властелином червей! Феличе смотрел на меня сквозь прорези в капюшоне.

— Ты уже подружился с князем? Заметил, как я его хорошо помыл? Он немного капризничал, но победил я. Покрывало он мне отдавать

не хотел.

Я был в ловушке. Я с трудом видел его. Солнце, проникавшее сквозь листву, слепило меня.

— Лови!

Нож воткнулся в землю. В десяти сантиметрах от моей сандали и в двадцати от головы Филиппо.

— Видал, как точно? Мог оттяпать тебе палец ноги как нечего делать. А что бы ты стал делать?

Я не мог говорить. У меня перехватило горло.

Что бы ты делал без пальца? — повторил он. — Скажи мне. Ответь что-нибудь.

— Умер бы от потери крови.

— Молодец. А если я выстрелю в тебя из этого? — Он показал мне ружье. — Что с тобой будет?

— Я умру.

— Видишь, сколько интересного ты знаешь. Вылезай, давай, давай! — Он опустил лестницу в яму.

Я не хотел подниматься, но у меня не было другого выхода. Он бы застрелил меня. Я не был уверен, что смогу вылезти, так у меня дрожали ноги.

— погоди, погоди, — сказал Феличе. — Захвати мой нож, пожалуйста.

Я вытащил нож из земли и так, чтобы Феличе не слышал, прошептал:

— Я еще приду.

— Обещаешь?

Феличе приказал:

— Закрой его и положи в карман.

— Обещаешь?

— Давай, давай! Поднимайся, черт бы тебя побрал! Чего ждешь?

Я начал подниматься. Филиппо продолжал повторять:

— Властелин червей приходит и уходит. Властелин червей приходит и уходит. Властелин червей приходит и уходит...

Когда я уже показался из ямы, Феличе схватил меня за штаны обеими руками и швырнул в стену дома, как мешок. Я грохнулся о каменную кладку и сполз на землю. Попытался подняться. Перевернулся на бок. Острая боль обожгла ногу и руку. Я обернулся. Феличе снял капюшон и шел ко мне, целясь из ружья. Я видел тяжелые подошвы его башмаков-вездеходов, которые становились все больше и больше.

Сейчас он выстрелит, подумал я.

И я, забыв о боли, пополз к лесу.

— Хочешь сбежать, да? Ошибка. — Он пнул меня в зад. — Вставай, сучонок! Что ты валяешься на земле? Вставай! Ты, случаем, не заболел? — Он приподнял меня за ухо. — Благодарю Бога, что ты сын своего отца. Если б не это... Сейчас я отвезу тебя домой. Пусть твой отец сам решает, как тебя наказать. Я свою задачу выполнил. Мое дело — охранять. И я должен бы тебя пристрелить... — Он потащил меня в кустарник. Я был так испуган, что не мог даже заплакать. Я

спотыкался, падал на землю, и он поднимал меня на ноги за ухо. — Давай двигай ногами, вперед!

Мы вышли из леса. Перед нами расстилался желтый простор, раскаленная пшеница простиралась до самого неба. Если бы мне удалось нырнуть туда, меня бы никто не нашел.

Стволом ружья Феличе подтолкнул меня к 127-му и сказал:

— Ах да, верни-ка мне нож!

Я попытался достать его, но никак не мог попасть рукой в карман.

— Дай я сам! — Он забрал нож. Открыл дверцу, поднял сиденье и приказал: — Садись!

Я влез в машину и... увидел Сальваторе.

— Сальваторе, что ты?.. — Слова умерли у меня во рту.

Так это Сальваторе. Он продал меня Феличе.

Сальваторе посмотрел на меня и отвернулся к окну.

Я устроился поудобнее и замолчал. Феличе уселся за руль.

— Дорогой Сальваторе, ты оказался молодцом. Руку. — Феличе протянул ему свою. — Ты был прав — это он сунул свой нос. А я тебе не поверил. — Он вышел из машины. — Обещание есть обещание. И если Феличе Натале дает слово, то его держит. За руль! Только езжай тихо.

— Прямо сейчас? — спросил Сальваторе.

— А когда же? Садись на мое место.

Феличе открыл дверцу, и Сальваторе пересел за руль.

— Здесь хорошо учиться. Достаточно просто спускаться по склону и иногда тормозить.

Сальваторе Скардаччоне продал меня за урок вождения.

— Ты так раздолбаешь мне машину! — орал Феличе и, уткнувшись лицом в лобовое стекло, контролировал разбитую дорогу: — Тормози! Тормози!

Сальваторе чуть возвышался над рулем, который сжимал, словно хотел оторвать.

Когда Феличе набросился на меня, угрожая мне ружьем, я описался. И только сейчас заметил, что у меня насквозь мокрые штаны.

Мы скакали по кочкам и проваливались в ямы. Я должен был крепко держаться за ручку.

Сальваторе никогда не говорил мне, что хотел научиться водить машину. Он мог бы попросить отца, чтоб тот его научил. Адвокат никогда ему ни в чем не отказывал. Почему он попросил об этом Феличе?

У меня все болело: разбитое колено, ребра, рука. Но сильнее всего — сердце. Сальваторе разбил его.

Он был моим лучшим другом. Однажды на ветке нашего дерева мы даже поклялись в вечной дружбе. Мы всегда возвращались из школы вместе. Если один выходил раньше, то ждал другого.

Сальваторе меня предал.

Мама была права, когда говорила, что Скардаччоне считают себя неизвестно кем, только потому что у них полно денег. И добавляла: если ты будешь тонуть, никто из них даже не протянет тебе руку. И я себе много раз представлял обеих сестер сидящими на дюне и строчащими на машинке, и себя, тонущим, протягивающим к ним руки и молящим о помощи, а они бросали мне медовые карамельки и говорили, что не могут встать с места, потому что у них распухли ноги. Но с Сальваторе мы были друзьями.

Я ошибся.

Я почувствовал сильное желание заплакать, но тут же поклялся, что, если хоть одна слезинка выкатится из моих глаз, я возьму пистолет старика и застрелюсь. Я вытащил из кармана коробку с «Виченцей». Она была мокрой от мочи.

Я положил ее на сиденье.

Феличе заорал:

— Хватит! Остановись!

Сальваторе резко затормозил, мотор заглох, машина встала, и если бы Феличе не успел выставить руки вперед, то пробил бы лбом стекло.

Он распахнул дверцу и выскочил из машины:

— Вылезай!

Сальваторе молча пересел на соседнее сиденье. Феличе схватился за руль и сказал:

— Дорогой Сальваторе, я должен тебе сказать честно, тебе противопоказано водить машину. Оставь это дело. Твое будущее — велосипед.

Когда мы въехали в Акуа Траверсе, моя сестра, Барбара, Ремо и Череп играли посреди дороги в пыли.

Они увидели нас и бросили игру.

Папиного грузовика не было. Не было и машины старика.

Феличе поставил 127-й в амбар.

Сальваторе пулей вылетел из машины, схватил велосипед и уехал, даже не посмотрев в мою сторону.

Феличе нагнул сиденье:

— Выходи!

Я не хотел выходить.

Однажды в школе я разбил витраж палкой, из тех, что мы использовали на физкультуре. Я хотел продемонстрировать Анджело Кантини, моему товарищу по классу, что стекло небьющееся. Но оказалось, это не так: оно разлетелось на миллиард мельчайших кубиков. Директор вызвал маму сказать ей все, что он обо мне думает.

Она приехала, посмотрела на меня и сказала на ухо:

— Я с тобой потом разберусь.

И вошла в кабинет директора. А я остался ждать ее в коридоре.

В тот раз я сильно испугался, но этот страх не шел ни в какое сравнение с сегодняшним. Феличе расскажет все маме, а та расскажет папе. И папа рассвирепеет. А старик украдет меня.

— Выходи! — повторил Феличе.

Я набрался мужества и вышел.

Я сгорал от стыда. У меня были мокрые штаны.

Барбара прижала руку к губам. Ремо подбежал к Черепу. Мария вымыла очки и вытирала их майкой.

Светило яркое солнце, и я прищурил глаза. За спиной я слышал тяжелые шаги Феличе. Из окна выглядывала мать Барбары. Из другого — мать Черепы. Они смотрели на меня пустыми глазами. Тишина была бы абсолютной, если б Того не начал визгливо лаять. Череп дал ему пинка, и пес, скуля, побежал прочь.

Я поднялся по лестнице и открыл дверь.

Шторы опущены, и в доме мало света. Радио включено. Вращался вентилятор. Мама, в комбинации, сидела за столом и чистила картошку. Увидела меня в сопровождении Феличе. Нож выпал у нее из рук. Сначала на стол, оттуда — на пол.

— Что случилось?

Феличе сунул руки в карманы камуфляжа, наклонил голову и сказал:

— Он был там. С мальчишкой.

Мама поднялась со стула, сделала шаг, потом другой, остановилась, сжала лицо в ладонях и опустилась на пол, глядя на меня.

Слезы брызнули из моих глаз.

Она бросилась ко мне и взяла на руки. Сильно прижала к груди и вдруг заметила, что я весь мокрый. Поставила меня на стул, осмотрела мои ободранные ноги и руку, окровавленное колено. Задрала майку.

— Кто это сделал? — спросила она.

— Он! Это он... меня... избил! — Я ткнул пальцем в Феличе.

Мама обернулась, оглядела Феличе и процедила сквозь зубы:

— Что ты ему сделал, несчастный?

Феличе поднял руки:

— Ничего не сделал. Что я ему сделал? Привез его домой.

Мама сощурилась.

— Ты! Как ты мог себе позволить, а? — Вены на ее шее вздулись, голос дрожал. — Как ты посмел, а? Ты избил моего сына, подонок! — И набросилась на Феличе.

Он стал отступать к двери.

— Я лишь дал ему поджопник. Что тут такого?

Мама попыталась вцепиться ему в плечо, Феличе поймал ее руку, не давая ей приблизиться, однако она была свирепа, как львица:

— Подонок! Я выцарапаю тебе глаза!

— Я застукал его в яме... Он хотел освободить пацана. Ничего я ему не сделал. Хорош, уймись!

Мама была босиком, но это не ослабило удара, когда она двинула ему ногой в пах.

Бедный Феличе издал странный звук, что-то среднее между шипеньем и всасыванием мойки, схватился за низ живота и рухнул на колени. Лицо его перекосилось от боли, он попытался крикнуть, но у него не получалось: весь воздух вышел из легких. Я, стоя на стуле, прекратил ныть. Я знал, как это больно, когда попадают между ног. А мамин удар был очень сильным.

Мама не знала жалости. Она взяла сковородку и треснула ею Феличе по лицу. Он взвыл и завалился на пол.

Мама снова подняла сковородку, она хотела убить его, но Феличе схватил ее за запястье и дернул. Мама упала. Сковородка выпала из

руки. Феличе навалился на нее всем телом.

Я отчаянно закричал:

— Отпусти ее! Отпусти ее! Отпусти ее!

Феличе схватил мать за руки и прижал их животом.

Мама кусалась и царапалась, как кошка. У нее задралась комбинация. Стал виден живот и черный пучок между ног, одна из бретелек рубашки оторвалась, и вывалилась грудь, большая и белая, с темным соском.

Феличе остановился и уставился на нее.

Я видел, как он на нее смотрел.

Я слез со стула и попытался ударить его. Он повернулся, и я вцепился ему в горло. И в этот момент вошли папа и старик.

Папа набросился на Феличе, схватил его за руку и стащил с мамы.

Феличе крутанулся на полу, а вместе с ним и я, сильно ударившись затылком. Чайник засвистел у меня в голове, в носу я почувствовал запах дезинфектанта, которым обрабатывали туалет в школе. Желтые лампы взорвались перед моими глазами.

Папа начал бить Феличе ногами, тот заполз под стол, а старик пытался успокоить папу, который пинками запуская в воздух стулья.

Свист в моей голове сделался таким сильным, что я не слышал собственного плача.

Мама подняла меня, отнесла в свою комнату и, закрыв дверь коленом, положила на постель. Я весь дрожал и никак не мог перестать рыдать.

Она крепко обняла меня и повторяла:

— Ничего, ничего. Ничего. Пройдет. Все проходит.

Меня колотило от рыданий, и я не мог отвести взгляда от фотографии падре Пио, прищипленной к шкафу. Монах смотрел на меня и, казалось, довольно ухмылялся.

В кухне кричали папа, старик и Феличе.

Потом они все вместе вышли, хлопнув дверью.

И вернулся покой.

Голуби гуркали под крышей. Шумел холодильник. Стрекотали цикады. Вентилятор. Это была тишина. Мама с опухшими глазами оделась, продезинфицировала царапину на плече, вымыла меня,

вытерла и накрыла простыней. Дала мне съесть персик с сахаром и улеглась рядом. Дала мне руку. И больше ничего не говорила.

У меня не было сил даже пальцем пошевелинуть. Я положил голову ей на живот и закрыл глаза.

Дверь открылась.

— Ну, как он? — голос папы. Он говорил тихо, как если б доктор сказал, что я вот-вот умру.

Мама погладила меня по голове.

— Он сильно ударился головой. Но сейчас спит.

— А ты как себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Правду говоришь?

— Правду. Но чтобы этого больше не было в нашем доме. Если он еще хоть раз прикоснется к Микеле, я убью сначала его, потом тебя.

— Я об этом уже позаботился. А сейчас я должен уйти.

Дверь закрылась.

Мама села на кровати и прошептала мне на ухо:

— Когда ты вырастешь, ты должен уехать отсюда и никогда больше сюда не возвращаться.

Стояла ночь.

Мамы не было. Рядом спала Мария. На комодике тикали часы. Стрелки отливали желтым. Подушка пахла папой. Белая полоска света виднелась под дверью в кухню.

Там ругались.

Слышался голос адвоката Скардаччоне, приехавшего из Рима. Первый раз он появился в нашем доме.

Этим вечером случилось ужасное. Такое ужасное, такое невероятное, что невозможно было даже возмутиться. Меня оставили в покое.

Я не испытывал никакого беспокойства. Я чувствовал себя в безопасности. Мама положила меня в своей комнате и никому не разрешала заходить в нее.

На голове вспухла шишка, и, когда я до нее дотрагивался, было больно, но в остальном я чувствовал себя хорошо. Это мне не очень нравилось. Как только обнаружится, что я не болен, мне придется вернуться в комнату к старику. А мне хотелось остаться в этой постели

навсегда. Не выходить больше из этой комнаты, не видеть никогда Сальваторе, Феличе, Филиппо, никого.

Я слышал голоса из кухни. Старик, адвокат, брадобрей, отец Черепа, папа ругались из-за какого-то телефонного звонка и того, что нужно было сказать.

Я накрыл голову подушкой.

Я видел бушующий железный океан, вздымались огромные волны из гвоздей, брызги из болтов били в белый автобус, который в тишине начинал тонуть, задрав морду, а внутри были мечущиеся страшилища, в ужасе лупящие кулаками по стеклам.

Но ничего у них не получалось.

Стекла были непробиваемы.

Я открыл глаза.

— Микеле, просыпайся. — Папа уселся на край кровати и погладил меня по плечу. — Я должен поговорить с тобой.

Было темно. Только на потолке пятно света. Я не видел папиных глаз и не понимал, насколько он сердит.

В кухне продолжали разговаривать.

— Микеле, что ты сегодня натворил?

— Ничего.

— Не ври мне. — Папа был раздражен.

— Ничего плохого я не сделал. Клянусь тебе.

— Феличе тебя там застукал. Он сказал, что ты хотел его освободить.

Я сел на кровати:

— Нет! Неправда! Я тебе клянусь! Я вытащил его из ямы, но потом отвел обратно. Я не собирался его освободить. Он тебе соврал.

— Говори тише, а то разбудишь Марию. Мария лежала на животе, обняв подушку. Я прошептал:

— Ты мне не веришь?

Он посмотрел на меня. Его глаза светились в темноте, как у собаки.

— Сколько раз ты там был?

— Три.

— Сколько?

— Четыре.

— Он сможет тебя узнать?

— Что?

— Если он тебя увидит, то узнает?

Я подумал.

— Нет. Он же не видит. Все время держит голову под покрывалом.

— Ты сказал ему, как тебя зовут?

— Нет.

— Ты с ним разговаривал?

— Нет... немного.

— Что он тебе рассказал?

— Ничего. Говорил какие-то странные вещи. Непонятные.

— А ты ему что рассказал?

— Ничего.

Он встал. Казалось, ему не хотелось уходить, он снова сел рядом.

— Послушай меня внимательно. Я не шучу. Если ты туда еще раз вернешься, я изобью тебя до смерти. А они прострелят ему голову. — Он рванул меня за плечо. — И виноватым будешь ты.

Я пролепетал:

— Я туда больше не пойду. Клянусь тебе.

— Клянись моей головой.

— Клянусь.

— Скажи, клянусь твоей головой, что больше туда не пойду.

Я повторил:

— Клянусь твоей головой, что больше туда не пойду.

— Ты поклялся головой своего отца. — И замолчал, сидя рядом в тишине.

В кухне отец Барбары кричал на Феличе. Папа выглянул в окно.

— Забудь о нем. Его больше не существует. И ты не должен никому о нем рассказывать. Никогда больше.

— Я понял. Я больше к нему не пойду.

Он закурил сигарету.

Я спросил:

— Ты все еще злишься на меня?

— Нет. Постарайся заснуть. — Он глубоко вздохнул и оперся руками о подоконник. Его волосы блестели в свете фонаря. — Боже праведный, ну почему все дети как дети, а ты все время придумываешь что-нибудь?

— Значит, ты еще злишься?

— Да не злюсь я на тебя. Успокойся. — Он обхватил голову ладонями. — Что за паскудство! — Он покачал головой. — Есть вещи, которые кажутся ошибкой, когда один... — Он никак не мог подобрать слова. — Весь мир — ошибка, Микеле.

Он встал, потянулся и пошел к выходу:

— Спи. Я должен вернуться к ним.

— Папа, скажи мне одну вещь.

Он бросил сигарету в окно.

— Какую?

— Зачем вы его посадили в яму? Я никак не пойму.

Он взялся за ручку двери, я думал, что он не ответит мне, но он сказал:

— Тебе очень хочется уехать из Акуа Траверсе?

— Очень.

— Скоро мы все уедем в город.

— А куда?

— На Север. Ты доволен?

Я согласно кивнул.

Он вернулся ко мне и посмотрел мне в глаза. От него пахло вином.

— Микеле, я сейчас говорю с тобой, как с мужчиной. Слушай внимательно. Если ты туда вернешься, они его убьют. Они поклялись это сделать. Ты не должен туда больше ходить, если не хочешь, чтобы они его застрелили, и если хочешь, чтобы мы уехали отсюда. И не должен больше никогда говорить о нем. Ты понял?

— Понял.

Он поцеловал меня в лоб.

— А сейчас спи и ни о чем не думай. Ты любишь своего отца?

— Да.

— Ты хочешь мне помочь?

— Да.

— Тогда забудь обо всем.

— Хорошо.

— Ну, спи.

Он поцеловал Марию, которая даже не шелохнулась, и вышел из комнаты, плотно прикрыв дверь.

В комнате был беспорядок. Стол был завален бутылками, чашками и грязными тарелками. Мухи ползали по остаткам еды. Сигареты переполняли пепельницы, стулья и кресла стояли как попало. Воняло окурками.

Дверь моей комнаты была полуоткрыта. Старик спал одетым на постели сестры. Одна рука свесилась. Рот открыт. Раз за разом он сгонял муху, бегавшую у него по лицу. Папа растянулся на моей кровати лицом к стене. Мама, скрючившись, спала на диване под стеганым одеялом. Были видны темные волосы, кусочек лба и голая ступня.

Дверь в дом была распахнута настежь. Легкий теплый ветерок листал газету на комод.

Прокричал петух.

Я открыл холодильник, достал молоко, налил стакан и вышел на крыльцо. Уселся на ступеньку и посмотрел, как встает солнце.

Оно походило на сочный апельсин, завешенный фиолетовой желеобразной кисеей, висящей над горизонтом, но выше, над ней, небо было чистым и темным и еще сияло несколько звезд.

Я выпил молоко, поставил стакан на ступеньку и спустился на дорогу.

Мяч лежал рядом со скамейкой. Я пнул его, и он залетел под машину старика.

Из амбара выскочил Того. Он лаял и скулил одновременно. Увидев меня, он растянулся на земле и пополз ко мне, волоча задние лапы и виляя хвостом.

Я опустился на колени:

— Того, ты чего?

Он взял мою руку в пасть и потянул. Он сделал это несильно, но зубы у него были острые.

— Куда ты меня тащишь?

Я пошел за ним в амбар. Голуби, сидевшие на железных балках потолка, выпорхнули вон.

В углу, прямо на земле, находилась его конура, представлявшая собой старую рваную накидку.

— Ты хочешь показать мне твой дом?

Того растянулся на земле и перевернулся на спину. Я знал, что это значило. Я почесал ему пузо, и он замер, и только хвост медленно двигался туда-сюда.

Тряпка походила на ту, в которую был завернут Филиппо.

Я понюхал ее. Запах был другой. Пахло псиной.

Я лежал на кровати и листал Тэкса^[7]. Я оставался в комнате весь день. Как тогда, когда у меня была температура и я не ходил в школу. И когда вдруг заявился Ремо спросить меня, не хочу ли я погонять мяч, я ответил ему, что не хочу, что заболел.

Мама прибиралась в доме, пока все не заблестело, а потом ушла к матери Барбары. Папа и старик ушли сразу же, как только проснулись.

Сестра вбежала в комнату и с довольным видом уселась на моей кровати, пряча что-то за спиной.

— Угадай. Что мне подарила Барбара?

Я опустил комикс.

— Не знаю.

— Угадай, угадай!

— Да ну тебя.

У меня не было никакого желания играть.

Она вытащила на свет Кена. Мужа Барби, верзилу с пучком под носом.

Мы теперь сможем играть. Я возьму Паолу, а ты его. Мы разденем их и засунем в холодильник... А они там обнимутся, понял?

— Я не хочу.

Она округлила глаза:

— А почему?

— Нипочему. Оставь меня в покое, я читаю.

— Ну и зануда же ты!

Она фыркнула и вышла из комнаты.

Я вернулся к чтению. Это был свежий номер, мне его дал Ремо. Но я никак не мог сосредоточиться и бросил журнальчик на пол.

Я думал о Филиппо.

Как мне поступить? Я пообещал ему вернуться, но не могу этого сделать, потому что поклялся папе, что больше туда не пойду.

Если я туда пойду, они меня застрелят. Или его.

Но за что? Я ведь не собирался его освободить, я только с ним разговаривал. Я ничего плохого не делал.

Филиппо ждал меня. Там, в яме. И спрашивал себя, когда я приду. Когда принесу ему котлету.

— Я не могу прийти, — сказал я вслух.

В последний раз, когда я был там, я спросил его: «Видишь, я пришел?» И он мне ответил, что знал это. И что об этом ему сказали не медвежата-полоскуны. «Ты же мне это пообещал».

Мне бы хватило пяти минут поговорить с ним. «Филиппо, я не могу больше приходить к тебе, это не моя вина». И, по крайней мере, он бы успокоился. А так он будет думать, что я не хочу больше его видеть, что я не держу слова. И это причиняло мне боль.

Но если я не могу пойти туда, то все объяснить ему может папа. «Мне очень жаль, но Микеле не может прийти, иначе он не сдержит клятвы. Если он придет, тебя убьют. Он просил передать тебе привет».

— Хватит, я должен об этом забыть! — крикнул я на всю комнату, поднял журнальчик, пошел в ванную и уселся читать на унитаз, но тут же прервался.

С улицы меня позвал папа.

Чего ему от меня надо? Я вел себя хорошо и не выходил из дома. Я натянул штаны и вышел на терраску.

— Иди сюда! Быстро! — позвал он.

Он стоял у грузовика. Рядом стояли мама, Мария, Череп и Барбара.

— Что случилось?

Мама сказала:

— Спускайся быстро. Для тебя сюрприз.

Филиппо. Папа освободил Филиппо. И привез его ко мне.

У меня перестало биться сердце. Я слетел с лестницы.

— Где он?

— Стой там! — Папа забрался в грузовик и вытащил наружу сюрприз.

— Ну как? — спросил он.

— Ну как? — повторила мама.

Это был велосипед, весь красный, с рулем, походившим на рога быка. Переднее колесо маленькое. Переключение на три скорости. С

рифлеными шинами. С большим седлом, на котором можно поместиться вдвоем.

— Что с тобой? Тебе не нравится? — спросила мама.

— Нравится, кивнул я.

Почти такой же я видел несколько месяцев назад в велосипедном магазине в Лузиньяно. Но тот был хуже, у него не было блестящего фонарика, и переднее колесо было большим. Я вошел в магазин посмотреть на него, и продавец, высокий дядька с огромными усами и в сером халате, сказал мне:

— Правда, красивый?

— Очень.

— Последний остался. Остальные раскупили. Классная штучка. Почему бы твоим родителям не подарить его тебе?

— Мне бы понравилось...

— За чем же дело стало?

— У меня уже есть один.

— Этот, что ли? — Продавец сморщил нос, ткнув палец в Бульдозер, прислоненный к фонарному столбу.

— Это папин.

— Пора менять его. Скажи твоим. Совсем другим человеком себя почувствуешь на таком бриллианте, как этот.

Я вышел из магазина. Мне даже в голову не приходило спросить, сколько он стоит.

А этот велосипед был намного красивее.

На трубе золотом было написано: «Red Dragon».

— Что значит «Red Dragon»? — спросил я папу.

Он пожал плечами и ответил:

— Это твоя мама знает.

Мама прикрыла рот ладошкой и засмеялась.

— Ты совсем дурачок, я же английского не знаю!

Папа посмотрел на меня:

— Ну так что? Ты его даже не попробуешь?

— Прямо сейчас?

— А когда, завтра?

Я стеснялся попробовать его перед всеми.

— Я могу отнести его в дом?

Череп вскарабкался на велосипед.

— Если ты не хочешь испытать его, это сделаю я.

Мама дала ему подзатыльник.

— Ну-ка слазь сейчас же с этого велосипеда! Это Микеле.

— Ты правда хочешь унести его в дом? — спросил папа.

— Да.

— А сможешь сам?

— Конечно.

Мама сказала:

— Ты с ума сошел, Пино? Велосипед в доме? Все перемажет.

— Он будет аккуратным.

Моя сестра сдернула очки, бросила их на землю и принялась плакать.

— Мария, сейчас же подними очки! — разозлился папа.

Она скрестила руки.

— Нет! Я их не подниму, это нечестно! Все только Микеле, а мне ничего!

— Потерпи, придет и твой черед. — Папа достал из грузовика коробку, обернутую синей бумагой с большим бантом. — Вот твой подарок.

Мария быстро нацепила очки и начала развязывать бант, но он не поддавался, тогда она начала рвать его зубами.

— Подожди! Бумага очень красивая, еще пригодится.

Мама развязала бант и развернула бумагу.

В коробке лежала Барби с короной на голове, одетая в белое атласное платье и с голыми руками.

Мария чуть сознание не потеряла.

— Барби-балерина... Какая красивая...

Папа застегнул тент грузовика.

— Теперь, надеюсь, с подарками не будете приставать следующие лет десять.

Мы с Марией стали подниматься по лестнице: я с велосипедом, она — с Барби-балериной.

— Она красивая, правда? — повторяла она, не сводя с нее глаз.

— Очень. Как ты ее назовешь?

— Барбара.

— Почему Барбара?

— Потому что Барбара сказала, что, когда вырастет, будет похожа на Барби. Барби — это Барбара, но по-английски.

А с Бедняжкой что будешь делать, выбросишь?

— Нет. Она будет ее служанкой. — Потом посмотрела на меня и спросила: — А тебе твой подарок понравился?

— Да. Но я думал, что это будет совсем другое.

В эту ночь я спал со стариком. Я только-только забрался под одеяло и собирался полистать Тэкса, когда он вошел в комнату. Казалось, что он внезапно постарел еще лет на двадцать.

— Спишь? — прохрипел он.

Я закрыл журнальчик и повернулся к стене.

— Нет.

— Фу-у! Я сварился. — Он зажег лампочку рядом с кроватью и начал раздеваться. — Намотал сегодня, наверное, тысячу километров. Спина вдребезги. Должен поспать. — Он поднял вверх брюки, осмотрел их и сморщился. — Надо бы сменить гардероб. — Поднял сапоги и носки и положил их на подоконник.

У него страшно воняли ноги.

Он пошарил в чемодане, достал бутылку виски и открыл ее. Сделал большой глоток, сморщился и вытер губы рукой.

— Черт возьми, какая гадость. — Он взял папку, открыл ее, перебрал фотографии и спросил меня: — Хочешь посмотреть на моего сына? —

И протянул мне одну.

Это была та, которую я видел утром, когда рылся в его вещах. Франческо в комбинезоне механика.

— Красивый парень, верно?

— Да.

— Здесь он еще хорошо выглядит, это потом он похудел.

Коричневый мотылек влетел в окно и начал биться о лампочку. Он производил глухой шум всякий раз, как натыкался на раскаленное стекло.

Старик взял газету, свернул ее и припечатал его к стене.

— Эти гадские бабочки. — Протянул мне другую фотографию: — Мой дом.

Это был низкий домик с окнами, покрашенными красной краской. Из-за соломенной крыши виднелись верхушки четырех пальм. Перед домом сидела в кресле черная девушка в крохотном желтом купальнике. У нее были длинные волосы, и в руках она сжимала, словно трофей, бутерброд с ветчиной. Рядом с домом стоял маленький гараж, а перед ним — машина, огромная и белая, без крыши, с черными окнами.

Какая это машина? — спросил я.

«Кадиллак». Я купил уже подержанную. Но в классном состоянии. Только резину поменял. — Он снял рубашку. — Это была отличная сделка.

— А кто эта черная девушка?

Он растянулся на кровати.

— Моя жена.

— У тебя жена — негритянка?

— Да. Старую я оставил. Этой двадцать три. Цветочек! Ее зовут Соня. А если ты думаешь, что у нее в руке ветчина, то ошибаешься, это шпик. Настоящий шпик из Венето. Я привез его из Италии. В Бразилии такого деликатеса днем с огнем не сыщешь. Это была целая проблема — провезти его. Меня даже остановили на таможне и хотели разрезать его на кусочки, думали, что в нем наркотики... Ладно, тушим свет, умираю, как хочется спать.

Комнату заполнила темнота. Я слышал, как он дышал и производил губами странные звуки. Неожиданно он сказал:

— Ты понятия не имеешь, как там живет. Жизнь не стоит ни гроша. Все тебе прислуживают. Ни хрена не делаешь целыми днями. Совсем не так, как в этом говенном местечке. Пора с ним завязывать.

— А где эта Бразилия? — спросил я.

— Далек. Очень далеко. Спокойной ночи и золотых снов.

— Спокойной ночи.

И все остановилось.

Фея погрузила Акуа Траверсе в сон. Дни следовали один за другим, жаркие, похожие друг на друга и бесконечные.

Взрослые не выходили из дома, даже когда наступал вечер. Раньше после ужина они выносили на улицу столы и играли в карты. Сейчас сидели по домам. Феличе куда-то исчез. Папа целыми днями

валялся в постели и разговаривал только со стариком. Мама готовила. Сальваторе закрылся в своем доме.

Я катался на новом велосипеде. Все хотели покататься на нем. Череп наловчился проезжать все наше местечко на одном колесе. Я же не мог и двух метров.

Я почти все время был предоставлен сам себе. Я доезжал до пересохшего источника, катился по пыльным тропинкам среди полей, которые уводили меня далеко-далеко, туда, где была голая земля, огороженная проржавевшей колючей проволокой. Еще дальше в жарком мареве дрожали очертания комбайнов, ползающих по полям.

Иногда редкий грузовик, груженный мешками с зерном, проезжал через местечко, оставляя за собой шлейф черного дыма.

Когда я ехал через селение, мне казалось, что все смотрят на меня. Вон из-за занавески шпионит за мной мать Барбары, Череп тычет пальцем в мою сторону и что-то говорит Ремо, рядом Барбара, которая странно мне улыбается. И это чувство не покидало меня, даже когда я оставался один, сидя на ветке дерева или несясь мимо полей. Даже когда, кроме скошенных колосьев и знойного неба, не было ничего кругом, мне казалось, что тысячи глаз наблюдают за мной.

Не поеду я туда, не беспокойтесь. Я же поклялся.

Но всякий раз холм возникал прямо по моему курсу, и он ждал меня.

Я начал ездить по дороге, ведущей к ферме Меликетти. И с каждым днем, не отдавая себе в том отчета, прибавлял по несколько метров.

Филиппо забыл обо мне. Я это чувствовал.

Я попытался мысленно позвать его.

Филиппо! Филиппо, слышишь меня?

Я не могу приехать. Не могу.

Он не думал обо мне.

Может быть, он умер. Может, его уже больше нет на этом свете.

После обеда я завалился в постель почитать. Свет едва проникал сквозь плотные занавески в раскаленную комнату. И я задремал с комиксом в руках.

Мне снилось, что уже ночь, но я все хорошо вижу. В темноте передвигаются холмы. Медленно-медленно, словно черепахи. Затем

все они одновременно открывают глаза, красные дыры среди колосьев, и начинают медленно-медленно подниматься, уверенные, что их никто не видит, и становятся гигантами, с плотью из земли, покрытыми шкурой из колосьев. И они наваливаются на меня и хоронят под собой.

Я проснулся в луже пота, встал и поплелся к холодильнику попить. А в глазах стояли холмы-гиганты.

Я вышел из дома и сел на Бульдозера.

Я был в самом начале тропинки, которая вела к заброшенному дому.

Холм был в ее конце. Мрачный, колышущийся в теплом мареве. Мне показалось, что я разглядел пару глаз среди колосьев, под самой вершиной, но это были просто пятна в складках рельефа. Солнце заходило, и воздух остывал. Тень от холма медленно наплывала на долину.

Я должен был подняться на него.

Голос папы удерживал меня. «Слушай внимательно. Если ты вернешься, они его убьют. Они поклялись».

Кто? Кто в этом поклялся? Кто его убьет?

Старик? Нет. Он — нет. Он недостаточно силен.

Они, земляные гиганты. Властелины холмов. Сейчас они залегли в полях и стали невидимыми, но ночью они проснутся и сделают свое страшное дело. И, если я сейчас пойду к Филиппо, пусть даже сейчас день, они перекачатся океанскими волнами по полям до самой ямы и засыпят ее землей, похоронив его в ней.

Вернись назад, Микеле. Вернись назад, сказал мне голосок моей сестры.

Я развернул велосипед и стрелой полетел сквозь колосья, между колдобин, крутя педали словно обезумевший, надеясь проскочить по спинам этих проклятых монстров.

Я спрятался за большим камнем у высохшего русла. Пот лил с меня ручьем. Мухи не оставляли меня в покое. Череп запятнал всех. Остался я один. И дело мое было безнадежным. Мне нужно было вскочить и стремглав, не останавливаясь ни на мгновение, пересечь стерню, добежать до дерева и крикнуть: «Логово, выпусти всех!»

Но там, почти у самого дерева, ждал Череп, настороженный, словно ищейка, и если бы он меня заметил, то наверняка успел бы догнать и, ударив четырежды по плечу, вывести из игры.

В общем, нужно было бежать, и все, — что случится, то случится, не сидеть же здесь до утра.

Я уже собрался вскочить, как чья-то тень накрыла меня.

Череп!

Нет. Это был Сальваторе.

— Подвинься, а то он меня увидит. Он рядом.

Вопреки желанию у меня вырвалось:

— Где остальные?

— Он запятнал всех. Остались только я и ты. Это было первый раз, как мы заговорили после того случая с Феличе.

Череп меня спросил, почему мы поссорились.

«Мы не ссорились. Просто Сальваторе перестал мне нравиться», — ответил я.

Череп дружески похлопал меня по плечу.

— Ну и правильно. Он хреновый парень.

Сальваторе вытер пот со лба.

— Кто побежит распятнывать?

— Давай ты.

— Почему я?

— Ты быстрее бегаешь.

— Я быстрее бегаю, когда бежать долго, но до дерева ты домчишься быстрее меня.

Я молчал.

— У меня идея, — продолжил он. — Выскакиваем вместе, сразу оба. Когда побежит Череп к нам, я замедлю бег, а ты лети к дереву. Так мы заставим его проиграть. Что скажешь?

— Идея хорошая. Только в этом случае выиграю я, но ты-то проиграешь.

— Наплевать. Иначе нам не оставить его в дураках.

Я засмеялся.

Он посмотрел мне в глаза и протянул мне руку:

— Мир?

— Ладно. — Я пожал его руку.

— Знаешь, Дестани больше не будет преподавать в нашем классе. С этого года придет другая училка.

— Кто тебе это сказал?

— Тетя разговаривала с директором. Говорит, что новая — красивая. Может, будет не такой занудой, как Дестани.

Я вырвал пучок травы.

— А мне все равно.

— Почему?

— Потому что мы уедем из Акуа Траверсе.

Сальваторе с удивлением уставился на меня:

— И куда вы уедете?

— На Север.

— Куда на Север?

— В Павию.

— А где эта Павия?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Но мы будем жить в большом доме, на последнем этаже. И папа купит себе 131-й «мирафиори». И я там буду ходить в школу.

Сальваторе поднял камень и начал перекидывать его из ладони в ладонь.

— И больше не вернешься?

— Нет.

— И не увидишь новую училку?

Я смотрел в землю.

— Нет.

Он вздохнул:

— Очень жаль... — И посмотрел на меня.

— Готов?

— Готов.

— Тогда бежим. И не останавливайся, что бы ни случилось. На счет «три».

— Раз, два, три! — И мы сорвались с места.

— Вон они! Вон они! — заорал Ремо, сидящий на ветке дерева.

Но Череп уже не смог бы ничего сделать: мы оказались быстрее. Мы подскочили к дереву вместе и в голос завопили:

— Логово, отпусти всех!

Мы проснулись, когда все вокруг было залито серым. Парило, было сыро, и лишь иногда порывы ветерка вклинивались в духоту. Ночью огромные нервные облака сгруппировались на горизонте и начали надвигаться на Акуа Траверсе.

Мы зачарованно наблюдали за ними. Мы уже забыли, что с неба может литься вода.

Мы сидели в амбаре. Я развалился на мешке с зерном, подложив под голову руки и разглядывая ос, соорудивших свое гнездо. Остальные сидели кружком у плуга. Сальваторе забрался в железное кресло трактора, положив ноги на штурвал.

Мне нравились осы. Ремо раз десять выкуривал их из дома, но эти упрямыцы все время возвращались и снова строили жилье на том же месте, в углу между виноградной лозой и водосточной трубой. Они перемешивали солому и дерево и лепили гнездо, которое казалось картонным.

Все болтали, но я старался не слушать. Череп, как всегда, говорил громко, а Сальваторе молча слушал.

Мне очень хотелось, чтобы скорее пошел дождь, всех уже достала эта засуха.

Я услышал слова Барбары:

— Может, нам сгонять в Лучиньяно за мороженым? У меня есть деньги.

— На всех хватит?

— Не-а. На всех не хватит. Может, на пару порций.

— А тогда чего нам-то делать в Лучиньяно? Смотреть, как ты жрешь мороженое и становишься еще толще?

Почему осы строят гнезда? Кто их научил это делать?

«Они знают. Это их природа», — объяснил мне папа, когда я его спросил.

Ко мне подошла сестра и сказала:

— Я пошла домой. А ты?

— Я посижу здесь.

— Ну ладно. А я пойду сделаю себе бутерброд с маслом и сахаром. Чао! — И ушла, за ней побежал Того.

А какая моя природа? Что умею делать я?

— Ну что? — спросил Ремо. — Может, поиграем в «украсть знамя»?

Я умею залезать на деревья. Это я умел делать лучше всех, и никто меня этому не учил.

Череп поднялся, пнул мяч так, что он перелетел через улицу.

— Ребята, есть идея. Не съездить ли нам в то место, где мы были прошлый раз?

Лучше бы мне пойти с Марией и тоже сделать себе бутерброд с маслом и сахаром, но я не хотел есть.

— Куда это?

— На гору.

— Какую гору?

— Где заброшенный дом. Рядом с фермой Меликетти.

Я поднялся. Мышцы внезапно напряжились, сильно забило сердце, и сжался желудок.

— И что там делать? Потом, это далеко. А если пойдет дождь? — возразила Барбара.

Череп повернулся к ней:

— Если пойдет дождь, то мы станем мокрыми, понятно? А тебя никто не просит идти с нами.

Но и Ремо явно не горел энтузиазмом.

— Зачем нам туда идти?

— Полазим по дому. В прошлый раз там был только Микеле.

Ремо о чем-то спросил меня.

Я посмотрел на него:

— Что? Я не понял.

— Есть там что-нибудь интересное в доме? — переспросил он.

— Что?

— Что интересного в доме?

Я не мог говорить: у меня пересох рот. Прохрипел:

— Ничего интересного... Я не знаю... Немного старой мебели, кухня, всякие вещи...

Череп спросил Сальваторе:

— Пойдем?

— Нет, я не хочу. — Сальваторе потряс головой. — Барбара права — это далеко.

— А я пойду. Там мы можем устроить нашу секретную базу... — Череп взял велосипед, прислоненный к трактору. — Кто хочет, за мной. Кто не хочет, остается. — И спросил Ремо: — Ты как?

— Я иду. — Ремо поднялся и спросил Барбару: — А ты?

— Если только никаких соревнований.

— Не будет соревнований, — заверил ее Череп и снова спросил Сальваторе: — Ты точно не едешь с нами?

Я молча ждал.

— Я — как Микеле, — ответил тот и, глядя мне в глаза, спросил: — Ты что решил, едешь туда?

Я поднялся на ноги и сказал:

— Да, еду.

Сальваторе спрыгнул с трактора:

— Ладно, поехали.

Мы опять ехали в сторону холма, все вместе, как и в прошлый раз, вытянувшись в цепочку. Недоставало только Марии.

Атмосфера давила, небо было неестественного пунцового цвета. Облака, висевшие прежде над горизонтом, были теперь прямо над нами, огромные и мрачные. Мутно, словно сквозь ширму, светило солнце. Было ни жарко, ни холодно. Дул ветер. По обеим сторонам дороги и по полям, словно шашки на доске, стояли рулоны соломы. Участки, где не прошли комбайны, переливались волнами растрепанных колосьев.

Ремо с опаской посмотрел на горизонт:

— Сейчас хлынет.

Чем ближе был я к холму, тем хуже себя чувствовал. На желудок давила тяжесть, в животе перекачивались остатки завтрака. Не хватало воздуха, пот ручьями стекал по шее.

Что я делаю? С каждым оборотом колеса на кусочек уменьшалась моя клятва.

«Слушай меня, Микеле, ты не должен больше ходить туда. Если ты вернешься, они его убьют. И в этом будешь виноват ты».

«Я никогда туда больше не вернусь».

«Поклянись моей головой».

«Клянусь».

«Скажи, клянусь твоей головой, что больше никогда туда не вернусь».

«Клянусь твоей головой, что больше никогда туда не вернусь».

Я нарушал клятву, я ехал к Филиппо, и, если кто-нибудь об этом узнает, они его убьют.

Я от души желал вернуться, но ноги сами крутили педали, и непреодолимая сила влекла меня к холму.

Далекий гром разорвал тишину.

— Надо возвращаться домой, — сказала Барбара, словно услышав мои мысли.

— Да, давайте вернемся, — выдохнул я.

Череп, ухмыляясь, проехал рядом.

— Если вы так боитесь размокнуть от капли дождя, валите домой, от нас не убудет.

Мы с Барбарой переглянулись и продолжили путь.

Ветер усиливался, поднимая в воздух пыль с полей. Было трудно удерживать руль: порывы ветра сдували велосипеды с дороги.

— Вот и приехали. А вы все: далеко, далеко! — сказал Череп, съезжая на щебенку.

Тропинка, ведущая к дому, лежала перед нами. Сальваторе посмотрел на меня и спросил:

— Едем?

— Едем, — выдохнул я.

Мы поехали в гору. Мне стоило усилий не отставать от всех. «Красный дракон» оказался полным дерьмом. Как бы мне ни не хотелось признавать это, но так оно было на самом деле. Если ты наклонялся вперед, то втыкался носом в руль, если пытался переключить передачу, слетала цепь.

С поля, лежащего справа от нас, поднялась стая ворон. С оглушительным карканьем они, расправив крылья, скользили в воздушных потоках.

Серая мгла поглотила солнце, и, казалось, внезапно наступил вечер. Послышался раскат грома. Еще один. Я посмотрел на тучи, мчащиеся по небу и наползающие одна на другую. Одна из них постоянно вспыхивала, словно внутри ее взрывались огни салюта.

Приближалась буря.

А если Филиппо уже умер?

Белый труп, скорчившийся на дне ямы. Покрытый мухами и распухший от личинок и червей, с высохшими руками и серыми губами.

Нет, он не умер.

А вдруг он меня не узнает? Или больше не захочет разговаривать со мной?

«Филиппо, это я, Микеле. Я вернулся. Я же тебе обещал, что опять приду».

«Ты не Микеле. Микеле умер. И лежит в такой же яме, как эта. Уходи».

Заброшенный дом появился перед нами. Он был темен и тих. Молчали цикады и птицы.

Когда мы вошли в дубняк, крупная тяжелая капля ударила меня в лоб, другая — по руке, сразу же еще одна — по спине, и ливень пролился на всего меня. Дождь хлестал густо и сильно. Вода лупила по дубовым листьям, ветер свистел между ветками, почва, словно сухая губка, мгновенно впитывала влагу, и капли прыгали по пересохшей земле и исчезали, а на поля сыпались молнии.

— Прячемся! — орал Череп. — Бежим в укрытие!

Мы, уже промокшие до нитки, понеслись в сторону дома. Я замедлил бег: если увижу 127-й или что-нибудь странное, сбегу.

Но ни машины, ни чего-то странного не было.

Мы влетели в конюшню. Яма была рядом, за развалинами. Мне хотелось побежать туда, открыть ее и увидеть Филиппо, но я боялся, что все последуют за мной.

Они, возбужденные грозой, носились по конюшне. Затем сняли рубашки и стали выжимать их. Барбара была вынуждена оттянуть майку вперед, чтобы мы не увидели ее грудь.

Все нервно смеялись, растирали заолодевшие руки и выглядывали наружу. Казалось, в небе появились дыры.

С каждым раскатом грома огненные вспышки соединяли облака с землей. Площадка перед домом в несколько минут стала огромной лужей, а по стенкам ущелья потекли грязные потоки красной земли.

Филиппо должен был умереть от ужаса. Эта вода может заполнить всю его яму, и, если ее быстро не выкачать, он утонет. Грохот дождя по крыше стал оглушающим.

Я должен пойти к нему.

— Там, наверху, я видел мотоцикл, — услышал я собственный голос.

Все повернулись ко мне.

— Да, да, мотоцикл...

Череп вскочил на ноги словно ужаленный.

— Мотоцикл?

— Да.

— Где он?

— Этажом выше. В последней комнате.

— А что он там делает?

— Откуда я знаю, — пожал я плечами.

— Ты думаешь, он еще там?

— Не знаю. Может быть.

Сальваторе посмотрел на меня с понимающей улыбкой.

— Почему ты об этом нам раньше не рассказывал?

Череп замотал башкой.

— Действительно! Почему ты все время молчал об этом?

Я сглотнул.

— Потому что не до того было. Я исполнял наказание.

Казалось, что Черепа это убедило.

— Пойдем посмотрим. Может быть, он в порядке...

Череп, Сальваторе и Ремо выскочили из хлева и, прикрывая голову руками, помчались прямо по луже.

Барбара дернулась им вслед, но остановилась под дождем:

— А ты чего не идешь?

— Приду. Ты иди, иди.

Вода намочила ей волосы, которые стали похожи на свисающие грязные спагетти.

— Тебя подождать?

— Нет, беги. Я скоро приду.

— Ну, как хочешь. — И убежала.

Я выскочил за угол дома и побежал среди развалин. Сердце стучало в висках, и ноги подгибались. Я выскочил на площадку, ставшую настоящим болотом.

Яма была открыта.

Нигде не было видно ни пластикового листа, ни матраса.

Вода лилась мне за воротник, текла в штаны и трусы, мокрые волосы прилипли ко лбу. Я стоял перед ямой, отверстием черным зевом земли, едва дыша, сжав кулаки; вокруг меня рушились небеса, и раскаленная боль сжимала горло.

Я закрыл и вновь открыл глаза, надеясь, вдруг что-нибудь изменится.

Яма осталась на месте. Черная дыра.

Оскальзываясь, проваливаясь в грязь, я пошел к ней. Провел рукой по лицу, сбрасывая воду. Я почти падал на землю, но продолжал идти.

Остановись. Не смотри. Уходи отсюда.

Я остановился.

Иди. Иди и посмотри.

Нет, не делай этого.

Я посмотрел на сандалии, заляпанные жидкой грязью. Сделай шаг, сказал я себе. И сделал шаг. Сделай другой. Сделал. Молодец. Еще пару шагов. И вот он, край дыры, прямо перед моими ногами.

Я сделал это. Опустил голову и посмотрел на яму.

Я дошел.

Теперь осталось заглянуть внутрь.

Я был уверен, что там, в яме, больше никого нет.

Яма была пуста. В ней никого и ничего не было. Не было ведра, не было кастрюльки. Только грязная вода и намокшее покрывало.

Это означало, что его увели отсюда. Ничего мне не сказав. Не предупредив.

Он исчез, и я с ним даже не попрощался.

Куда он делся? Я не знал этого, но знал, что он мой и что это я должен был увести его отсюда.

— Где ты? — крикнул я сквозь дождь.

Я упал на колени. Я уронил ладони в грязь и сжал их.

— Мотоцикла не существует.

Я обернулся.

Сальваторе.

Он стоял в нескольких шагах от меня, в мокрой рубашке и измазанных грязью брюках.

— Мотоцикла не существует, правда?

Я кивнул.

Он показал на яму:

— Он там?

Я отрицательно покачал головой и пробормотал:

— Они его увели.

Сальваторе подошел к яме, заглянул вниз и посмотрел на меня:

— Я знаю, куда они его дели.

Я медленно поднял голову:

— Где он?

— У Меликетти. Там, внизу, в ущелье.

— Откуда ты это знаешь?

— Я подслушал вчера. Папа велел сделать это твоему отцу и отцу Ремо. Я спрятался за дверью кабинета и все слышал. Они его перевели. Обмен не получился, так они сказали. — Он сдвинул намокшие волосы. — Они сказали, что это место стало ненадежным.

Гроза закончилась.

Внезапно. Так же, как началась.

И быстро удалилась. Темная масса, нависавшая над полями и пролившаяся на них, пошла дальше своей дорогой.

Мы спустились по тропинке.

Воздух был таким промытым, что вдаль, за краем охристой долины, виднелась бирюзовая полоска. Море. Впервые я видел его из Акуа Траверсе.

Ливень оставил острый запах травы и сырой земли и немного свежести. Бегущие по небу облака были белыми и рваными, и острые слепящие лучи солнца скользили по долине. Птицы возобновили свои песни, словно соревнуясь в том, кто кого перепоеет.

Черепу я сказал, что пошутил.

— Нехреновая шуточка, — оценил он.

У меня было предчувствие, что никто никогда больше не пойдет на этот холм: до него слишком далеко и нет ничего красивого в этих старых развалинах.

Филиппо кончил жизнь у Меликетти, в свином загоне, потому что обмен не состоялся и потому что яма перестала быть надежным тайником. Так они сказали. И ни при чем здесь ни властелины холмов, ни монстры, которых я себе воображал.

«Кончай ты с этими монстрами, Микеле. Монстров не существует. Людей надо опасаться, а не монстров». Так мне сказал однажды папа.

Как он мог такое сделать? Я бы никогда так не поступил.

Кошка, когда поймает ящерицу, играет ею, даже когда кишки ей выпустит и хвост оторвет. Тихонько следит за ящеркой, замирает, а потом хватает ее и забавляется, пока та не умрет, а когда она уже не шевелится, трогает ее брезгливо лапкой, та не шевелится больше, и тогда кошка еще раз смотрит на нее, а потом уходит.

Оглушительный металлический грохот разорвал тишину и заполнил все вокруг.

— Смотрите! Смотрите! — заорала Барбара, указывая в небо.

Из-за холма показались два вертолета. Две голубые железные стрекозы с надписями на боках: «Карабинеры».

Они пролетели прямо над нами, мы принялись размахивать руками и орать, и они одновременно развернулись, словно хотели убедиться, какие мы молодцы, а затем спланировали над самыми полями, пролетели над крышами Акуа Траверсе и исчезли за горизонтом.

Взрослых нигде не было видно. Автомобили стояли, где всегда, но их нигде не было.

Пустые дома с распахнутыми дверями. Мы бегали от одного дома к другому. Барбара была обеспокоена.

— У тебя есть кто дома?

— Нет. А у тебя?

— У меня тоже.

— Куда ж они подевались? — тяжело дыша, спросил Ремо. — Я даже на огород заглянул.

— Что будем делать? — спросила Барбара.

— Не знаю, — ответил я.

Череп шагал посреди дороги с руками в карманах и свирепым взглядом, словно наемный убийца в деревне призраков.

— Ну и наплевать. Так даже лучше. Я давно ждал, когда они все свалят в задницу. — И сплюнул.

— Микеле!

Я обернулся.

Сестра в майке и шортах со своими Барби в руке и Того, следовавшим за ней тенью. Я подбежал к ней:

— Мария! Куда подевались взрослые?

Она спокойно ответила:

— Они в доме Сальваторе.

— Что случилось?

Она показала на небо:

— Вертолеты.

— И что?

Прилетели вертолеты, и все выбежали на улицу, долго кричали, а потом ушли в дом Сальваторе.

— Зачем?

— А я откуда знаю.

Я посмотрел кругом. Сальваторе тоже не было.

— А ты чего здесь делаешь?

— Мама сказала, что я должна ждать ее здесь. Она спросила, куда уехал ты.

— И ты что ответила?

— Что ты уехал на гору.

Взрослые оставались в доме Сальваторе до самого вечера.

Мы ожидали их на улице, сидя на борту фонтана.

— Когда они закончат? — спросила меня Мария в сотый раз.

И в сотый раз я ей ответил:

— Откуда я знаю когда.

Нам было велено ждать, пока они закончат разговоры.

Барбара взбегала по лестнице и стучала в дверь каждые пять минут, но никто не открывал.

— О чем можно говорить так долго? — возмущалась она.

— Не знаю.

Череп ушел вместе с Ремо. Сальваторе, скорее всего, укрылся в своей комнате. Барбара уселась рядом:

— Наверное, что-то случилось.

Я пожал плечами.

Она посмотрела на меня:

— Ты чего?

— Ничего. Устал.

— Барбара! — Анжела Мура выглянула из окна. — Барбара, ступай домой.

Барбара спросила:

— А ты когда придешь?

— Скоро. Ступай.

Барбара помахала мне рукой и печально ушла.

— А когда моя мама выйдет? — спросила Мария у Анжелы Мура.

Та посмотрела на нас и сказала:

— Идите домой и поужинайте сами, скоро она придет. — И закрыла окно.

Мария отрицательно покачала головой:

— Никуда я не пойду, буду ждать здесь.

Я поднялся:

— Пойдем, так будет лучше.

— Нет!

— Пошли, пошли. Дай мне руку.

Мария скрестила руки на груди:

— Нет! Я останусь тут на всю ночь, мне все равно.

— Дай мне руку, ну-ка!

Она поправила очки и поднялась:

— Только спать я не буду.

— Ну и не спи.

И, рука в руке, мы вернулись в дом.

Они кричали так громко, что мы проснулись.

Мы уже ко всему привыкли. К ночным собраниям, к шуму, к разговорам на высоких тонах, к битью посуды, но на этот раз они уж очень громко кричали.

— Чего они так орут? — спросила Мария, лежавшая в кровати.

— Не знаю.

— А сколько времени?

— Поздно.

Была глубокая ночь, в нашей комнате стояла темень.

— Попроси их прекратить, они не дают мне спать, — пожаловалась Мария. — Скажи, чтобы кричали чуть тише.

— Я не могу.

Я пытался расслышать, о чем они говорят, но голоса смешивались в общий ор.

Мария перебралась в мою постель:

— Я боюсь.

— Они тоже боятся.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что кричат.

В этих криках слышалось шипенье разъяренных ящериц.

Ящерицы, когда не могут спастись бегом и чувствуют, что их вот-вот схватят, разевают пасть, надуваются и шипят, стараясь напугать тебя, потому что они сами тебя боятся, ты огромный, и последнее, что им остается, — попытаться спастись. А вдруг тебе неизвестно, что они добрые, что ничего плохого не делают и ты их не тронешь.

Дверь открылась. На мгновение комната осветилась. Я увидел темную фигуру мамы и за ней старика.

Мама прикрыла дверь:

— Вы проснулись?

— Да, — ответили мы хором.

Она зажгла лампу на комод. В ее руке была тарелка с хлебом и сыром. Она присела на край кровати.

— Я принесла вам поесть, — сказала она уставшим тихим голосом. Под глазами были темные круги, волосы в беспорядке, она выглядела постаревшей. — Покушайте и постарайтесь заснуть.

— Мама?.. — начала Мария. Мама поставила тарелку на колени.

— Что, дочка?

— Что-то случилось?

— Ничего не случилось. — Мама попыталась отрезать сыр, но руки у нее дрожали. Она не умела притворяться. — Давайте ешьте, а потом... — Она нагнулась, поставила тарелку на пол, сжала голову руками и тихо заплакала.

— Мама... мама... Почему ты плачешь? — зашмыгала носом Мария.

Я тоже почувствовал комок в горле.

— Мама?

Она подняла голову и посмотрела на меня опухшими покрасневшими глазами:

— Что тебе?

— Он умер, да?

Она залепила мне пощечину.

— Никто не умер! Никто не умер! — Боль исказила ее лицо, и она прошептала: — Ты еще слишком маленький... — Она всхлипнула и прижала меня к груди.

Я заплакал.

Сейчас плакали все.

А за дверью орал старик.

Мама услышала крик и оторвалась от меня.

— Ну хватит! — Вытерла слезы. Протянула нам хлеб и сыр: — Ешьте.

Мария вцепилась зубами в бутерброд, но глотать ей мешали рыдания. Мама взяла его из ее руки.

— Вы не голодны? Ну ничего. — Она забрала тарелку. — Оставайтесь в постели. — Она схватила подушки и выключила свет. — Если вам будет мешать шум, накройте подушками. — И положила их нам на головы.

Я попытался скинуть подушку.

— Мама, ну пожалуйста, не надо. Нечем дышать.

— Слушайся меня! — взорвалась она и нажала на подушку.

Мария зашлась в плаче, словно ее резали.

— Прекрати! — Мама закричала так громко, что на мгновение за стеной прекратили ругаться.

Я испугался, что она сейчас ударит Марию. Мария умолкла.

Если мы двигались или подавали голос, мама, как заезженная пластинка, повторяла:

— Тс-с-с! Молчите!

Я притворился спящим и надеялся, что Мария сделает так же. Скоро успокоилась и она.

Мама еще немного посидела с нами, я надеялся, что она будет здесь всю ночь, но она поднялась. Видимо, подумала, что мы уснули, и вышла, плотно прикрыв дверь.

Мы сбросили подушки. Было темно, но свет уличных фонарей проникал в комнату. Я встал.

Мария села на кровати и, нацепив очки, спросила:

— Ты чего?

Я поднял палец к губам:

— Тш-ш-ш!

И приложил ухо к двери.

Они продолжали спорить, на этот раз тихо. Я слышал голос Феличе и голос старика, но слов разобрать не мог. Я посмотрел в замочную скважину, но увидел только стену.

Я нажал на ручку.

Мария замахала руками:

— Ты что, с ума сошел?

Тихо! — И приоткрыл дверь.

Феличе стоял рядом с кухней. На нем был зеленый комбинезон, застегнутый до самого подбородка. Взгляд был пристальный, губы сжаты. Волосы он подстриг под ноль.

— Я?! — взвыл он, ткнув себя в грудь.

— Да, ты, — ответил старик. Он сидел за столом, положив ногу на ногу, с сигаретой в руках и жесткой улыбкой на губах.

— Это я — пидор?!

— Именно так, — подтвердил старик.

Феличе потряс головой.

— И с чего ты это взял?

— По всему видно. Пидор он и есть пидор. Этого не скроешь. И знаешь, что хуже всего? — посмотрел ему в глаза старик.

— Нет. И что же? — заинтересованно поднял брови Феличе.

Они казались друзьями, обменивающимися секретами.

Старик погасил окурок о тарелку.

— То, что ты так ничего о себе и не понял. В этом твоя проблема. Ты родился пидором и не понимаешь этого и ведешь себя так, как ведут только педерасты, везде, где можешь, зад подставляешь, треплешься без умолку, и все, что делаешь или говоришь, фальшиво, как у истинного педераста. А ты уже взрослый парень, в постель не ссышься. Задумайся над тем, как ты

ведешь себя, недоносок.

Папа, казалось, прислушивался к разговору, но был где-то в другом месте. Парикмахер стоял, подперев дверь, словно дом вот-вот должен был завалиться. Мама с отсутствующим взглядом сидела на диване. Телевизор перед ней работал с убранным звуком. Вокруг лампочки роились мошки и, обжегшись, падали в белые тарелки.

— Слушайте, а давайте отдадим ему его, — произнес неожиданно папа.

Старик посмотрел на папу и ухмыльнулся:

— Тебе бы лучше помолчать, понял?

Феличе тоже посмотрел на папу, а потом подошел к старику.

— Ладно, я педераст, а ты, ты — кусок дерьма, за это и получи! — И врезал ему кулаком прямо в зубы.

Старик рухнул на пол.

Я сделал два шага назад и схватился за голову. Феличе колотил старика. Я задрожал, не осмеливаясь подойти к двери и посмотреть.

На кухне закричал папа:

— Ты что, совсем охренел? Крыша съехала? — Схватил Феличе за руку, пытаюсь оттащить от старика.

— Этот ублюдок назвал меня пидором. — Феличе вырывался из папиных рук. — Я убью его...

Старик лежал на полу. Мне стало жаль его. Я хотел бы ему помочь, но не мог. Он старался подняться, но ноги у него скользили по полу, а руки не держали. Из рта шла кровь. Его очки валялись под столом. Штанины задрались, и я не мог оторвать глаз от его белых безволосых икр. Наконец старику удалось ухватиться за край стола, и

он, с усилием подтянувшись, медленно встал на ноги. Взял салфетку и прижал ее к губам.

Мама плакала на диване. Брадобрей, словно прибитый гвоздями к двери, стоял с выражением ужаса в глазах.

Феличе сделал два шага к старику, несмотря на то что папа пытался удержать его...

— Ну как? По-твоему, это удар пидора, да? Только скажи еще раз, что я пидор, и клянусь, с земли никогда больше не встанешь.

Старик уселся на стул, промокая салфеткой огромную трещину на губе. Затем поднял голову, пристально посмотрел на Феличе и сказал твердым голосом:

— Если ты мужчина, докажи нам это, сейчас. — Ненависть читалась в его взгляде. — Ты сказал, что это по твоей вине, что ты не исполнил того, что должен был. Как ты сказал? Я вспорю его, как барана, мне раз плюнуть. Я десантник. Я то, я се. Болтун, вот ты кто на самом деле. Ты хуже собаки, ты был не способен даже караулить пацана. — Капля крови упала на стол.

— Дерьмо! — взвыл Феличе, оттаскиваемый папой. — Не буду я этого делать! Почему я должен, почему? — По его бритым щекам покатались слезы.

— Помоги мне! Помоги! — крикнул папа Барбаринному отцу.

Тот набросился на Феличе, и им вдвоем с трудом удавалось удерживать парня.

— Я не сделаю этого, сволочь! — повторял Феличе. — Я не пойду в тюрьму за тебя. Даже и не думай!

Сейчас он его убьет, подумал я. Старик поднялся на ноги.

— Тогда я сам сделаю это. Но учти, если туда пойду я, ты тоже сядешь, отморозок. Я тебя уверяю.

Феличе вырвался из рук папы и Барбаринного отца, стряхнув их, словно перхоть, и бросился к старику.

Старик вытащил из кармана пистолет и положил на стол.

— Ну, давай, сучонок, попробуй еще раз ударить меня. Давай, давай. Я прошу тебя, ударь...

Феличе застыл на месте, как в игре «раз-два-три, замри!».

Папа встал между ними.

— Хватит! Успокойтесь, наконец!

— Ну давай! — Старик засунул пистолет за пояс.

Мама сидела в углу, плакала и повторяла, держа руку у рта:

— Тихо! Прошу вас, тише! Прошу вас, тише!

— Почему он его хочет застрелить?

Я повернулся: Мария стояла у меня за спиной.

— Возвращайся в постель! — прошипел я. Она отрицательно покачала головой.

— Мария, вернись в постель!

— Мария сжала губы и покачала головой — нет. Я поднял руку, чтобы дать ей подзатыльник. Но сдержался.

— Ложись, ложись и не пытайся заплакать.

Она подчинилась.

Папе тем временем удалось усадить всех. Сам он продолжал ходить по кухне, блестя глазами, словно у него внутри включили свет.

— Хватит! Давайте решать. Сколько нас? Осталось только четверо. Самых идиотов. Ну и ладно. Кто проигрывает, тот его и убивает. Это не так трудно.

— И получает пожизненное, — сказал брадобрей, вытерев вспотевший лоб.

— Bravo! — Старик захлопал в ладоши. — Наконец-то вы начали соображать.

Папа взял коробок спичек и высыпал их на стол.

— Вот так. Сыграем в игру. Вы знаете ее?

Я закрыл дверь.

Я знал эту игру.

В темноте я нашарил майку, штаны и стал одеваться. Куда задевались сандалии?

Мария села на кровати и смотрела на меня.

— Ты чего?

— Ничего.

Сандалии я нашел в углу.

— Куда ты собрался? Я застегнул сандалии.

— Куда надо.

— Хочешь, я тебе скажу одну вещь? Ты плохой. Очень плохой.

Я наступил на кровать, а оттуда — на подоконник.

— Что ты делаешь?

Я посмотрел вниз.

— Иду к Филиппо.

Отец, к счастью, припарковал грузовик прямо под окном.

— А кто этот Филиппо?

— Один мой друг.

Было высоко, я боялся, что тент грузовика не выдержит, он был почти гнилой. Папа все время говорил, что пора покупать новый. Если я прыгну ногами вперед, то он точно прорвется, и я шлепнусь на дно кузова.

— Если ты это сделаешь, я маме пожалуюсь.

Я посмотрел на нее:

— Успокойся. И спи. А если придет мама... Скажешь ей... Скажешь... Скажешь, что в голову придет.

— Она очень рассердится.

— Ну и пусть. — Я перекрестился, задержал дыхание, сделал шаг вперед и упал вниз, широко расставив руки.

Я приземлился прямо на спину в самую середину тента, без единой царапины. Тент выдержал. Мария высунулась из окна:

— Вернись сейчас же. Я тебя прошу.

— Скоро вернусь. Не беспокойся. — Я перебрался на кабину, а оттуда на землю.

Дорога тонула в темноте. Дома стояли темные и молчаливые. Единственные освещенные окна были в моем доме. Фонарь у фонтана был окружен роем мошкар.

Облака затянули небо, и селение было окружено мраком. И мне предстояло войти в него, чтобы отправиться к ферме Меликетти.

Я должен был найти в себе мужество.

Тайгер Джек. Думай о Тайгере Джеке.

Индеец мне бы помог. Прежде чем сделать что-нибудь, я должен думать, как бы в этом случае поступил на моем месте индеец. В этом весь секрет.

Я забежал за угол взять велосипед. Сердце колотилось в груди.

Яркий «Red Dragon» стоял, нагло привалившись к Бульдозеру.

Я собрался было взять новый велосипед, но остановился, я же не сумасшедший, куда я доберусь на этом драндулете?

Старик Бульдозер летел как птица.

— Вперед, Тайгер, вперед! — причитал я.

Я ехал сквозь чернила, едва различая дорогу, а когда ее не видел, то представлял в памяти. Порой острый лунный луч прорывался сквозь разрывы в облаках, затянувших небо, и на мгновение становились видны поля и очертания холмов по обеим сторонам дороги.

Я, сжав зубы, мчался вперед.

Раз, два, три, вдох...

Раз, два, три, вдох...

Шины хрустели по гравию. Ветер облеплял лицо, словно теплая сметана.

Пронзительный вскрик совы и далекий лай собаки. И вновь тишина.

Но я чувствовал *их* во мраке. Я представлял, как они стоят вдоль дороги, маленькие существа с лисьими ушами и красными глазами, следя за мной и говоря друг другу:

— Смотри! Смотри, мальчишка!

— Что он делает ночью в этих краях?

— Схватим его!

— Да, да, да, прекрасная мысль... Схватим его!

А позади них стояли властелины холмов, гиганты в земле и колосьях, не сводившие с меня глаз и ожидавшие, когда я остановлюсь, чтобы навалиться на меня и похоронить под собой. Я чувствовал их дыхание. Оно походило на звук ветра в колосьях.

— Филиппо, я скоро буду... Филиппо, я иду, — повторял я, дыша с трудом.

Чем ближе была ферма, тем сильнее и удушливее становился охватывавший меня ужас.

Свиньи Меликетти, вот в чем дело.

Волосы на макушке встали дыбом.

Властелины холмов и полей наводили на меня страх, но я знал, что их не бывает, что я их себе навоображал, о них я не мог поговорить ни с кем, меня бы высмеяли. Но свиней, наоборот, можно обсуждать долго, потому что они существуют на самом деле, готовые сожрать все, что попадет.

Живая плоть.

«Пес попытался сбежать, но свиньи не дали ему это сделать. Сожрали в два счета», — сказал Череп.

Не исключено, что Меликетти на ночь выпускает их, и они бродят вокруг фермы, огромные, злые, вынюхивая что-то своими зверскими рылами.

Чем дальше мне быть от этих тварей, тем лучше.

Вдали мелькнул и исчез во мраке лучик света.

Ферма. Я почти на месте.

Я затормозил. Ветра больше не было. Горячий воздух замер. Из ущелья доносился стрекот цикад. Я слез с велосипеда и положил его рядом с дорогой в кусты.

Ничего не было видно.

Затаив дыхание и напряженно вглядываясь в темноту, я быстро взбирался вверх по склону. Я ничего не мог поделывать со своим воображением, и мне казалось, что вот-вот монстры вцепятся мне в горло острыми когтями. Сейчас, когда я шел пешком, вокруг меня в непроницаемой мгле слышались странные звуки, скрипы, вздохи. Я облизнул пересохшие губы и почувствовал горький вкус во рту. Сердце стучало у меня в горле.

Я наступил сандалией на что-то липкое, поскользнулся, взвизгнул и свалился на землю, расцарапав колено.

— Кто здесь? Что это?! — вскрикнул я, соскребая с себя нечто, ощущая, как желеобразные жгучие щупальца облепили меня.

Глухой шум и «буа, буа, буа».

Жаба! Я наступил на жабу. Какого черта она разлеглась посреди дороги!

Я поднялся и, хромая, поковылял дальше.

Как же я не взял с собой фонарик! Я же мог взять тот, что лежал в кабине грузовика.

Добравшись до ограды двора, я спрятался за деревом.

В сотне метров от меня стоял дом с темными окнами. Единственная лампочка свешивалась у входной двери, освещая кусок облупленной стены и ржавое кресло-качалку.

Чуть дальше, у ущелья, находился загон для свиней. Уже отсюда чувствовалась отвратительная вонь.

Где бы мог находиться Филиппо?

Внизу, в ущелье, сказал Сальваторе. В этом длинном горном коридоре я бывал с папой пару раз зимой, собирали грибы. Сплошные валуны, пещеры и каменные стены.

Если я пересеку поляну, то окажусь у края ущелья, а оттуда смогу спуститься на его дно, не приближаясь к дому.

Это был неплохой план.

Я остановился у обрыва. Внизу было так темно, что я не мог разглядеть, насколько он крут и есть ли выступы.

Я продолжал клясть себя за то, что не взял фонарь. Без него мне здесь не спуститься, я рисковал свернуть себе шею.

Оставалось одно — пойти к дому, рядом с ним ущелье было неглубоким, и от него начиналась тропинка, ведущая вниз. Но там были и свиньи.

Я покрылся потом.

«У свиней самый лучший нюх на свете», — говорил отец Черепа, заядлый охотник.

Я не мог миновать их. Они точно меня учуют.

Что сделал бы на моем месте Тайгер Джек?

Он пошел бы прямо к ним и перестрелял из своего винчестера, разделал на сосиски, поджарил и съел бы.

Нет. Это не в его стиле.

Что бы он сделал?

Думай, приказал я себе, напрягись.

Он постарался бы избавиться от человеческого запаха, вот что бы он сделал. Индейцы, когда шли охотиться на бизонов, обмазывались жиром и надевали на спину шкуры. Вот что я должен сделать: я должен намазаться землей. Нет, не землей, а навозом. Это будет лучше. Если от меня будет пахнуть их дерьмом, они точно не обратят на меня внимания.

Я подкрался почти к самому дому, оставаясь в темноте.

Вонь усилилась.

Сквозь стрекот цикад стал слышен другой звук: музыка. Пианино и низкий голос, певший: «...какая ледяная эта вода, никто не сможет спасти меня, я упал за борт, я упал во время бала на палубе. Волна за волной...»

Меликетти, что ли, поет?

Кто-то сидел в кресле-качалке. На земле рядом с креслом стоял радиоприемник. Это или Меликетти, или его хромая дочка.

Я огляделся, прячась за старым тракторным колесом.

Сидевший казался мертвым.

Я подкрался поближе.

Это был Меликетти.

Его усохшая голова покоилась на грязной подушке, рот открыт, на коленях двустволка. Он храпел так сильно, что доносилось даже сюда.

Путь был свободен.

Я вышел из укрытия, сделал несколько шагов, и отрывистый лай разорвал тишину. На мгновение умолкли даже цикады.

Собака! Я забыл про собаку.

Два красных глаза сверкнули в темноте. Цепь сдавливала собаке глотку, и она хрипло лаяла.

Я рыбкой нырнул в стерню.

— Что? Ты чего? Какая муха тебя укусила? — подскочил и закрутил головой, словно филин, Меликетти. — Тиберио! Хорош лаять! Успокойся, Тиберио!

Но пес не унимался. Меликетти нагнулся, выключил радио и зажег фонарь.

— Кто там? Кто там? Там есть кто? — крикнул он в темноту и, светя вокруг фонарем, сделал пару кругов по двору с двустволкой под мышкой. — Прекрати базар. Нет там никого!

Псина улеглась на землю, продолжая глухо рычать.

Меликетти вошел в дом, хлопнув дверью.

Я, стараясь держаться подальше от пса, пошел к свинарнику. Вонь усилилась, казалось, она заполнила меня всего.

Но мне надо было маскироваться. Я снял майку и брюки. Погрузил трусы в пропитанную мочой землю и, отвернув нос, начал обмазывать грудь, плечи, ноги и лицо этой жуткой жижей.

— Вперед, Тайгер! Вперед, и не останавливаться, — шептал я.

Встал на четвереньки и пошел от загона. Это было трудно: руки и ноги тонули в грязи.

Пес вновь принялся лаять.

Я очутился между двумя оградами. Передо мной терялся во мраке коридор шириной не меньше метра.

Я слышал их. Они были рядом. Они издавали низкие глубокие звуки, напоминавшие рык льва. Я ощущал их мощь в темноте, они топали копытами все вместе, и забор дрожал от их толчков.

Вперед, и не оглядываться, приказал я себе.

Я молил Бога, чтобы моя маскировка из дерьма сработала. Если хоть одна из этих зверюг просунет рыло в щель между досками, то одним махом оттяпает мне ногу.

Я был уже у самого конца ограды, когда неожиданно услышал хрюканье и в метре от себя увидел два уставившихся желтых злобных глаза. За этими маленькими фонариками я почувствовал сотни килограммов мускулов, мяса, щетины, копыт и клыков.

Мы смотрели друг на друга бесконечно долго, потом тварь сделала прыжок, и мне почудилось, что сейчас она перепрыгнет забор.

Я заорал, вскочил на ноги, побежал, поскользнулся, упал в навоз, вскочил вновь, опять побежал, с открытым ртом, в черноту, и... взлетел в воздух. Сердце выскочило из груди, и кишки как будто кто-то больно сжал в кулак.

Я летел с обрыва. В никуда.

Метром ниже мой полет закончился среди веток оливы, криво росшей меж отвесных камней.

Я обхватил ствол руками. Если бы не было этого благословенного дерева, прервавшего мой полет, я бы разбился о камни. Как Франческо.

Я сделал попытку пошевелиться, олива заколыхалась, словно флагшток. Сейчас свалюсь вместе с деревом, подумал я.

У меня дрожали руки и ноги. Только нащупав руками камень и сев на его край, я перевел дух.

Луна появилась в разрыве облаков и все кругом осветила.

Передо мной направо и налево на сотни метров тянулось ущелье. Полное пещер, обрывов и деревьев.

Филиппо мог находиться в нем где угодно.

Справа от меня была видна узкая тропинка, петляющая между белых валунов. Рядом я разглядел воткнутую в землю жердь с привязанной к ней растрепанной веревкой. Я ухватился за веревку и стал спускаться по крутому склону. Через несколько метров я очутился на площадке, покрытой пометом. Ее окружала ограда-плетень. На одной из жердин висели одежда, веревки, серпы. Чуть дальше лежала большая связка хвороста. К корню, торчавшему из земли, были привязаны три козленка и большая коза. Они уставились на меня.

— Вместо того чтобы пялиться на меня как дуры, сказали б, где Филиппо, — прошипел я.

Темная, беззвучная тень скользнула сверху, промчалась над самой моей головой, задев волосы.

Сова.

Она взлетела, растворившись во мраке, затем вновь полетела ко мне, чиркнула по волосам и вновь взмыла в небо.

Странно. Совы — хорошие птицы.

Почему она на меня нападала?

— Ухожу, ухожу, — сказал я сове.

Тропинка шла вниз, и я продолжил спускаться, держась за веревку. Я был вынужден идти, низко нагнувшись, рукой ощупывая все, что попадалось на пути, как это делают слепые. Когда я добрался до дна ущелья, я разинул рот: мышиный терн, репейник, земляничные деревья, камни — все было покрыто сверкающими точками, которые пульсировали в ночи, будто маленькие миниатюрные фонарики. Светлячки.

Тучи поредели, и луна вновь залила ущелье своим желтым светом. Стрекотали цикады. Собака Меликетти прекратила лаять. Наступил покой.

Впереди росла оливковая рощица, а за спиной, на моем склоне ущелья, показалась узкая каменная щель. Оттуда тянуло кислым запахом навоза. Я сунул голову в щель и услышал шорох и бляение: овцы. Их закрыли в пещерке металлической решеткой, напихав, словно сардин в банку. Для Филиппо места явно не было.

Я перебрался на противоположный склон, но здесь не было видно пещер, где можно было бы спрятать мальчишку.

Когда я сиганул из окна, мне даже в голову не могло прийти, что, быть может, найти его не удастся. Я думал, что достаточно будет пройти сквозь мрак, не дать сожрать себя свиньям — и вот он, здесь.

Не тут-то было.

Ущелье было очень длинным, к тому же Филиппо могли спрятать в другом месте.

Я пал духом.

— Филиппо, где ты? — крикнул я сдавленным голосом, чтобы Меликетти не смог меня услышать. — Ответь мне! Где ты? Отзовись!

В ответ ни звука.

Ответила только сова. Она издала странный звук, вроде как произнесла: *все мое, все мое, все мое*. Наверное, та, что нападала на

меня.

Это было несправедливо. Я проделал такой путь, рисковал жизнью из-за него, а он не отыскивался. От отчаяния я начал бегать туда-сюда среди камней и олив, затем поднял ветку и начал колотить ею по камням, пока не ободрал себе руки. Сел. Покачал головой, чтобы вытрясти из нее мысль о том, что все мои усилия оказались напрасными.

Я умчался из дома как угорелый. Папа наверняка очень рассердится. Точно меня выпорет.

Они, должно быть, уже обнаружили, что меня нет в комнате. Но даже если еще и не обнаружили, все равно скоро придут убивать Филиппо. Впереди — папа со стариком, за ними — Феличе и брадобрей. На полной скорости, на машине старика, давя шинами жаб.

Микеле, чего ты ждешь? Возвращайся домой, приказал мне голос сестры.

— Возвращаюсь, — ответил я вслух.

Я сделал все, что мог, не моя вина, что он не находился. Не моя.

Я должен был поспешить, они могли появиться с минуты на минуту.

Если я побегу изо всех сил, нигде не останавливаясь, может быть, появлюсь дома еще до их ухода. И никто ничего не заметит. Это было бы здорово.

Я бросился в обратный путь между камнями. Сейчас, когда стало чуть светлее, это было не так сложно.

Сова. Она летала над площадкой, и, когда пересекала диск луны, я видел ее черную тень, широкие короткие крылья.

— Чего тебе надо? — крикнул я ей, когда бежал через площадку, и птица вновь спикировала на меня. Я отбежал в сторону, обернулся и посмотрел на эту сумасшедшую сову.

Она продолжала носиться над площадкой. Иногда она ударяла крылом связку хвоста, лежащую у стены, делала круг и возвращалась вновь. Упрямая.

Но почему она делала это? Охотилась за мышью? Вряд ли. Тогда что?

Гнездо!

Точно. Гнездо. А в нем совыта.

Как ласточки, если выгонишь их из гнезда, будут носиться кругами, пока не умрут от усталости.

Кто-то завалил гнездо совы. А совы устраивают гнезда в пещерах.

Пещера!

Я вернулся назад и принялся разбрасывать жерди, в то время как сова вновь и вновь падала на меня.

— Подожди ты! Я сейчас! — крикнул я ей.

Вот она, хорошо скрытая дыра в камнях! Овальная, широкая, словно колесо грузовика.

Сова нырнула в отверстие.

Внутри пещеры темень была, как деготь. Пахло горелым деревом и золой. Я не мог понять, насколько она глубока.

Я сунул в пещеру голову и позвал:

— Филиппо!

Мне ответило эхо.

— Филиппо! — позвал я громче. — Филиппо!

Подождал. Никакого ответа.

— Филиппо, ты слышишь меня?

Его здесь не было.

Его здесь нет. Беги домой, повторил голос сестры.

Я сделал пару шагов назад, когда внезапно мне послышался глухой стон.

Может, показалось?

Я вернулся к дыре, просунул голову поглубже.

— Филиппо! Филиппо, ты здесь?

Из темноты я услышал: *м-м-м-м, м-м-м-м, м-м-м-м!*

— Филиппо, это ты?

— М-м-м-м!

Он! Точно он!

Я почувствовал, как тяжесть навалилась мне на грудь, я оперся о стену и сполз вниз. И остался сидеть на этой площадке в козлиных какашках, с улыбкой на губах.

Я его нашел.

Из моих глаз полились слезы. Я вытер их рукой.

— М-м-м-м!

Я поднялся.

— Иду! Я сейчас приду. Ты видишь? Я пришел, как обещал. Видишь?

Веревка. Я нашел ее, висящую на жерди плетня, привязал к корню, рядом с той, что держала коз, и бросил в дыру.

Вот и я!

Я начал спускаться. Метра через два я достиг дна. Оно было завалено хворостом, ветками, разбитыми ящиками из-под помидоров. Встав на четвереньки, я пополз, нащупывая рукой путь в темноте. Я был голым и скоро начал трястись от холода.

— Филиппо, ты где?

— М-м-м-м!

Они заткнули ему рот.

— Я сей... — Нога попала между двух жердей, я полетел на ветки, полные шипов. Острая боль вцепилась зубами в лодыжку. Я заорал от боли, и горячая кислая рвота выплеснулась из меня.

Дрожащими руками я вытащил зажатую ногу. Сильная боль пульсировала в щиколотке.

— Знаешь, я ногу поранил, — прохрипел я. — Ты где?

— М-м-м-м!

Я сжал зубы, пополз на это мычание и наткнулся на него. Он лежал, заваленный хворостом. Я сбросил ветки и ощупал его. Тоже голый. Руки и ноги стянуты широким скотчем.

— Говорить не можешь? Подожди, я освобожу тебя. Будет немного больно.

Я сорвал скотч с его губ. Он не закричал, а начал глубоко глотать воздух.

— Ну, как ты?

Он не отвечал.

— Филиппо, как ты себя чувствуешь, ответь мне.

Он тяжело дышал, словно охотничья собака, укушенная ядовитой змеей.

— Тебе плохо?

Я дотронулся до его груди. Она очень быстро вздымалась и опадала.

— Сейчас мы уйдем отсюда. Уйдем. Подожди. — Я попытался освободить его руки и ноги. Стянуто туго. В конце концов зубами мне удалось слой за слоем сорвать скотч. Сначала с рук, затем с ног. — Ну

вот и все. Пошли. — Я потянул его за руку. Но рука безжизненно обвисла. — Вставай, прошу тебя. Мы должны идти. Они уже едут сюда. — Я попытался поставить его на ноги, но он опадал, словно тряпичная кукла. В этом истощенном тельце не было ни капли сил. Он не был мертв только потому, что продолжал дышать. — Я не смогу вытащить тебя из ямы. У меня болит нога. Я прошу тебя, Филиппо, помоги мне... — Я взял его за руку. — Давай вставай! — Я усадил его, но, как только отпустил, он опять свалился на землю. — Ну что мне делать! Ты что, не понимаешь? Тебя убьют, если ты останешься здесь! — Комок встал у меня в горле. — Умрешь здесь, дурак, какой же ты дурак! Я пришел сюда из-за тебя, я тебе обещал это, и я пришел, а ты... а ты... — Меня затрясло от рыданий. — Ты... должен... встать... дурак... дурак... больше ты никто. — Я вновь и вновь пытался привести его в чувство, но он валился в золу с поникшей головой, словно дохлая курица. — Встань! Встань! — орал я и колотил его кулаками.

Я не знал, что мне делать. Я уселся у стены и уперся лбом в колени.

— Ты же еще не умер, понимаешь? — Я продолжал плакать. — И это вовсе не рай.

Неожиданно он прекратил тяжело дышать и что-то пробормотал.

Я приблизил ухо к его губам.

— Что ты сказал?

Он прошептал:

— У меня не получится.

Я замотал головой:

— Как то есть не получится, еще как получится!

— Нет, извини меня.

— Получится, конечно, получится.

Но он замолк. Я обнял его. Покрытые только грязью, мы дрожали от холода. Ничего нельзя было поделать. Не получится даже у меня. Я чувствовал смертельную усталость, не было никаких сил, боль продолжала терзать щиколотку. Я закрыл глаза, сердце потихоньку успокаивалось, и я, незаметно для себя, задремал.

Я открыл глаза.

Было темно. На мгновение мне почудилось, что я дома, в своей постели.

Затем я услышал лай собаки Меликетти. И голоса.

Они пришли.

Я рванул Филиппо за плечо:

— Филиппо! Филиппо, они идут. Они идут убивать тебя. Вставай!

Он вздохнул:

— Не могу.

— Можешь, я знаю. Спорим?

Я встал на колени и руками сдвинул его по земле между веток, не обращая внимания на боль в ноге. Мне надо было дотолкать его до дыры. Ветки царапали меня, но я продолжал толкать его, сжав зубы, к отверстию в камнях.

Голоса приближались. Яркий свет пробежал по верхушкам деревьев.

Я схватил его за руку.

— Сейчас ты должен встать на ноги. Ты должен сделать это. И все. — Я потянул его вверх, он обхватил меня за шею. Мы встали. — Видишь, дурачок! Видишь, ты смог встать, а! Ну а теперь надо подниматься. Я тебя подтолкну снизу, а ты должен схватиться за края дыры.

Он закашлялся. Казалось, в груди у него перекатываются камни. Когда он наконец прекратил кашлять, то склонил голову и сказал:

— Без тебя я не уйду.

— Что?

— Без тебя я не уйду.

Я обнял его, словно несмышленого ребенка.

— Не говори глупостей. Я выберусь вслед за тобой.

Казалось, они уже рядом. Собака лаяла почти над нашими головами.

— Нет.

— Да! Ты сейчас пойдешь, понял! — Если б я его не держал, он свалился бы наземь. Я обхватил его руками и подтолкнул к дыре: — Берись за веревку, быстрее!

Я почувствовал, что стало легче. Он подтянулся. Этот дурак подтянулся на веревке! Он был надо мной. Опираясь ногами на мои плечи.

— Сейчас я тебя подтолкну, а ты продолжай подтягиваться, хорошо? Не сдавайся.

Я увидел его голову в бледном свете отверстия.

— Ты уже у цели. Теперь вылезай и уходи от ямы.

Он попробовал. Я почувствовал, что из этого ничего не получится.

— Подожди. Я тебе помогу, — сказал я, беря его снизу под пятки. — Я толкну тебя. Подброшу. — Я уперся ногами и, сжав зубы, изо всех сил пихнул его вверх, увидел, как он исчез, поглощенный дырой, и в то же мгновение почувствовал, как длинный гвоздь пронзил мне кость лодыжки до самого костного мозга, режущая боль горячей волной пропорола меня до самого паха, и я рухнул на землю.

— Микеле! Микеле! У меня получилось! Вылезай.

Меня рвало.

— Сейчас.

Я попытался подняться, но нога не слушалась меня. Лежа я попытался дотянуться до веревки, но мне не удалось.

Голоса были совсем рядом. Я слышал шаги.

— Микеле, выходи.

— Иду.

Голова у меня кружилась, мне удалось встать на колени. Но подтянуться не было сил. Я крикнул:

— Филиппо, беги отсюда!

Он заглянул в яму:

— Вылезай!

— Не получается. Нога. Убегай!

Он отрицательно покачал головой:

— Нет. Без тебя — нет.

Свет за его спиной стал ярче.

— Беги, они уже рядом. Беги!

— Нет.

— Ты должен уйти отсюда. Я тебя прошу! Уходи!

— Нет.

Я заорал во все горло:

— Уходи! Уходи! Если не уйдешь, они убьют тебя, ты можешь это понять?!

И я заплакал.

— Уходи. Уходи скорее. Я тебя прошу, я тебя умоляю. Уходи... и не останавливайся. Нигде не останавливайся. Нигде и никогда... и

спрячься! — Я упал на дно ямы.

— Я не могу, — ответил он. — Я боюсь.

— Нет, ты не боишься. Не боишься. Тебе нечего бояться. Иди и спрячься.

Наконец он закивал и исчез.

Сидя я все еще старался поймать в темноте конец веревки, касался ее пальцами и вновь терял. Пробовал еще и еще, но веревка была слишком высоко.

Сквозь отверстие я увидел папу. В одной руке у него был пистолет, в другой электрический фонарь.

Он проиграл.

Как всегда.

Луч упал на меня. Я закрыл глаза.

— Папа, это я, Микеле...

Затем стало светло.

Я открыл глаза.

Нога у меня горела. Не та, а другая. Боль распространялась, словно ползучее растение. Неудержимая, скручивающая кишки. Непереносимая. Раскаленная докрасна. Рухнувшая плотина.

Рухнувшая плотина не способна ничего сдержать.

Нарастал грохот. Металлический грохот усиливался, заполняя все вокруг. У меня пульсировало в ушах.

Я был в поту. Я потрогал ногу. Что-то липкое и горячее измазало мои руки.

Я не хочу умирать. Не хочу.

Я открыл глаза.

Я был в центре вихря из соломы и света.

Это был вертолет.

И был папа. Он держал меня на руках. Он что-то говорил мне, но я не слышал его. Его растрепанные волосы блестели.

Свет ослепил меня. Из мрака появились люди и собаки. Они шли к нам.

Властелины холмов.

Папа, они уже рядом. Беги, спасайся.

Сердце билось так сильно, что я слышал его сквозь грохот моторов.

Меня вырвало.

Я опять открыл глаза.

Папа плакал. И гладил меня. Красными руками.

Темные фигуры приближались. Папа смотрел на них.

Папа, ты должен бежать.

Сквозь грохот я услышал его слова:

— Я не узнал его... Помогите мне, я прошу вас, это мой сын. Он ранен. Я его не...

И вновь наступила темнота.

И был папа.

И был я.

---

notes

Примечания

1

Букв, «запруда» (ит.). — Здесь и далее прим. пер.

Тайгер (Тигр) Джек — герой американских сериалов о Диком Западе.

Маниту — на языке индейцев-алгонкинов Северной Америки «дух», «бог»; обозначение таинственной колдовской силы, а также личных духов-покровителей.

Текс Уиллер — герой американских сериалов о Диком Западе

Лурд — местечко во французских Пиренеях, где, по поверью, раз в год появляется Мадонна и куда стекаются толпы католиков для получения ее благословения.

6

Дино Дзофф — тренер сборной Италии по футболу, в прошлом вратарь

Тэкс Эйвери — автор веселых мультфильмов и многочисленных комиксов.